

Восточный Архив

№ 2 (24), 2011

СОДЕРЖАНИЕ

Восточный архив

Издается с 1998 г.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия
Свидетельство ПИ № ФС77-32098 от 30 мая 2008 г.

Индекс 65049 в подписном каталоге «Пресса России».

Редакционный совет

В.В. Наумкин – председатель
В.И. Шеремет – зам. председателя
В.М. Алпатов
Д.Д. Васильев
В.С. Мясников
Р.Г. Пихоя
М.Р. Рыженков
Т.А. Филиппова
А.Н. Хохлов
Т.Л. Шаумян

Редколлегия

В.И. Шеремет – главный редактор
В.В. Беляков – зам. главного редактора
Н.К. Чарыева – ответственный секретарь
Д.Д. Васильев
И.В. Зайцев
А.Ш. Кадырбаев
М.Т. Кожекина

Художественное оформление

С.И. Потабенко

Верстка

Г.М. Абишева

Журнал издается Институтом востоковедения РАН
Адрес редакции: 103031, Москва, Рождественка, д. 12, комн. 213
E-mail: orientalarchive@yandex.ru

Воспроизведение или распространение полностью или частично текста «Восточного архива» в любой форме и любыми способами не допускается без письменного согласия редколлегии. Всю ответственность за точность и достоверность фактов, цитат и цифр, а также за то, что статьи не содержат данных, не подлежащих открытой публикации, несут авторы. Позиция редакции не обязательно совпадает с мнениями авторов. При цитировании ссылка на журнал «Восточный архив» обязательна.

Подписано в печать _____
Объем 12,0 п. л.
Отпечатано в типографии Максимова
103031, Москва, Рождественка, 12

Цена в розницу договорная

© Авторы
© Институт востоковедения РАН

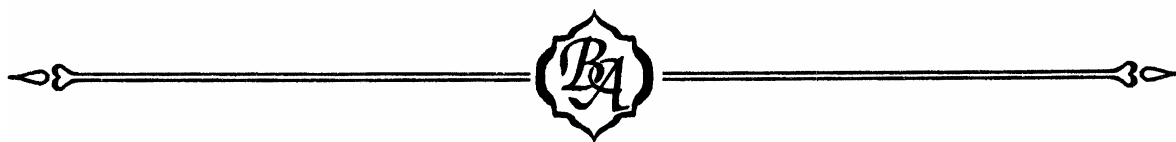
Слово редактора	3
Тимохин Д.М. Арабо-персидские источники о хорезмшахе Джалал ад-Дин Манкбурны и его действиях в Северной Индии (1221–1224 гг.)	4
Frumin Mitia. François Kauffer: at home among strangers, a stranger at home. The fate of a cartographer in foreign service in the age of empires	15
Филиппова Т.А. «Чужая политика». Журнал «Сатирик» как источник сведений о конституционных преобразованиях в Турции и Персии в начале XX в.	24
Бухерт В.Г. «Настоятельнейшие нужды Памирского района». Записка И.И. Зарубина. 1917 г.	30
Тихонов Ю.Н. Трудный путь к добрососедству. Новые архивные документы о первых советско-афганских дипломатических контактах в 1919–1920 гг.	33
Валеев Р.М. О кончине Н.Ф. Катанова. Письмо Б.В. Миллера С.Ф. Ольденбургу	44
Эминов Р.Р. Первый национальный музей крымских татар	48
Молодяков В.Э., Росов В.А. «Антикоминтерновский пакт» сибирских областников с японскими депутатами (1925 г.)	65
Беляков В.В. На службе египетского короля. Из воспоминаний Анатолия Маркова (окончание)	69
Бухерт В.Г. У истоков отечественной африканистики. Неопубликованная лекция Г.А. Нерсесова	76
Подалко П.Э. «Китайский фактор» в системе обучения русских ученых-востоковедов и дипломатов	86
* * *	
Святослав Игоревич Потабенко (1923–2011)	94
Наши авторы	96

Oriental Archive

No. 2 (24), 2011

CONTENTS

Editor's notes	3
Timokhin, Dmitriy. The Arab-Persian sources on Khorezmshah Djalal ad-Din Mankburny and his operations in the Northern India in 1221–1224	4
Frumin, Mitia. Francois Kauffer: at home among strangers, a stranger at home. The fate of a cartographer in foreign service in the age of empires	15
Filippova, Tatiana. “Satiricon” Russian magazine on constitutional reforms in Turkey and Persia at the beginning of the XX century	24
Buhert, Vladimir. On pressing needs of the Pamir region in 1917	30
Tikhonov, Yury. New archive documents on first Soviet-Afghan diplomatic contacts in 1919–1920	33
Valeev, Ramil. Death of professor Katanov. Letter from professor Miller to professor Oldenburg	44
Eminov, Rustem. First national museum of Crimean Tatars	48
Molodyakov, Vassiliy, Rosov, Vladimir. Anti-Communist treaty of Russian emigrants from Siberia with Japanese deputies (1925)	65
Beliakov, Vladimir. At Royal Service in Egypt. From memories of a Russian emigrant Anatoly Markov (the final part)	69
Buhert, Vladimir. First Russian explorers of Africa. Unpublished lecture of professor Nersesov	76
Podalko, Peter. “Chinese factor” in education of Russian experts on Japan	86
* * *	
Obituary. Dr. Svyatoslav Potabenko (1923–2011)	94
Contributors	96

СЛОВО РЕДАКТОРА

Уважаемые коллеги!

Предлагаемый вашему вниманию выпуск «Восточного архива» весьма сложен по гамме чувств и палитре содержания.

Ушел в Вечность Святослав Игоревич Потабенко (1923–2011) – создатель внешнего облика журнала, его внутреннего дизайна, а нередко и контента. Пока жив журнал, он будет выходить с изображенным Потабенко символом единства: рукопись рядом с фолиантом. Таков и «Восточный архив» по сути своей, так видел архивное востоковедение, взлелеянное нашим журналом, наш старший друг и товарищ. Как знак нашего единства в делах и планах имя С.И. Потабенко останется на титульном листе журнала.

Осенний выпуск 2011 года фактически посвящен очередной Международной конференции по архивному востоковедению, которая имеет быть в Москве в ноябре сего года. Это обстоятельство, равно как и устойчиво широкий творческий диапазон наших авторов, определили географию присланных статей – по авторам и по содержанию. От берегов Мертвого моря через Черное море до Тихого океана живут наши авторы (М. Фрумин – Израиль; Р.Р. Эминов – Крым; П.Э. Подалко и В.Э. Молодяков – Япония).

С учетом высокой языковой подготовленности наших читателей и того, что одним из рабочих языков международных конференций является английский, мы публикуем новую работу доктора М. Фрумина в английском варианте.

Можно поздравить профессионального архивиста (Архив РАН) В.Г. Бухерта с введением в сферу доступности документов о почти забытом в огненном 1917 году Памире (1-я статья) и материалов об истоках современной африканистики (2-я статья).

Мы публикуем также эксклюзивную в перспективе дальнейшего исследования документальную находку известных особым чутьем на документы-раритеты В.Э. Молодякова и В.А. Росова. Японские интересы в Сибири на заре Советской власти: взгляд через документы «областников». Будем просить авторов развивать эту тему, актуальную в контексте современных проблем России к востоку от Урала.

Несколько обобщающих идей (по документам) в отношении синологии в отечественной ориенталистике предлагает наш новый автор П.Э. Подалко.

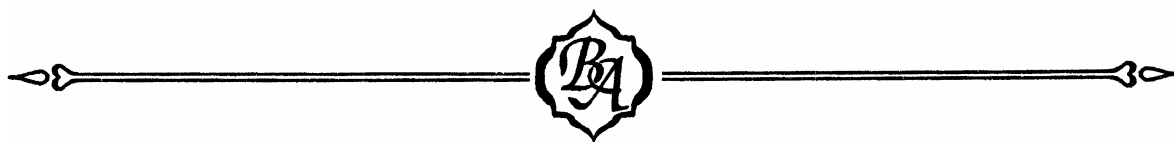
Продолжающиеся публикации ветеранов архивного востоковедения Р.М. Валеева (Казань), В.В. Беякова (Москва), Ю.Н. Тихонова (Липецк) отмечены вектором долговременного продуктивного поиска. То же можно сказать и о молодом авторе Д.М. Тимохине (Москва), не впервые раскрывающем непростую историю хорезмшахов.

Политическая историческая аналитика иранской и турецкой революций начала XX века через глубокое и остроумное прочтение русского журнала «Сатирикон» представлена шеф-редактором «Родины» Т.А. Филипповой. Это и плод союза двух журналов, и новое видение востоковедных проблем.

Музейное дело и крымские татары в контексте архивного востоковедения предстают в статье Р.Р. Эминова (Украина, Крым). Мы отдельно благодарим члена редколлегии журнала И.В. Зайцева за большую работу по приведению уникального материала в сложившийся формат.

До встречи! На конференции и на страницах «Восточного архива».

В.И. Шерemet

Д.М. Тимохин

**АРАБО-ПЕРСИДСКИЕ ИСТОЧНИКИ О ХОРЕЗМШАХЕ
ДЖАЛАЛ АД-ДИН МАНКБУРНЫ И ЕГО ДЕЙСТВИЯХ
В СЕВЕРНОЙ ИНДИИ (1221–1224 гг.)**

Данная статья посвящена относительно малоизученному периоду биографии одного из самых великих правителей Хорезма, Джалал ад-Дина Манкбурны, а именно его пребыванию на территории Северной Индии. В отечественной и зарубежной историографии монгольского завоевания Центральной Азии уделяется особенно пристальное внимание противостоянию Джалал ад-Дина монголам на территории самого Хорезма, а впоследствии Западного Ирана. В то же время «индийский» период жизни хорезмшаха, продлившийся без малого три года, практически оставался без специального изучения, исключая работы П. Джексона¹, малодоступные для отечественного исследователя. Между тем арабо-персидские источники предоставляют нам достаточно обширный материал по данной проблеме.

Указанный период важен не столько для изучения истории противостояния Джалал ад-Дина монголам, сколько для понимания самой личности этого правителя и выявления причин его последующего ухода на территорию Ирана. Причем действия Джалал ад-Дина в Индии оставили яркий след в истории этой страны, поэтому их изучение позволит несколько лучше понимать историческое развитие североиндийского региона в этот период. Наконец, систематизация сведений, содержащихся в рамках корпуса арабо-персидских источников, позволит нам понять, насколько важным считали данный период биографии хорезмшаха средневековые историки, какое место они ему отводили и, в конце концов, насколько хорошо он был им известен.

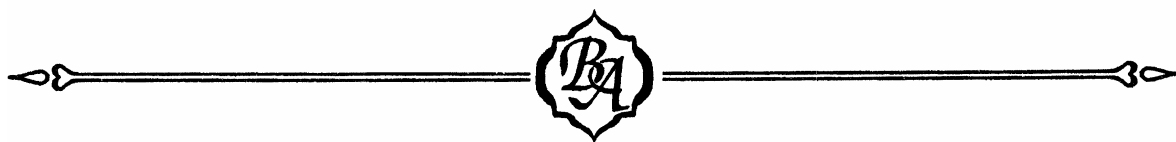
Необходимо кратко охарактеризовать биографию Джалал ад-Дина накануне его бегства в Индию. Получив от отца власть

над Хорезмом лишь в 1220 г., он бросил все силы на сопротивление монгольским завоевателям. Однако в 1220–1221 гг. все попытки Джалал ад-Дина напрямую противостоять Чингиз-хану провалились. Исход решающего сражения Джалал ад-Дина с монголами у реки Инд (Синд) в 1221 г. открыл дорогу господству монголов на территории Хорасана и Мавераннахра.

Арабо-персидские историки достаточно подробно описывают это сражение. «По рассказу Насави, центр мусульманского войска, под начальством самого Джалал ад-Дина, смял монголов, и сам Чингиз-хан уже обратился в бегство, но битву решило нападение 10000 монгольских бахадуров, до тех пор стоявших в засаде, на правое крыло мусульман, под начальством Амин ал-Мулька. Сын Джалал ад-Дина лет семи или восьми был взят в плен и убит; свою мать, жену и других женщин Джалал ад-Дин сам велел бросить в воду, чтобы они не достались монголам»².

У Казвини мы видим более краткое описание этой битвы: «В шаввале года 618 (18 ноября – 18 декабря 1221 г. – *Д.Т.*) Чингиз-хан дал ему бой на берегах Синда и был победителем. Султан Джалал ад-Дин переправился через реку без судна с 700 воинами; [в итоге Джалал ад-Дин] спасся только с 7 воинами»³. Чингиз-хан, следя за переправой Джалал ад-Дина, сказал: «Только такой сын должен быть у отца! Раз он сумел выйти невредимым из такой битвы и выбраться из такой пучины на берег спасения, от него проистекнут множество деяний и бесчисленные смуты!»⁴

Подобное высказывание вряд ли имело место. По-видимому, это выдумка Рашид ад-Дина, но эти слова верно передают отношение Чингиз-хана к личности хорезмий-

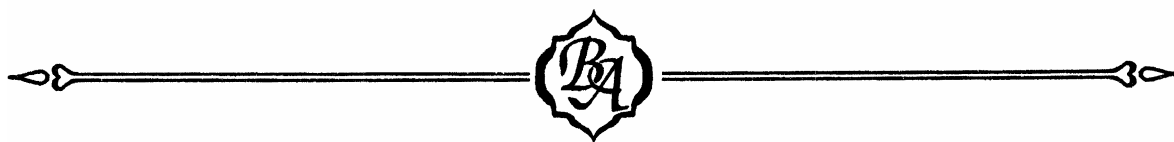
ского правителя. Монгольский хан впервые встретил равного противника, такой соперник нужен был ему живым, и он отнюдь не хотел его убивать. В описании Рашид ад-Дином личности и поступков султана нашло отражение и дальнейшее отношение персоязычных историков к личности хорезмшаха в Персии и в Восточном Туркестане. В нем продолжали видеть героя. Рашид ад-Дин также пишет, что перед упомянутым боем Чингиз-хан якобы сказал своим воинам: «Не поражайте султана стрелой, приложите все старание, чтобы какой-нибудь уловкой захватить его живым!»⁵

Исход сражения у реки Инд предопределил дальнейшее развитие событий в Центральной Азии: монголы стали господствовать на большей части территории государства Хорезмшахов. Джалал ад-Дин больше не имел возможности противостоять Чингиз-хану, и, видимо, распрощался с надеждой отвоевать Хорасан и Мавераннахр.

Кроме непосредственно поражения хорезмийских войск в битве на реке Инд, существуют и иные причины, из-за которых монгольская армия за столь небольшое время смогла полностью уничтожить державу Хорезмшахов. Арабо-персидские источники содержат сведения о том, что Джалал ад-Дин допустил весьма существенные ошибки в период борьбы с монголами в областях Гора, а именно в том, что касается идейного оформления своей борьбы. Джалал ад-Дин не предложил никакой идеи, вокруг которой могли бы сплотиться все без исключения народы погибающей империи Хорезмшахов. Имея под своей рукой полиэтническое войско, хорезмшах не только не попытался сплотить свою армию, но не смог даже противостоять расколу в ней. По сути, накануне решающего сражения Джалал ад-Дин лишился практически половины своей армии, которая отделилась от него из-за межэтнического конфликта. В сочинении ан-Насави мы находим весьма подробное и любопытное описание этого события.

«Случилось так, что к этому времени войска халаджей (и карлуков. – *Прим. переводчика*) под предводительством Сайф ад-

Дина Играка, А'зам-Малика и Музаффар-Малика в гневе покинули Джалал ад-Дина как раз тогда, когда он больше всего нуждался в их присутствии и их помощи. А причина этого была в том, что когда они разбили сына Чингиз-хана у Парвана, то тюрки при разделе добычи, доставленной им Аллахом, поспорили с ними на [свой] позор, печатью которого они были клеймены и его огнем таврованы. Некоторые из тюрок Амин-Малика даже оспаривали у А'зам-Малика коня из татарской конницы, и спор между ними затянулся. Тюрк ударил его своей плетью, и это вызвало возмущение в их душах и ненависть в их сердцах. В их умах закипела злоба, так как они видели, что не могут добиться справедливого дележа. И как ни старался Джалал ад-Дин удовлетворить их, тюрки становились еще злее и несдержаннее в своем обращении и в отсутствии учтивости, у них было мало опыта в этих делах и они не хотели видеть, каковы будут последствия. Чужеземцы (*ал-гураба*)⁶ жаловались друг другу, что эти тюрки считают, что татары не из рода людского, они не знают страха, так как мечи не оставляют на них следа, и они не отступают, ибо на них не действуют копья. Но ведь мы видели, как мечи расправлялись с их суставами, а с племенами – копья и камни, [как] они довольствовались обетом, который нарушается, и соглашением, которое расторгается. [Они совершали это] “превознесением на земле и ухищрением зла. Но злое ухищрение окружает только обладателей его” /Коран XXXV, 41 (43)/. Когда Джалал ад-Дин ублаговлял их, чтобы возратить, и направлял послов для заключения прочного союза, тюрки отвечали ненавистью. “Дело Аллаха было решением предрешенным” /Коран XXXIII, 38 (38)/, и они покинули его. Таким образом, государи этого дома (Хорезмшахов. – *Прим. переводчика*) совершили ошибку, взяв в помощь тюрок против такого же племени из числа многобожников. Ведь кто сражается без непоколебимой веры и твердой убежденности, не надеется на воздаяние и не боится [адских] мучений, не гарантирован от слабости при нужде и от того, чтобы

следовать своим желаниям в любое время и ежечасно. Да!»⁷

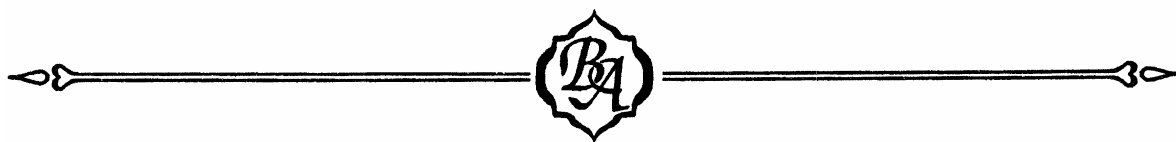
К другим просчетам можно отнести то, что хорезмшах после раскола своей армии двинулся в сторону области Синд, где была велика опасность быть зажатым между монголами и рекой, что собственно и произошло. Как видно из описаний современников, монгольские отряды двигались вслед хорезмийской армии, не давая возможности наладить переправу через Инд и вынуждая вступить в открытое столкновение, где численное преимущество было опять же на стороне Чингиз-хана. В результате бегства в Индию Джалал ад-Дин оказывался в чужих землях, ему не приходилось рассчитывать на сколь-либо значительную помощь. Возможно, следовало бы избрать другое направление отступления после раскола армии и направиться в другие, еще незатронутые войной области империи Хорезмшахов, что позволяло сохранить остатки армии и набрать новые отряды из бывших подданных Хорезмийской державы.

Как уже говорилось выше, войско Джалал ад-Дина после битвы на реке Инд практически перестало существовать. После переправы у него осталось всего несколько сотен воинов, но хорезмшах не опустил руки. В Индии он начал накапливать силы и готовиться к продолжению борьбы. Благо монголы этому не мешали: 20 тысяч воинов, посланных в 619 г.х. (1222) в погоню за ним, повернули от Мултана⁸ назад, якобы не выдержав жары. Скорее всего, монгольский корпус, посланный в погоню, просто не нашел Джалал ад-Дина на этой территории. «Он (Джалал ад-Дин. – *Д.Т.*) двигался по окраине страны Синд, где его воины присоединялись к нему, по двое, наконец, огромная армия собралась вокруг него»⁹. Насави пишет о 4 тысячах воинов и трех спасшихся военачальниках – Кулбарсе Бахадуре, Карбкухе и Саид ад-Дине Али аш-Шарабдаре.

В сочинении Джувейни мы находим гораздо более подробный рассказ относительно сбора хорезмшахом сил после поражения от монголов. «Когда султан избежал двой-

ной опасности – огня и воды, то есть потока Инда и пламени ярости Чингиз-хана, к нему присоединились пять или шесть воинов его личной гвардии, которых не уничтожила Судьба и которые не были обращены в прах языками пламени горя и бедствий. Они не могли придумать ничего лучше, кроме как укрыться в лесу, и так они скрывались там день или два, по истечении которых к ним присоединились еще пятьдесят человек. Лазутчики, посланные разведать обстановку, воротились с сообщением о том, что отряд головорезов-индусов, пеших и конных, занимался грабежами и предавался распутству в двух фарсах от лагеря султана. Он велел своим спутникам вырезать себе по дубине и напасть на тех людей ночью. Они перебили большинство из них и забрали их животных и оружие. Вскоре к султану присоединился еще один отряд, частью на лошадях, частью на волах. Они принесли известие, что неподалеку находилось индийское войско численностью до двух или трех тысяч человек. Султан напал на него со ста двадцатью воинами, и пронзил своим индийским клинком множество этих индийцев, и, захватив добычу, смог перевооружить свое войско. Когда известие о силе султана и о том, что он оправился от поражения, распространилось по всей Индии, в горах Балала и Никала стали собираться войска, и на него напало около пяти или шести тысяч всадников. Услышав об их приближении, он отправился им навстречу с пятьюстами конниками, бывшими в его распоряжении, и, вступив в бой, рассеял и уничтожил индийские полки. И со всех сторон к нему стали прибывать отдельные отряды, пока не набралось под его началом около трех или четырех тысяч человек»¹⁰.

Если не брать в расчет несколько завышенное Джувейни количество войск, противостоявших Джалал ад-Дину, то вырисовывается примерно та же картина, что и в сочинениях Казвини и ан-Насави. Остатки хорезмийского войска постепенно возвращаются к своему военачальнику, и вскоре у него под командованием оказывается достаточно большой отряд, состоящий из преданных лично ему воинов. Нельзя не отметить

тот факт, что исходя из данных Джувеини, в первое время после поражения на реке Инд отряд Джалал ад-Дина и по количеству воинов, и по вооружению, а главное, по своим действиям, мало чем отличался от обычной разбойничьей шайки. Так что уничтоженный хорезмийцами «отряд головорезов-индусов» имел с хорезмийцами гораздо больше сходных черт, чем могло показаться на первый взгляд. Безусловно, такого рода действия Джалал ад-Дина и его воинов носили скорее вынужденный характер. Не только потому, что их число было невелико, но и по той причине, что действовать хорезмшаху приходилось в крайне стесненных обстоятельствах, да еще и на чужой территории, безо всякой возможности опереться на местное население, как это могло быть в Хорезме или на территории Афганистана.

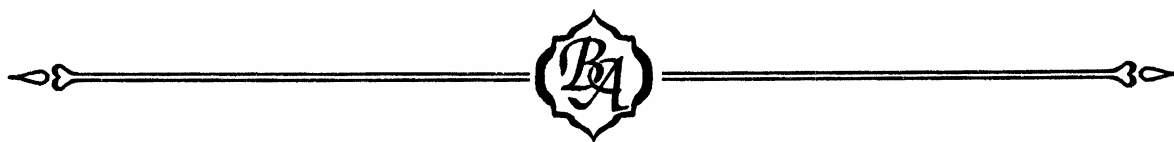
Как видно из описаний Джувеини и других историков, несмотря на первые удачные действия на территории Северной Индии, численность войска хорезмшаха была в тот момент невелика, и к тому же оно нуждалось в припасах и вооружении. Бедственным положением Джалал ад-Дина в Индии поспешили воспользоваться местные раджпутские правители. Вот как пишет об этом Насави: «Когда правитель области гор ал-Джуд рана¹¹ Шатра узнал, что превратности войны удалили Джалал ад-Дина, разбитого с небольшим числом сподвижников и остатком его сторонников, на край его страны и что в результате сражения у него осталась лишь малая часть конницы, он направился к нему с воинами числом около тысячи конных и пятью тысячами пеших, чтобы воспользоваться удобным случаем и моментом ослабления и заполучить свою долю»¹².

Именно войско правителя Шатра, о котором пишет хорошо осведомленный о деятельности хорезмшаха ан-Насави, в более поздних сочинениях, в частности у Джувеини, «теряет» своего предводителя и вместо одной битвы в самом начале своего «индийского» периода правления Джалал ад-Дин, согласно тому же Джувеини, выиграл три. Так или иначе, первые же военные действия хорезмшаха в Индии ставят перед ним сле-

дующую дилемму: или хорезмийскому правителю удастся вписаться в общественно-политическую картину нового для него региона, для чего, безусловно, потребуются немалые усилия, или же ему надлежит покинуть эту территорию и отправиться в ту часть империи хорезмшахов, которая еще не была затронута монгольским нашествием. Как показали последующие события, Джалал ад-Дин предпочел первый из упомянутых вариантов.

Итак, появление Джалал ад-Дина в Индии заставило его начать новую войну с новым противником – династией Раджпутов. Разбив правителя Шатра и захватив добычу, хорезмшах оказался в весьма сложной ситуации. После разгрома правителя Шатра зависимость от Джалал ад-Дина признал Камар ад-Дин Кермани, наместник правителя Насир ад-Дина Кубачи, владевшего областями Синда, Уччи¹³, Мултана, Лахора¹⁴ и Пешавара¹⁵. «Когда Камар ад-Дин, на'иб Кубачи в Нандане и Сакуне, услышал отзвуки этого удивительного сражения и чудесной новости, он стал искать сближения с Джалал ад-Дином путем подношения редкостных даров и различных подарков, в числе которых был дихлиз¹⁶. Он заранее старался избежать сражения с ним, остерегаясь того, что произошло с раной Шатра в результате встречи и битвы [с Джалал ад-Дином], и это нашло у последнего благоприятный отклик»¹⁷. Вскоре и сам Насир ад-Дин Кубачи, пусть и на весьма непродолжительное время, признал зависимость от Джалал ад-Дина¹⁸.

Нельзя не отметить и тот факт, что мусульманские правители Северной Индии из династии Гулямов после появления Джалал ад-Дина в этом регионе давали понять, что видеть его в Северной Индии не желают. Так, согласно Джувеини, после первых побед в Северной Индии хорезмшах направляет гонца к султану Шамс ад-Дину Ил-Тутмышу ал-Муиззу¹⁹ со следующим посланием. «Превратности судьбы, – говорилось в послании, – дали мне право явиться к тебе, а такие гости, как я, приходят редко. И потому, если источник дружбы будет очищен ка-

ждой из сторон, и кубки братства наполняются до краев, и мы поклянемся помогать и оказывать поддержку друг другу в радости и горе, все наши цели будут достигнуты и намерения осуществляться; и когда наши враги увидят, какое между нами существует согласие, их зубы противодействия затупятся». Далее в послании Джалал ад-Дин просил назначить ему место, где бы он мог провести несколько дней²⁰.

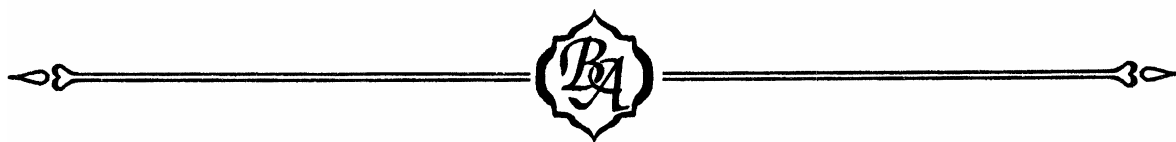
Согласно Джувейни, Шамс ад-Дин был не слишком доволен перспективой присутствия на своей земле беглого хорезмийского правителя, ответил ему уклончиво и предложил прибыть в близлежащую к Дели местность. То ли для того, чтобы контролировать действия Джалал ад-Дина, то ли, что вероятнее, чтобы его уничтожить. «Султан Шамс ад-Дин отправил гонца с угощением, достойным такого гостя, но не назначил ему место для проживания, отговорившись тем, что климат в этой области неподходящий для короля и нет в ней места, в котором ему прилично было бы поселиться. Если султан согласится, он мог бы выделить и передать ему место неподалеку от Дели, как только очистит тот край от мятежников»²¹.

В ранних арабо-персидских памятниках факт такого рода переписки отсутствует, в то время как в сочинениях историков, живших позднее Джувейни, в частности у Рашид ад-Дина, мы можем найти подобный сюжет. «Тогда он (Джалал ад-Дин. – Д.Т.) направился к Дели. Дойдя до границы, он отправил посла к султану Шамс ад-Дину [с такими словами]: “Так как в прошлое время право соседства бывало нерушимо и если с обеих сторон и втайне, и въяве шла друг другу помощь и поддержка, то это соответствовало [требованиям] благородства”. И просил назначить [ему] какую-нибудь местность для остановки там на несколько дней. Так как чрезмерная жестокость и несправедливость султана были известны, то султан Шамс ад-Дин несколько дней медлил с ответом, раздумывая об опасности его последствий и страшась властности султана. В конце концов он уничтожил посла, отправил к султану с достойными его угощениями и с

должными подарками одно знатное лицо и принес извинения в том, что в этих пределах нет [места] с соответствующим климатом, который подходил бы для здоровья султана. Если же султану будет благоугодно, чтобы назначено было какое-нибудь место в пределах Дели, то таковое ему может быть предоставлено из числа любых мест, какие бы султан ни завоевал у мятежников. Когда султан услышал эти речи, он вернулся назад и пришел к пределам Пелалэ и Пикалэ. Там к нему присоединился отряд другого войска, и число его всадников стало около десяти тысяч»²².

Даже если считать подобный сюжет исключительно творчеством Джувейни и последующей компиляцией Рашид ад-Дина, следует признать, что присутствие в непосредственной близости столь умелого полководца, к тому же с определенными политическими амбициями, вряд ли входило в интересы североиндийских правителей. Возможно, хорезмшаху прозрачно намекнули о нежелательности его присутствия в Индии. Однако Джалал ад-Дин Манкбурны не ушел. Он не только остался, но и начал укреплять свою власть в Северной Индии. «Вскоре к нему присоединились ушедшие от его брата Гийас ад-Дина Пир-шаха эмиры Санджакан-хан, Илчи-Пехлеван, Ур-хан, Сайирджа и Текчарук Ханками со своими отрядами»²³. После того как хорезмшаху удалось значительно увеличить свою военную мощь, он развернул целую кампанию на территории Северной Индии, направленную против Насир ад-Дина Кубачи.

Причиной таких действий хорезмшаха следует признать, по крайней мере на этом настаивают арабо-персидские историки, личные счеты, которые были у Джалал ад-Дина Манкбурны с Насир ад-Дином Кубачи. «Кубачи убил везира султана Шамс ал-Мулка и его сына, а также сына эмира Амин ал-Мулка»²⁴. Относительно смерти сына Амин ал-Мулка следует признать, что к этому Насир ад-Дин напрямую был непричастен. Однако он не только не наказал убийцу, но и пожаловал его, согласно рассказу все того же ан-Насави. «Другой причиной вражды

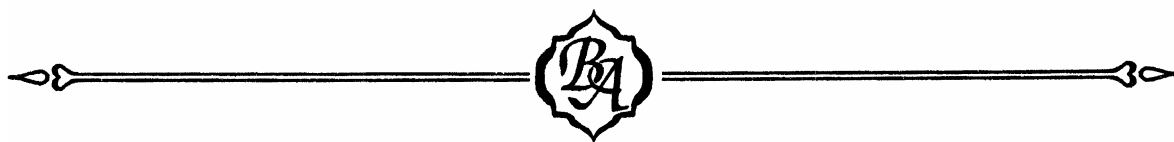
было также то, что сын Амин-Малика, Кыран-хан, после сражения оказался в Калоре, одном из городов Кубачи; кто-то из просто-народья города захотел ограбить его, и он был убит, будучи еще ребенком, со щеками краше розы, со станом, [тонким], как ветвь, с красивым и благородным лицом. Затем Кубачи принесли из награбленного у сироты жемчужину, которая была в его ухе. И он поблагодарил того, кто принес [ее], и награждал убийцу добром за его убийство, даровал ему в качестве *икта'* поместье (*дай'а*). [Джалал ад-Дин] затаил гнев в сердце, но скрывал эту ненависть, храня ее глубоко в душе, выжидая малейшей возможности легко устранить затруднение»²⁵.

Как только представилась возможность и были собраны необходимые военные силы, Джалал ад-Дин начинает захватывать принадлежащие Насир ад-Дину крепости, такие как Калор и Тарнудж, которые были подвергнуты жесточайшему разграблению. После этих событий Насир ад-Дин Кубачи, получивший военную помощь от Шамс ад-Дина Ил-Тутмыша, лично выступает против хорезмшаха, однако проигрывает сражение и спасается бегством. «Кубачи оставил пустой лагерь таким, каким он был: с разбитыми шатрами и установленными *дихлизами* с обильными сокровищами и множеством оружия. Джалал ад-Дин со своими спутниками расположился, как [обычно] располагается войско в шатрах, установленных заранее. Они отправились со всем, что добыли из денег и вещей, прикрыли этим наготу своих лучников и исправили слабость своего положения. Слава ему за то, что он достиг похвальной цели, к которой стремился, и плодородного места для своих людей, блуждающих в поисках кочевья»²⁶.

После победы над Насир ад-Дином Кубачи, Джалал ад-Дин не останавливается на достигнутом. Он продолжает укреплять позиции в регионе, что приводит к вполне логичной развязке – против хорезмшаха выступает уже лично Шамс ад-Дин Ил-Тутмыш с огромной, по словам ан-Насави, армией. «Разбив Кубачи, Джалал ад-Дин напал на Лахавур. Здесь находился сын Куба-

чи, он восстал против своего отца и завладел городом. Джалал ад-Дин решил утвердить Лахавур за ним при условии уплаты денежной [суммы] немедленно и другой, вносимой ежегодно. Затем он отправился в Садусан, где наместником (*вали*) от имени Кубачи был Фахр ад-Дин ас-Салари. Этот встретил Джалал ад-Дина с покорностью и добровольно или из страха передал ему городские ключи. Джалал ад-Дин собрал налоги и удовлетворил воинов. После этого он отправился отсюда в сторону Уччи и осаждал ее в течение нескольких дней. С обеих сторон было убито множество народа. Затем они заключили мир при условии уплаты дани, которая была [сразу] внесена. Затем он пустился в путь, направляясь к Хатисару. Здешний *рай* – *рай* на индийском языке означает *малик* – был одним из подданных Шамс ад-Дина Ил-Тутмыша, его сподвижником, принесшим присягу повиновения ему и его гербу. Он покорно вышел навстречу [Джалал ад-Дину] и явился на службу, перейдя на его сторону. Джалал ад-Дин поставил здесь посох пребывания, чтобы собраться с силами после трудностей пути и отдохнуть от перенесенной опасности. Здесь он получил сообщение о том, что Шамс ад-Дин Ил-Тутмыш направился к нему с тридцатью тысячами конных, сотней тысяч пеших и тремястами слонов. Это было полчище, обременившее своей тяжестью плечо пустыни и заслонившее [поднятой им] пылью воздушные просторы»²⁷.

В трудах Джувейни и Рашид ад-Дина мы видим в целом схожее с ан-Насави описание последующих действий хорезмшаха. «Султан поджег город»²⁸ и ушел в сторону Седусана. Правителем там от имени Кубачи был Фахр ад-Дин Салари, а Лачин Хитаи – его командующим войсками. Лачин вышел [из города] для боя навстречу Ур-хану, бывшему в авангарде султана, и был убит. Ур-хан осадил город. Когда подоспел султан, Фахр ад-Дин Салари явился к нему с мечом и саваном. Султан вошел в город и пробыл [там] месяц. Он обласкал Фахр ад-Дина и утвердил за ним управление Седусаном. [Затем] двинулся на Дивал и Дамрилэ. Чин-сар,

бывший правителем той области, бежал на один из островов. Султан расположился в тех пределах и послал Хас-хана с войском в набег на Нахрвалэ, чтобы привести оттуда побольше верблюдов. Султан построил соборную мечеть в Дивале на месте крепости»²⁹.

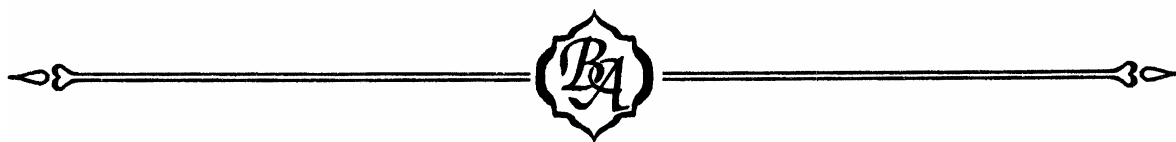
Итак, после того как Насир ад-Дин Кубачи был разбит, перед Джалал ад-Дином Манкбурны встает еще более серьезная задача, а именно противостояние с самым могущественным правителем Северной Индии – Шамс ад-Дином Ил-Тутмышем. Силы Шамс ад-Дина намного превышали силы Джалал ад-Дина. Тот же ан-Насави упоминает о 30 тыс. конных, 100 тыс. пеших и 300 боевых слонов. Несмотря на это, согласно сведениям того же ан-Насави, хорезмшах двинул свою не столь многочисленную армию против того, у кого еще недавно просил временного пристанища и чья армия изрядно превосходила его собственную. «Тогда Джалал ад-Дин храбро выступил против него [Шамс ад-Дина]. Впереди него в качестве авангарда шел Джахан-Пахлаван Узбек Та'и, один из героев-богатырей и славных витязей. Он был в пути, когда авангард Шамс ад-Дина выступил против него, [преградив дорогу], и Узбек Та'и очутился в самой середине войска Шамс ад-Дина. Тогда он напал на часть войска, истребил и ранил многих и прислал к Джалал ад-Дину человека, сообщившего о великом множестве и огромной толпе [войск Ил-Тутмыша]»³⁰.

С одной стороны, такие действия хорезмшаха можно объяснить его безрассудностью и политической недалекостью, но с другой – более глубоким, чем кажется на первый взгляд, пониманием сложившейся ситуации. Безусловно, войско Джалал ад-Дина уступало в численности войскам Ил-Тутмыша, но на руку хорезмшаху должен был сыграть не только полученный им боевой опыт, но и сложившаяся за эти годы харизма победителя, которую не смогло разрушить даже поражение на реке Инд. Отступить и сохранить армию означало бы разрушить тот образ смелого и бесстрашного правителя, который склады-

вался еще в годы военной кампании на территории Хорезмийской империи. На наш взгляд, действия Джалал ад-Дина шли по совершенно правильному плану. Сразу же после победы хорезмийских соединений над авангардом Ил-Тутмыша последний прислал к хорезмшаху посла, предлагая решить дело миром – и это при подавляющем численном превосходстве!

В своем сочинении ан-Насави приводит весьма любопытную выдержку из письма Ил-Тутмыша к Джалал ад-Дину, где следующим образом характеризуется отношение делийского султана к султану-беглецу: «Не составляет тайны то, что позади тебя враг веры. А ты сегодня – султан мусульман и сын их султана. Я не позволю себе идти против тебя, служить помощником Судьбы и быть орудием происходящего. И не подобает такому как я обнажать меч против такого как ты! Это может случиться, только если к этому вынудит оборона или если это будет вызвано предосторожностью и необходимостью. И если ты найдешь целесообразным, я выдам за тебя свою дочь, чтобы упрочить доверие, усилить любовь и устранить вражду!»³¹ Согласно данным источников, после этого посольства инцидент, казалось бы, был исчерпан и враждующие стороны заключили перемирие.

Однако хотелось бы отметить, что в зарубежной историографии вышеуказанный эпизод получил несколько странное освещение, что заставляет сказать об этом здесь более подробно. Вот что, например, говорится относительно несостоявшейся войны между Джалал ад-Дином и Шамс ад-Дином Ил-Тутмышем в «Cambridge History of Iran»: «Султан (Джалал ад-Дин. – *Д.Т.*), остановившись в двух или трех днях езды от Дели, отправил посланцев к султану Шамс ад-Дину Ил-Тутмышу с предложением союза и просьбой о временном прибежище. Испугавшись того, что он может разделить судьбу султана, Ил-Тутмыш ответил вежливым отказом, и Джалал ад-Дин вернулся обратно в район Лахора, где вокруг него собирались беглецы и его силы увеличились вскоре до 10,000 человек»³².

Картина событий, предлагаемая в «Cambridge History of Iran», прямо противоречит тому, что мы видим в ранних источниках, в частности у Ан-Насави. Составители «Cambridge History of Iran», по всей видимости, базировали свой рассказ на основе более поздних арабо-персидских исторических сочинений, скорее всего на трудах Джуйвени и Рашид ад-Дина. Именно у последнего мы видим подобный фрагмент, часть которого уже приводилась выше. Однако он относится к началу пребывания хорезмшаха в Индии, но никак не ко времени его столкновения с Ил-Тутмышем. Вероятно, перед нами просто ошибка при интерпретации памятника, которая попала в одно из самых крупных зарубежных изданий по истории средневекового Ирана.

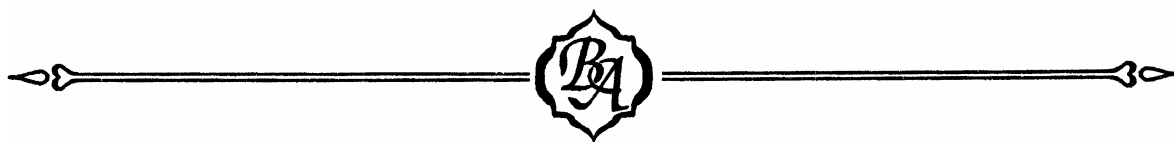
Возвращаясь к описанию дипломатических отношений между хорезмшахом и Ил-Тутмышем, следует отметить, что политический альянс между двумя могущественными лидерами не состоялся. Известные нам источники конкретного объяснения этого не дают, и мы можем только предполагать, кто из двух упомянутых лидеров отказался от альянса. Попробуем рассмотреть ситуацию с нескольких точек зрения. Если инициатором сворачивания политического сближения был хорезмшах, то это наталкивает на следующие выводы. Столь заманчивое предложение Ил-Тутмышя было оставлено без ответа, поскольку, по всей видимости, Джалал ад-Дин и не предполагал оставаться в Индии на продолжительное время. Если бы оно было принято, то его позиции в Северной Индии становились бы практически непоколебимыми. Отвергая это предложение, Джалал ад-Дин лишался мощной поддержки, и его пребывание в этих землях становилось все более проблематичным. Возможно, он и не собирался надолго оставаться в Индии, но дальнейшие события опровергают эту гипотезу. Если же следовать первой гипотезе, стоит говорить уже о крупном политическом просчете со стороны хорезмшаха.

Рассмотрим ситуацию с другой стороны и предположим, что само по себе предложе-

ние Ил-Тутмышя было изначально политическим блефом, и он сам не предполагал никакого долговечного союза с хорезмшахом. В пользу этой версии говорит тот факт, что авторитет Джалал ад-Дина как противника Чингиз-хана уже был столь велик в Северной Индии, что почти во всех местных владениях читалась хутба с его, Джалал ад-Дина, именем, чеканились серебряные и медные монеты. Этот факт, безусловно, мог показаться тревожным для правителей Северной Индии и для Ил-Тутмышя в первую очередь. Неудивительно, что сразу после описания переговоров между хорезмшахом и Шамс ад-Дином, Ан-Насави пишет о том, что такая зависимость от султана-пришельца владетелей Северной Индии не устраивала. Именно по этой причине Ил-Тутмыш, Кубачи и другие владетели – князья, проводители войск и наместники областей – договорилось избавиться от Джалал ад-Дина. «И распространились вести о том, что Ил-Тутмыш, Кубачи и прочие владетели Индии, все ее *малики (райи)*, правители (*такакира*) и наместники областей договорились между собой низложить его. [Они решили] держаться в борьбе с ним берега реки Пянджшир и оттеснить его туда, где бы не было возможности для защиты, и травить его, как ящерицу»³³.

Безусловно, обе точки зрения имеют право на существование, но более обоснованным выглядит второй вариант. Присутствие правителя-иностранца было невыгодно всем государям Северной Индии. К тому же Джалал ад-Дин, как показывали его действия в Индии, был крайне беспокойным соседом, что тоже вызывало вполне определенные и обоснованные опасения. Наконец, именно эта точка зрения в некоторой степени обосновывается и в арабо-персидских исторических сочинениях.

Говоря о последующих событиях, следует отметить, что к уходу из Индии хорезмшаха подтолкнули и другие события. Согласно арабо-персидским источникам, положение Джалал ад-Дина усугубилось изменой двух его крупных военачальников – Йезидек Пехлевана и Сункурджика. В этих

условиях после обсуждения на военном совете Джалал ад-Дин принял решение уходить в Персидский Ирак, бывший тогда под властью его брата Гийас ад-Дина Пир-шаха. «Сторонники ухода из Индии в Ирак (Персидский) отмечали, что это удобная цель для завоевателей, так как там царят самонадеянность и угодливость советников, которые заботятся о собственной безопасности. Они пренебрегают Гийас ад-Дином, считая его опору ненадежной, его политику мягкой, а его самого слабым»³⁴. С другой стороны, в тех же источниках отмечается, что в Ираке «большая часть военачальников благоволила Джалал ад-Дину и они (военачальники. – Д.Т.), несомненно, нуждались в его присутствии»³⁵. В итоге хорезмшах склонился к тому, чтобы покинуть Индию и попытаться закрепиться на территориях, которые входили в состав некогда огромной державы хорезмшахов-Ануштегинидов.

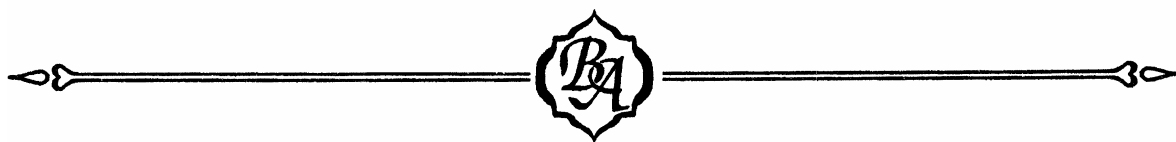
Подводя итоги вышесказанному, хотелось бы отметить, что после разгрома на реке Инд хорезмшах Джалал ад-Дин, по-видимому, принял решение более не пытаться утвердиться в центре бывшего государства хорезмшахов – Ануштегинидов, то есть в Хорасане, Мавераннахре и Афганистане. Джалал ад-Дин не пытался отвоевать даже свой «удел» – Газни. Он пытался укрепиться на периферии, близ его границ, сначала в Индии, а затем в Персидском Ираке. Это можно объяснить тем, что в битве при Инде Джалал ад-Дин увидел, насколько Чингизхан превосходит его в военном отношении, насколько несопоставима их военная мощь. В свою очередь, хорезмийское присутствие в Северной Индии в 1221–1224 гг. выглядит как способ укрепиться на «ничьей земле» для накопления военной мощи и создания плацдарма либо для последующего продвижения вглубь Индии, либо для присоединения к этому плацдарму окраинных территорий бывшей хорезмийской державы.

Возможен и такой вариант: отказ от дальнейшей борьбы за основные владения Хорезмшахов объясняется тем, что из-за разорения монголами они более не представляли для хорезмшаха Джалал ад-Дина инте-

реса – главные города были разрушены, казна разграблена, население катастрофически уменьшилось. В этом случае легко бросавший одни земли ради других Джалал ад-Дин решил создать новое государство на землях, которые были либо слабо, либо вообще не затронуты войной. Сначала предполагалось создать подобное государство в Индии (отсюда и монеты, и упоминание в хутбе), а затем в западных областях государства Хорезмшахов. Эта точка зрения представляется наиболее верной, поскольку Джалал ад-Дин рассчитывал не столько на победу над монголами, сколько на создание нового сильного государства, которое будет способно играть значительную роль на Среднем Востоке.

В данном случае встает вопрос о том, насколько тюркский правитель был «патриотичен», существовало ли для него понятие родины или ему было все равно, где править? В случае с Джалал ад-Дином можно утверждать, что для него было по сути все равно, где создавать новое государство. Таким образом, понятия «родины» и «патриотизма» для него не существовало. Если та или иная территория интересовала Джалал ад-Дина, то он захватывал ее и удерживал ровно до того момента, когда она переставала его устраивать по тем или иным причинам. С одной стороны, в этом было преимущество тюркских правителей, способных на пустом месте создавать обширные владения. С другой стороны, удержать завоеванное им было тяжело, они с легкостью покидали свои владения, поскольку до конца «своими» эти территории для них не стали. Они, по всей видимости, не ставили знак равенства между понятиями «мое государство» и «моя родина».

В Индии план Джалал ад-Дина не удалось осуществить в силу того, что эта территория никогда не входила в состав владений Хорезмшахов, и признавать власть представителя этой династии крупные владетели не пожелали. У самого Джалал ад-Дина не было достаточно войск, чтобы силой захватить здесь верховную власть у новой династии Гулямов Делийского султаната. Уход из Ин-

дии – это наиболее верное решение, принятое Джалал ад-Дином. При этом он сохранил свое войско, свою репутацию и впоследствии смог собирать силы на территориях, признававших верховную власть Хорезмшахов.

Говоря об арабо-персидских источниках, сообщающих нам о действиях Джалал ад-Дина на территории Северной Индии, следует признать, что наиболее подробные сведения мы находим у ан-Насави и Джувейни, а также в сочинении Рашид ад-Дина. По всей видимости, первый из упомянутых авторов был наилучшим образом осведомлен о действиях хорезмшаха в этом регионе, поскольку долгое время служил ему в качестве секретаря. Сам ан-Насави в северо-индийской кампании участия не принимал, сведения о ней он мог черпать из рассказов очевидцев, а возможно и от самого Джалал ад-Дина. Говоря о более поздних арабо-персидских исторических сочинениях, следует отметить, что некоторые из них, в частности труд Казвини, предоставляют нам не так уж много достоверной информации по этой проблеме. Другие, такие как труд Джувейни и Рашид ад-Дина, хоть и содержат более развернутую версию событий, изобилуют такими подробностями, которые не содержатся в более ранних памятниках.

Несмотря на отсутствие серьезных противоречий между упомянутыми памятниками, следует еще раз вспомнить незначительные расхождения, о которых говорилось выше. Начнем с того, что в ряде случаев авторы исторических сочинений приводят разное количество воинов, задействованных в том или ином сражении. Особенно эти расхождения будут заметны у Джувейни и ан-Насави при описании первых столкновений войск Джалал ад-Дина с отрядами североиндийских правителей. Говоря о том же периоде пребывания хорезмшаха в Индии, отметим, что в сочинении ан-Насави говорится лишь об одном столкновении Джалал ад-Дина с правителем Шатра, в то время как у Джувейни о предводителе не говорится ни слова, а вместо одного сражения он упоминает целых три. В данном случае речь идет,

по-видимому, об ошибках, которые свойственны более поздним историкам. С другой стороны, можно отметить и некоторые новые сюжеты, появляющиеся в более поздних памятниках по сравнению с ранними историческими трудами. В частности, у Джувейни и Рашид ад-Дина говорится о том, что после первых побед в Северной Индии Джалал ад-Дин тут же вступает в переписку с султаном Шамс ад-Дином Ил-Тутмышем ал-Муиззом, о чем молчит ан-Насави. В этом случае либо поздние историки опирались на сведения из источников, которые до нас не дошли, либо, что вероятнее, сочинили этот эпизод сами. Однако все эти разногласия являются скорее исключением, и, в целом, история пребывания Джалал ад-Дина на территории Северной Индии мало различается в ранних и поздних арабо-персидских исторических источниках.

Примечания

¹ Jackson P. The Delhi Sultanate. Cambridge, 1999; Idem. Jalal ad-Din, the Mongols and the Khwarezmian Conquest Panjab and Sind // Journal of Persian Studies. 1990. № 3–4.

² Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // В.В. Бартольд. Сочинения. М., 1963. Т. 1. С. 513.

³ Hamdallah Kazvini. Tarihi gouzide / Trad. Y. Le Strange. Paris, 1903. Vol. I. P. 420.

⁴ Рашид ад-Дин. Сборник летописей в 3-х т. Пер. А.К. Арендс, Ю.П. Верховского, О.И. Смирновой, Л.А. Хетагурова. М., 2002. Т. 1, кн. 2. С. 223.

⁵ Там же.

⁶ Имеются в виду гурцы и афганцы.

⁷ Ан-Насави. Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны. Пер. З.М. Бунятова. Баку, 1973. С. 120–121.

⁸ Мульта – город в провинции Пенджаб, на реке Чинаб.

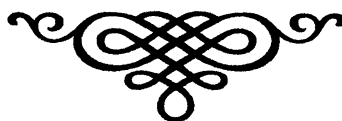
⁹ Hamdallah Kazvini. Op. cit. P. 422.

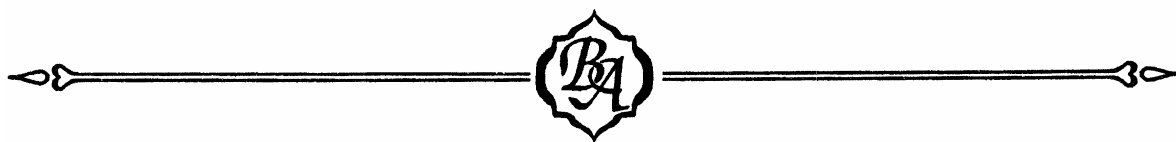
¹⁰ Джувейни. Чингиз-хан. История завоевателя мира. Пер. Е.Е. Харитонова. М., 2004. С. 291–292.

¹¹ Рана – правитель.

- ¹² *Ан-Насави*. Указ. соч. С. 130.
- ¹³ Учча (Уча) – город на берегу р. Чинаб.
- ¹⁴ Лахор – город в провинции Пенджаб.
- ¹⁵ Пешавар – город в 14 км к югу от входа в Хайберский перевал, на р. Бара.
- ¹⁶ Дихлиз – длинный крытый проход или коридор.
- ¹⁷ *Ан-Насави*. Указ. соч. С. 126.
- ¹⁸ *Бунятов З.М.* Государство Хорезмшахов-Ануштегинидов. 1097–1231 гг. М., 1986. С. 158.
- ¹⁹ Султан Шамс ад-Дин Ил-Тутмыш ал-Муизз (1211–1236) – зять первого делийского правителя из династии Гулямов Кутб ад-Дина Айбека и в то время владетель почти всей Северной Индии.
- ²⁰ *Джувейни*. Указ. соч. С. 292–293.
- ²¹ Там же. С. 293.
- ²² *Рашид ад-Дин*. Указ. соч. С. 237.
- ²³ *Бунятов З.М.* Указ. соч. С. 158.
- ²⁴ Там же. С. 159.
- ²⁵ *Ан-Насави*. Указ. соч. С. 127.
- ²⁶ Там же. С. 128.
- ²⁷ Там же. С. 129.
- ²⁸ Имеется в виду город Учча.
- ²⁹ *Рашид ад-Дин*. Указ. соч. С. 237.
- ³⁰ *Ан-Насави*. Указ. соч. С. 129–130.
- ³¹ Там же. С. 130.
- ³² *Cambridge History of Iran*. Red.: J.A. Boyle. Cambridge, 1968. Vol. 5. P. 323.
- ³³ *Ан-Насави*. Указ. соч. С. 130.
- ³⁴ Там же. С. 136.
- ³⁵ *Cambridge History of Iran*. Vol. 5. P. 323.

Mitia Frumin

FRANÇOIS KAUFFER: AT HOME AMONG STRANGERS, A STRANGER AT HOME

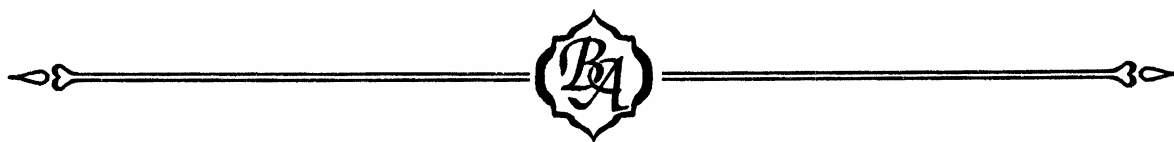
The fate of a cartographer in foreign service in the age of empires

François Kauffer is known as the man who in 1786 conducted the first triangulation of the Bosphorus and determined the exact location of most prominent landmarks of Istanbul. Starting from the map¹ published by Jean-Baptiste Lechevalier in 1802², Kauffer's works served as a basis for numerous "scientific", i.e. measured maps of the city.

The most complete biography of François Kauffer was compiled by Dr. Frédéric Hitzel. Its latest extended and updated version was published in 2000³. To summarize the most important known facts: François Kauffer, engineer of Ponts-et-Chaussées, was skilled in both reconnaissance and map construction. In 1776 he took part in the journey of Count Marie-Gabriel de Choiseul-Gouffier to Greece. Based

on his own survey, François Kauffer later produced several maps for the first volume of Choiseul-Gouffier's "Voyage pittoresque de la Grèce"⁴. In 1784 Choiseul-Gouffier was appointed French ambassador to the Ottoman Porte. Kauffer went to Istanbul with him and a team of French engineers, military and naval experts who had been invited to assist in the modernization of the Ottoman military. As a cartographer François Kauffer personally conducted and was involved in numerous projects of triangulations, reconnaissance and map compilation, including areas of the Bosphorus, the Sea of Marmara, the Dardanelles, and the entrance to the Black Sea. In addition François Kauffer also proved to be an able engineer and landscape designer.

Kauffer's successful career had been jeopardized by the drastic changes caused by the French Revolution of 1789. Being a royalist and a loyal subordinate to Choiseul-Gouffier, Kauffer followed his master into opposition to the new regime. He was even arrested and spent several weeks in French prison in 1792, when he tried to deliver in Paris a letter on behalf of Choiseul-Gouffier from the Grand Vizier in Istanbul. After his release from this detention, François Kauffer at once returned to Istanbul, only to witness the departure of Choiseul-Gouffier to self-imposed exile in St. Petersburg and the arrival of the new French ambassador. In this situation François Kauffer made the decision to enter into the service of the Ottoman Empire.

From the end of 1792 François Kauffer served the Ottoman Porte as military engineer and cartographer. He took part in the inspection and strengthening of Turkish fortresses on the northern and western shores of the Black Sea, in the vicinity of the new⁵ Russian-Turkish border (Akkerman, Kilia). Together with John Spencer Smith⁶, François Kauffer fortified the Bosphorus defenses. In addition to engineering and designing, Kauffer compiled several maps for Sultan Selim III. Among them are maps representing different aspects of Napoleon's invasion of Egypt, as well as a detailed map of the Mediterranean.

His rapid and unexpected death from pneumonia in February of 1801 brought to an end the brilliant career of one of the most prominent Western engineers and cartographers in the Ottoman service at the end of eighteenth century. However, in light of recently revealed documents, the question has to be asked: did François Kauffer truly serve the Ottoman Porte? Or did he serve only the Ottoman Porte?

The Russian track

A document held in the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (hereafter: AVPRI⁷) had been sent in the summer of 1799⁸ by Vasiliy Stepanovich Tomara, Russian Ambassador in Istanbul, to Vice-Chancellor Fyo-

dor Rostopchin. The letter includes the following excerpt:

"In accordance with His Imperial Majesty's⁹ order of June 19th... I herewith submit a list of various plans which will be delivered by me to Admiral Count Kushelev¹⁰. None of these plans could have been obtained by any other means except through the services of engineer Kauffer. His Imperial Majesty's opinion of Kauffer is known to Your Highness¹¹. In addition I have to admit that when first approached, he [Kauffer] expressed total readiness to serve His Imperial Majesty and only regretted that, due to the tremendous amount of work involved, it will be impossible neither to supply all the plans mentioned in the list until the end of next winter, nor to copy them. I have accepted his proposition and ordered him to start to work. I shall send them [the plans he supplies] by portions to His Highness Count Kushelev. Exploiting this officer [Kauffer] in this way obliges me to request for him to be given an annual stipend. Taking into account his state of affairs, I believe that 3000 piastres will be enough. And then, as a consequence of officer rank that already being given to him together with guarantees should he leave the Ottoman service, it will be possible to use him for all work accordingly to his skill, which he is already fulfilling, considering himself to be a Russian officer and not a foreigner expecting rewards"¹².

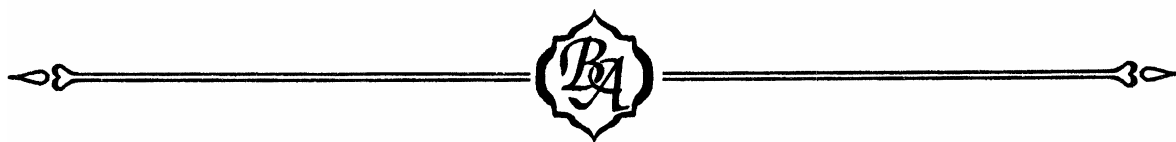
This letter was followed by the list of the proposed maps, written in French¹³:

"Etat des Cartes générales et particulières qui se trouvent dans les portefeuilles du F^r. Kauffer Ingénieur au Service de la Porte Ottomane depuis 1792. Levées, corrigées et augmentées dans le cours de ses voyages

Savoir

1. Une Carte en grand de la ville de Constantinople, levée trigonométriquement, avec tous les monuments publics, les principales rues, les établissements militaires, son Port et les villages qui l'environnent ; elle présente les plus grands détails.

2. Un plan particulier de l'Arsenal et du bassin.

3. Une Carte en grand du Bosphore, ou du Canal de Constantinople, avec les sondes, les courants, les forts pour sa défense et les villages kiosks en amphithéâtre de les bords, avec les détails Nautiques et topographiques sur ce Canal et une reconnaissance d'une partie des Cotes d'Europe et d'Asie adjacentes.

4. Carte générale de la Mer Noire corrigée et augmentée de beaucoup de détails.

5-6. Une Carte particulière de la Cote d'Europe de cette Iler, à partir du Canal de ci-dessus, jusqu'au Niester fl.

7. [...] d'Inada.

8. [...] golfe de Bourgas.

9. [...] Jeny Limani Mesfevria, Varna.

10. [...] Kavarna sous Ghélégna.

11. [...] Karaherman [...] Danube.

12. [...] Kilei [...] d'Ackerman.

13. [...] Embouchures du Niester.

Cartes particulières des Lieux situés sur la Cote d'Asie :

14. [...] d'Anapa.

15. [...] Sogoudjak.

16. [...] Ghélindjik

17. [...] d'Amassera.

18. [...] ville château et Rade de Sinope.

19. [...] Roumélie.

20. [...] Dardanelles.

21. [...] Priam, Tenedos, Metelin.

22. [...]

23. [...] golfe de Macri, Rhodes.

24. La carte itinéraire et manuscrite du voyage en Perse [...] par le Beauchamp astronome en 1781 termine 1789¹⁴.

Indépendamment des Cartes de ci-dessus mentionnées, l'Ingénieur passe des Cartes et des plans particuliers des environs de toutes les forteresses et de différents projets qui ne seront pas exécutés principalement sur le Dniester et sur le Danube, ce travail ne peut être compris, dans celui qu'il offre[?] ici, qui n'a pour objet que l'avantage de la Navigation et du Commerce en général". (See the map above.)

The map shows the geographical distribution of the principal place names mentioned in the above-quoted list. As seen from the map, François Kauffer's proposition to the Russians included the supply of information regarding

the most important Turkish fortresses and harbors on both the western and eastern sides of the Black Sea, as well as strategic data concerning the Straits. Besides the first-hand information gathered by him personally, François Kauffer also offered maps available to him which had been produced by others. There is no doubt that Kauffer's position granted him access to a variety of cartographic materials. During his work as an employee in the French Embassy and later, in the Ottoman service, Kauffer was involved in several map compilation projects and most probably possessed his own valuable primary materials as well.

When and why?

From Vasiliy Tomara's letter we can learn that prior to summer of 1799:

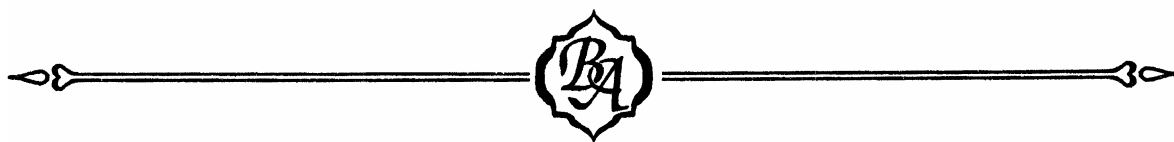
– Kauffer did something so important, that his deeds were not only reported to the Russian Emperor Paul I, but even received some kind of personal acknowledgment by the Emperor.

– Kauffer had been given the rank of a Russian officer.

– Kauffer did not demand any payment for providing the maps. Payment was asked on his behalf by Vasiliy Tomara, and not per map, but on annual basis.

In conclusion from these facts, we can affirm that relations between Kauffer and the Russians had begun before he submitted any of the maps mentioned in his inventory. Taking into account that the inventory lists literally everything he managed to do in the Ottoman service, we can presume that most probably the beginning of his relations with the Russians was not directly connected to maps or money. So, how did it start?

Most probably the answer should be sought in Kauffer's political views and the drastic developments in European affairs which had taken place during this period of time. Several decisive French victories in different military theatres had led to the final collapse of the First Coalition against Revolutionary France. Following five years of fighting, the Treaty of Campo Formio was signed in October 1797 between the French Republic and Austria.

French Royalist emigrants had to leave Austrian territory, as they had been forced to do previously from other parts of Southern, Central and Northern Europe, wherever direct rule of France or its Republican satellites had been established. The largest remaining counter-revolutionary emigrant armed force, the Army of Condé, also called the Princes' Army, in the autumn of 1797 entered the pay of the Russian Emperor and was assigned to serve in Poland. Paul I also invited Louis XVIII, proclaimed and recognized by French royalists as their king in exile, to take asylum in Russia and live in Mitava Palace in Courland¹⁵, where Louis XVIII had arrived in March of 1798. The Russian Empire had become the European Great Power most friendly to the Royalist cause. Moreover it should be noted that Kauffer's former benefactor, Count Choiseul-Gouffier, was not only warmly welcomed in St. Petersburg¹⁶, but even appointed in 1797 to be a Director of the Russian Academy of Arts.

On the other hand, traditional French-Ottoman relations seemed to be undergoing a period of revival. The appearance of successful French armies on the borders of the Ottoman Empire led the Sublime Porte to reconsider its policy towards Revolutionary France and posed a dilemma to Ottoman policymakers: which is the lesser of two evils – to be an enemy of the French or to be their ally? In this situation, when a rapprochement between Turkey and Revolutionary France looked very probable, Kauffer would certainly have had to make a decision as to whom he should remain loyal.

The Russian Government's fear was a scenario in which France would make an alliance with the Ottoman Empire, their combined forces then moving into southern Russia through the Straits and the Black Sea. On February 15th, Paul I issued special orders to the Black Sea Fleet commanding officers Admiral Mordvinov, Vice-Admiral Lezhnev and Vice-Admiral Ushakov¹⁷, urging them to immediately prepare their squadrons for a possible outbreak of hostility with the Ottomans, to organize advanced reconnaissance cruising and to watch closely all movements of the Turkish

Navy. All orders included a postscript with this explanation of the situation:

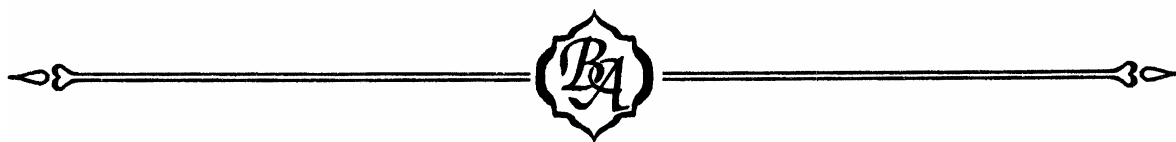
"P.S. Despite the fact that the [Sublime] Porte has given us no reason for cessation of good relations [between us], the possession by the French of coasts and islands near the Turkish border raises the possible danger that they [the French] will incite the Turks against us and force them to take up arms against us, and thus it is only in order to protect ourselves from any surprise attack that we are taking these precautionary measures..."¹⁸

In April 1798 the main body of the Russian Black Sea Fleet took to sea. However, the enemy's identity was still unclear. Instructions sent from St. Petersburg at the beginning of May urged Vice-Admiral Fedor Ushakov to: "watch closely for all movements of the Porte and the French as well, in case they [i.e., the French] try to enter the Black Sea or incline the Porte toward such actions"¹⁹.

The French expeditionary forces were already on their way to Egypt, when Paul I wrote to Ushakov: "As soon as you receive information that the French Squadron intends to enter the Black Sea, seek them out at once and give them a decisive battle"²⁰.

In the preamble to most of these orders, "obtained reports" are often mentioned. Evidently the Russian Government had different sources of intelligence, including informers in Istanbul as well.

One of the documents in the Russian State Archive of the Military History (hereafter: RGVIA²¹) may be connected to this story. This is a letter addressed by an anonymous Frenchman, most probably an engineer, to the *Diretoire Exécutif* of the French Republic²² and dated by Nivose month of the 6th year of the new revolutionary calendar, i.e. somewhere between December 21st, 1797 and January 19th, 1798. In this letter the state of the defenses of the Ackerman fortress is described. We do not know how this report made its way into Russian hands. However it is clear that, from the Russian point of view, the fact that the French were interested in the Black Sea fortresses near the Russian border would be a worrying indication of unfriendly intentions. The interest in

areas so distant from French territory would be considered suspicious at any time, but especially when the accumulation of large French forces in Toulon was already widely known. There is no evidence that Kauffer himself had been approached by Directoire Exécutif agents; however the report had been written by somebody who possessed a first-hand acquaintance with Ackerman, and Kauffer would have known all such persons, especially those of French origin²³.

To conclude the speculations, it is not unreasonable to presume that Kauffer's contacts with the Russians were ideologically motivated by his Royalist political views.

What?

Despite the French invasion of Egypt and the threat to other dependent and Ottoman territories, it took Sultan Selim III²⁴ several more months of consultations, as well as the guarantees of both Russia and Great Britain, to make up his mind and formally join the Second Anti-French Coalition²⁵. From the moment when Great Britain, Russia and Turkey had become de-facto allies, military information had begun to be exchanged. A good example of such cooperation was the provision of a map of the French positions in Egypt, based on information gathered by British Captain Hood prior to October 1st, 1798, and compiled by Kauffer in Istanbul on October 24th. Two manuscript copies of this map are preserved in the RGVIA²⁶.

At the end of March 1799 Kauffer prepared a map of Corfu Island, recently captured by the combined Russo-Ottoman squadron from the French. This map was most probably based on the Ottoman Naval officers' drawings; Kauffer provided translations for the written Turkish inscriptions into French and transferred the map to the allies. Two copies of this are known to be in the RGVIA. This map was later included in the "Naval Atlas of a Voyage from the Archipelago to the French Shores" printed in 1799 in St. Petersburg²⁷.

A year later another map of French positions in Egypt based on intercepted information and deserters' reports was prepared by Kauffer,

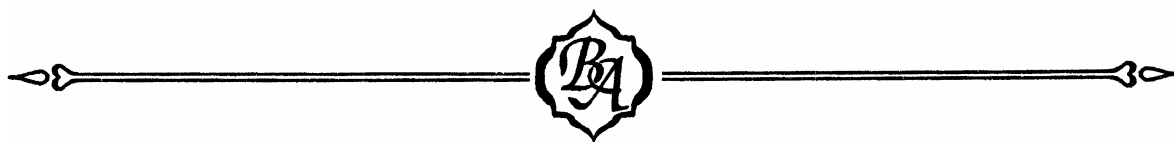
engraved by F.T. Müller and also supplied to the allies. There are two copies of this map in RGVIA as well. In all three cases it seems that one of two preserved copies of each map bears signs of additional copying from it; in other words the information provided was indeed used by the recipient.

Legitimately supplying maps for the allies probably made it easier for further contacts with the Russian Ambassador Vasiliy Tomara. Even partial examination of the Russian archives confirms that François Kauffer's generous proposition did not remain a promise in word alone. Numerous maps, plans and materials which undoubtedly were compiled by François Kauffer or related to him are to be found in the RGVIA alone²⁸. A list of these findings is provided in the Appendix. However full, this list is still incomplete, because Kauffer's maps are dispersed among different archive foundations and further scrupulous searches are needed. Another complicated assignment awaiting research is the location of various cartographic materials supplied by Kauffer but not prepared by him personally and not bearing any specific mark to distinguish them²⁹.

Initial analysis of Kauffer's materials found in the RGVIA shows that it can be divided into at least three categories:

1. Large scale plans of fortifications and military technical notes.
2. Geographic maps of different scales.
3. Travel diaries, journals of primary measurements.

First group. Of course, plans of fortifications were, from the military point of view, the most valuable information provided by Kauffer. These plans were usually accompanied by explanations in French and often by vertical cross-sections of the fortifications as well. The main language of the documents and maps is French; however some of the plans contain original Turkish inscriptions. Plans were carefully copied for further use by the responsible bodies. On some copies Russian translations of toponymes could be seen. Besides the Ackerman maps in this group are

also plans of Khotin and notes on the Bosphorus fortifications.

Second group. A good illustration of this category is provided by a geographic map of European Turkey including the western coast of the Black Sea. This manuscript map, compiled by Kauffer in 1798, was not just the most updated map of this region. The exclusivity of this work was also due to the fact that its compiler had travelled through and made personal reconnaissance of most of the mapped territory, which helped him to properly evaluate all material available for compilation and thus produce a reliable cartographic output. Interestingly, in his signature Kauffer described himself as “Ingénieur cy-devant Employé aux Ponts et Chaussées de France”, without mentioning his service for the Ottomans.

Third group. This is the most interesting and valuable group from the point of view of the history of cartography. It includes original measurements, angles and distances, route observations, road descriptions – all primary information, collected in the field, upon which Kauffer later based his further cabinet work for map compilation. These “raw” data provide a unique opportunity to track the mapmaking process of late XVIII century from the very beginning to the end product: initial data limitations can be checked, the accuracy of measurements verified, the cartographer’s decisions during generalization procedure can be better understood, etc.

It is noteworthy that these materials are not copies. These almost certainly are original observations. These materials are directly linked to the maps from the inventory list; however they are barely mentioned there. It is obvious that from the military point of view the final cartographic output is much more valuable than the preliminary stages of the mapmaking process. Moreover some of the maps had already been compiled and drawn, some even engraved and published, so why was it necessary for Kauffer to also provide the primary data?

The most likely answer is that Kauffer never did. These papers were probably part of his personal archive. It is possible that this ar-

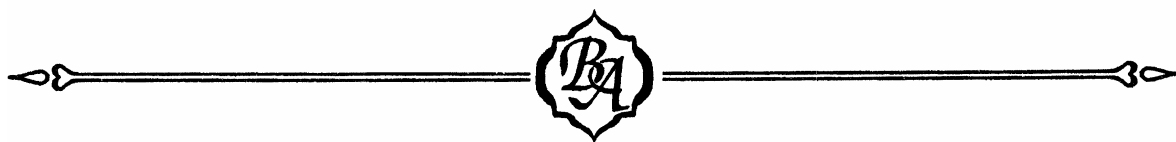
chive as a whole was bought or taken by the Russians after Kauffer’s sudden death in February of 1801. Almost certainly such an acquisition would have been done, not in search for cartographic data, but in order to keep the story of the Kauffer’s cooperation undisclosed. And the secret has been maintained for almost two hundred years.

Conclusions

Intelligence activities, today just as in the past, result in certain maps and cartographic materials finding their way to places one would least expect³⁰. Such is the story of François Kauffer’s heritage. He lived his life in an epoch of dramatic political upheaval which drove him from his birthplace to seek his fortune overseas, banished him from returning home, forced him to choose between loyalties and left him to die in exile. The maps of this French engineer and cartographer in the employ of the Sublime Porte are preserved not only in Istanbul or Paris. The most valuable and comprehensive collection of his cartographic works and materials, which includes diaries and observations as well as notes of the first triangulation of the Bosphorus and Istanbul ever conducted, is currently situated in Moscow. And this collection awaits its researcher.

Acknowledgments

A version of this article was presented to the 23rd International Conference on the History of Cartography (Copenhagen, July 2009) with kind support of the American Friends of J.B. Harley foundation. French version of this article was published in March 2011³¹. The author wishes to express his gratitude to Irina Garkusha, Tatyana Burmistrova from RGVIA and Natalya Borodina from AVPRI for their invaluable assistance in archive searches. Special thank to Alexander Halenko for fruitful discussion and generous sharing, to Elisabetta Molteni for drawing the attention for important published source and to Catherine Hofmann for encouraging the writing of this article. Gratitude is also due to Lisa Sion, Emmanuelle

Vagnon and Louise Armoni for helping to the author to overcome linguistic barriers.

Notes

¹ For the importance of this map see: *Elisabetta Molteni*. The Medieval Harbour of Constantinople in 18th century Cartography // *Journal of Mediterranean Studies*. Based on the paper presented at the 2nd Mediterranean Maritime History Network Conference, Messina/Taormina, Italy 2006 (in print).

² *Jean-Baptiste Lechevalier*. Voyage de la Propontide et du Pount-Euxin, avec la description des monuments anciens et modernes de Constantinople. Paris, 1802, 2 vols.

³ Un ingénieur français au service de la Sublime Porte: François Kauffer (1751?–1801) // *Observatoire urbain d'Istanbul, Lettre d'information*, n° 6, 1994, p. 17–24; François Kauffer (1751?–1801), ingénieur-cartographe français au service de Selim III // *The seventh book of History of Science sources and researches*. Éd. par Ekmeleddin Ihsanoglu & Feza Günergun. Istanbul, Research Centre for Islamic History: Art and Culture, 2000, p. 233–243.

⁴ *Choiseul-Gouffier*. Voyage pittoresque de la Grèce, Paris, vol. I, 1782.

⁵ Established after the 1787–1791 Russo-Turkish war.

⁶ Admiral Sir William was Sidney Smith's older brother.

⁷ Архив внешней политики Российской империи.

⁸ The exact date of the document was shamefully omitted by the author during his research in the AVPRI. Fortunately it can be estimated with a certain degree of preciseness. The date "June 19th", mentioned in the text, refers to the Julian calendar, used in Russia at that time. So, according to the Gregorian calendar, the Imperial order of Paul I was issued on June 30th. Taking into account the time necessary to deliver diplomatic correspondence from St. Petersburg to Istanbul, we can assume that Vasilii Tomara's response was written not earlier than the end of July – beginning of August, 1799.

⁹ Russian Emperor Paul I (1796–1801).

¹⁰ Count Grigoriy Kuschlev, Chair of Admiralty Board, responsible for map collecting.

¹¹ Count Fyodor Rostopchin, Russian Vice-Chancellor.

¹² AVPRI 89/8, file 924, p. 49–49 back. The original letter is written in Russian. Translation was made by the author.

«...Во исполнение Высочайшего повеления от 19 июня, объявленного мне от Вашего Сиятельства, здесь представляю записку разных планов, которые будут доставлены от меня господину адмиралу графу Кушелеву. Ни одного из оных нет средства другим образом получить, как чрез инженера Кауфера, о коем высочайшее определение Вашему Сиятельству известно. Сверх того должен донести, что за первым потребованием оказал он всю готовность служить ЕИВ и представлял только невозможность за множеством работы доставить все в записке значащие планы прежде окончания будущей зимы, ни вдвойне делать оные. Я принял его предложение, велел работать и посылать оные буду по частям к его сиятельству графу Кушелеву. Но употребляя сего офицера таким образом, долгом почитаю представить о назначении ему годового пенсионна. Соображая оной с состоянием его, 3000 пиастров кажется мне довольно. И тогда, вследствие данного ему уже чина и обещания в случае оставления службы турецкой, можно будет употреблять на все по ремеслу его работы, которые впрочем и принимается он делать, почитая уже себя действительно офицером службы российской, а отнюдь не в виде одолжения посторонней державе и в надеянии за труды свои награждения...»

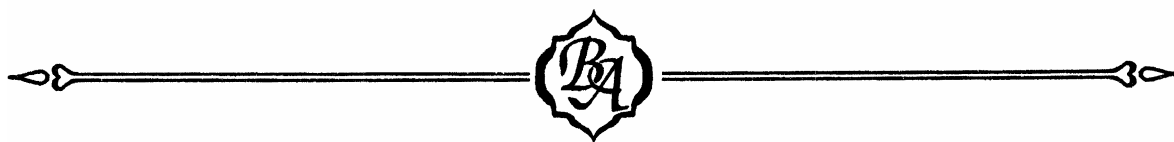
¹³ AVPRI 89/8, file 924, p. 50–51. The text of this list, handwritten at the end of XVIII century, was copied manually by the author, who does not himself speak French, and recently deciphered from the author's records with the generous assistance of Madam Lisa Sion. Due to lack of time during copying, in certain cases only the geographic place name was copied.

¹⁴ Pierre-Joseph Beauchamp (1752–1801), cf. Anne MEZIN, *Les consuls de France au Siècle des Lumières (1715–1792)*. Paris, 1997, en particulier note 5, p. 160.

¹⁵ Present day Jelgava, Latvia.

¹⁶ Despite the sharp criticism of Russia, expressed by Choiseul-Gouffier in the first volume of his book *Voyage pittoresque de la Grèce*.

¹⁷ Veselago (ed.), *Materials for the History of the Russian Fleet*, vol. XVI, SPb, 1902, p. 214–216, № 303–306. All orders dated by February 4th of Julian calendar.

¹⁸ Ibid, p. 215, № 305. Quoted from Imperial order to Vice-Admiral Lezhnev.

«P.S. Хотя и поныне со стороны Порты не поданы причины к нарушению доброго согласия, но так как завладение французами берегов и островов, прилежающих к Турции, и по таковому соседству опасно, чтобы не возбудили турок противу нас и не принудили бы их поднять оружие, и единственно для сего и делаются сии предосторожности, дабы предохранить себя от сюрпризов».

¹⁹ Российский государственный архив Военно-морского флота, hereafter: RGAVMF (Russian State Navy Archive), *Fund Sbornyi*, 1798, file 7, p. 88–89. Paul I is quoted instructing Admiral Ushakov, April 23 (May 4), 1798: "...старайтесь наблюдать все движения, как со стороны Порты, так и французов, буде бы они покусились войти в Черное море или склонить Порту к каковому-либо действию". (Quotation from E.V. Tarle., *Admiral Ushakov na Sredizemnom more*, Moscow, 1948, p. 111).

²⁰ RGAVMF, *fund Sbornyi*, 1798, file 7, pp. 88–89. Paul I to Admiral Ushakov, May 13 (24), 1798: "Коль скоро получите известия, что французская военная эскадра покунется войти в Черное море, то, немедленно сыскав оную, дать решительное сражение". Quotation from E.V. Tarle, op. cit., p. 111.

²¹ Российский государственный военно-исторический архив (RGVIA).

²² RGVIA, fund 450, list 1, file 820. (Memoire sur la forteresse d'Akerman).

²³ It should not be ruled out that such kinds of investigations by Directoire Exécutif agents could have been carried out in order to distract attention from the real goals of the expedition under preparation in Toulon. If this was the case, they would have deliberately contacted people associated with the Royalists in order to further disseminate the disinformation.

²⁴ Selim III, Ottoman Sultan 1789–1808.

²⁵ Although joint military operations started earlier in autumn of 1798, the formal signing took place only on January 3rd, 1799.

²⁶ For references of these and all other mentioned in the text maps, see the Appendix.

²⁷ Морской атлас к плаванью от Архипелага до берегов Франции, СПб., 1799. See: *Bulatov V.E.; Zaytsev A.K.* The First Archipelago Expedition of the Russian Navy in 1769–1774, p. 42, footnote 14 (In Atlas of the Archipelago and Manuscript Charts of the First Archipelago Expedition of the Russian Navy in 1764–1774. Exhibition Catalogue. Moscow, 1997).

This map of Corfu was attributed by Alexey Postnikov as a captured French battle plan. (The Russian Navy as Chartmaker in the Eighteenth Century // *Imago Mundi*. Vol. 52 (2000), p. 79–95). However, explanatory notes in Turkish on the map, mentioned by A. Postnikov, are rather evidence of its Ottoman origin. Additional Turkish maps could be found in the reports of commanding officers of the Turkish Navy Squadron (See: *Kahraman Sakul*. An Ottoman Global Moment: War of Second Coalition in the Levant. Ph. D. thesis, Faculty of the Graduate School of Arts and Sciences of Georgetown University, Washington, DC, November, 2009; Plans III–V).

²⁸ The Russian State Naval Archive and the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire are among suggested possible locations of Kauffer's maps.

²⁹ For instance, there are several «suspicious» sea charts of French origin for the eastern coast of the Black Sea localities, mentioned in the Kauffer's inventory.

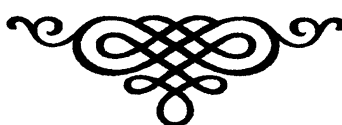
³⁰ For instance, the important collection of Russian maps from the beginning of the XVIII century, copied and sent to France by Joseph-Nicolas Delisle, is preserved in Paris. See: *Postnikov, Alexey V.* New data on Russian geographical and cartographical materials which had been carried out from Russia to France by J.N. Delisle // *Voprosy istorii estestvoznaniia i tekhniki*. 2005. V. 3, p. 17–38; presented also as a poster during the 21st International Conference on the History of Cartography, Budapest, 2005.

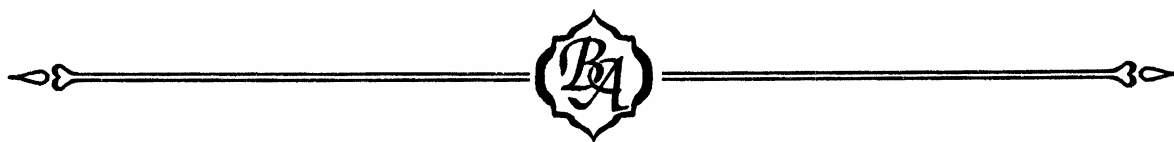
³¹ *Mitia Frumin*. François Kauffer (1751–1801): le destin d'un cartographe français au service de l'étranger. // *Le Monde des Cartes*, № 207, Mars 2011, p. 95–106.

Appendix

Рукописные документы			
Фонд	Опись	Дело	Название
434	1	78	Carte de l'Ile de Corfou prise sur les Francois par les Escadres Combinées de sa Majesté Imperial l'Empereur des Ottomans et de Sa Majesté Imperial l'Empereur de toutes les Russies. Dresseé ... par Kauffer Ing. au Service de la Subline Porte le 29 mars 1799.
434	1	79	Derte de l'Ile de Corfou... (копия предыдущего).
450	1	183	Карта Европейской Турции, западного берега Черного моря, части Архипелага, Румелии, Болгарии, Валахии, Бессарабии, части Молдавии и Сербии. Сост.: Кауффер. На франц. языке, 1798. (Копия, сделанная и выверенная в Депо Карт).
450	1	184	Карта Европейской Турции... (оригинал предыдущего?)
450	1	455	Топографическое описание и наименование городов, селений, гор и рек, лежащих на пути от г. Константинополя до г. Яссы. Сост. Кауффер.
450	1	456	Таблицы тригонометрической съемки Константинополя. Сост. инженер Kauffer.
450	1	713	Заметки о Константинопольском канале. Par Kauffer Inj. La 28 fev. 1795.
450	1	714	Копия предыдущего.
450	1	715	Тригонометрические кроки и описания Константинопольского залива и Черноморского побережья Европейской Турции. Сост. инж. Кауффер, 1794, французский.

Т.А. Филиппова

«ЧУЖАЯ ПОЛИТИКА»

Журнал «Сатирикон» как источник сведений о конституционных преобразованиях в Турции и Персии в начале XX в.*

Первое десятилетие XX в. в истории России прибавило и обществу, и власти множество внутри- и внешнеполитических проблем. Шок от недавнего поражения в войне на Дальнем Востоке, острота событий Первой русской революции, поспешное (но, как всегда, запоздалое) реформаторство, трудности взращивания представительных начал на суровой «ниве» самодержавия – все эти чреватые кризисами процессы делали русское общество более наблюдательным к чужому опыту, расширяли пространство сравнения политико-культурных задач, вставших перед традиционными империями. Позднее эти задачи назовут «вызовами модернизации».

Полностью разделяя мнение исследователей, что «представление о чужой культуре целиком центрируется на культуре собственной»¹, позволим себе предположить, что так же работает и механизм восприятия «чужой политики». Иначе чем объяснить тот острый, очень «личный» интерес, который российская сатирическая печать проявляла к переменам в Османской империи и в Персии Каджаров, с началом XX в. (одновременно с Россией Романовых) вступивших в полосу политической нестабильности и государственных преобразований, чреватых, как показала история, роковыми внутренними и внешними кризисами?

Привычная для европейского слуха еще с середины XIX в., с Крымской войны, метафора «больной человек Европы» в начале нового столетия дополнилась в отношении Турции уточнением: *безнадежно больной*. «Все проблемы, досаждающие другим империям, присутствовали здесь в гипертрофированной форме. Если правитель какой-

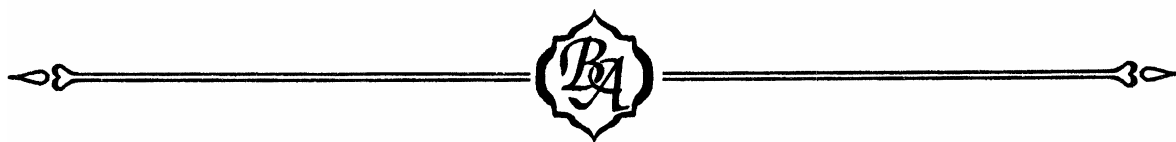
либо тогдашней империи хотел представить кошмарные последствия для своей империи в будущем, ему достаточно было только взглянуть на Османскую империю, – пишет британский исследователь-империолог Доминик Ливен. – Каждая империя опасалась ослабления своего могущества, потери территорий, неспособности конкурировать с иностранными державами и последующей утраты контроля над национальными меньшинствами внутри империи, но нигде этот процесс не зашел так далеко, как в Османской империи»².

Начало XX в. султанская Турция встречала, будучи не только *больным*, но и, пожалуй, самым *нелюбимым человеком* Европы (равно как и Азии). Неспособная защитить интересы своих мусульманских подданных ни на Балканах, ни в Африке³, не желающая обеспечить на деле равноправие своих иноконфессиональных подданных⁴, не считающая нужным учитывать новые реалии европеизации внутреннего уклада⁵, не обладающая возможностью обеспечить финансовые поступления из-за рубежа кроме как в обмен на политическую зависимость от Запада⁶, так и не сумевшая выстроить новый формат отношений между центральной властью, местными элитами и собственным аппаратом управления⁷, Османская империя в лице ее правителей оказалась в ситуации всеобщей потери лояльности к себе.

Характерно и то, что ошутимая общность проблем Османов и Романовых (и главная из них – управляемость имперского организма в новых условиях), пораженных недугом под названием «вызов времени», лишь накаляла критический интерес журналистов, охотно использовавших средства сатиры для сравнительно-политической критики.

Затянувшееся более чем на три десятилетия правление султана Абдул Хаида II

* Печатается в рамках совместного исследовательского проекта журналов «Восточный архив» и «Родина».

(1876–1909) утомило внешних наблюдателей и изнурило собственное население. Консервация старых форм правления и традиционного социально-политического уклада на фоне набирающей темпы зависимости от западных держав отдала на время, но сделала драматически неизбежными преобразования в государстве. Сама личность султана и его внутривластный курс вызвали обостренный интерес как мировой, так и российской печати. Начиная с 1908 г. и вплоть до начала Первой мировой войны внутренняя политика когда-то Великой, а теперь стремительно дряхлеющей империи Османов приковала к себе едва ли не больше внимания со стороны российской печати, чем политика внешняя. Да и само «политическое время» на Босфоре в тот момент резко ускорилося, а «густота» событий усилилась до чрезвычайности.

Выступление младотурок в июле 1908 г. под лозунгом «Единения и прогресса», принуждение султана Абдул Хамида II восстановить действие конституции 1876 г., созыв парламента, попытка контрреволюционного переворота в апреле 1909 г., приведшая к низвержению старого султана и парламентским выборам нового, безвольного Мехмеда V – все это «обновление по-османски» происходило на грозном фоне приближающихся войн (Итало-турецкая 1911–1912 гг., Балканские войны 1912–1913 гг.)...

Впрочем, было ли государство Османов единственным *больным человеком* в евразийском «концерте» мировых держав?

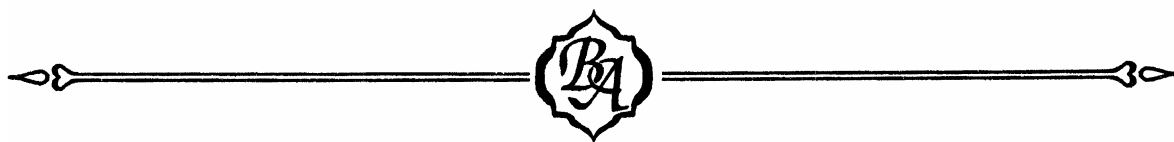
Ритм «исторического времени» ускорился и в Иране (Персии). Растянувшаяся на несколько лет революция 1905–1911 гг. убедительно показала весь объем трудностей, связанных с конституционным реформаторством и введением представительных начал, как сложнейшую проекцию борьбы внутренних сил в пространстве внешнеполитического соперничества⁸. Те же, что и у османов, сложности выстраивания отношений с соперничающими в регионе западными державами, то же игнорирование правительством остроты внутренних социальных проблем; то же небескорыстное заигрывание

германского империализма с модернизирующимся режимом, то же принесение в жертву стратегических задач преобразований во имя тактики сохранения личной власти⁹... Пристальное внимание российской прессы к событиям в Иране объяснялось и той ролью, которую Россия (наряду с Англией) все активнее играла в ходе революционных событий в Персии¹⁰.

Общеимперский алгоритм внутренних проблем начала XX в. становился очевидным даже для не слишком осведомленного в восточных делах, но способного к политико-культурным сравнениям наблюдателя, повышая чувствительность к чужому опыту. Ритм правлений либеральных и консервативных монархов, приливы и отливы реформаторских усилий, всплески революционных переворотов и контрреволюционных мятежей, словом, сходство вызовов эпохи и сложность поиска ответов на них заставляли современников задумываться о *горизонте возможностей* и пределах государственного маневрирования в рамках преобразований «сверху».

Журнал «Сатирикон» – одно из наиболее талантливых по редакционному замыслу и авторскому составу сатирических изданий дореволюционной России – много места на своих страницах уделял теме конституционных преобразований у южных «соседей». Неизменным подтекстом публикаций на турецкие и персидские внутривластные сюжеты становилось сравнение реформаторского курса младотурок и персидских сторонников конституции с собственным, российским курсом на модернизацию традиционного социально-политического уклада как следствия Первой русской революции. Привлечение материалов «Сатирикона» в качестве одного из источников развития взаимных представлений между Россией и ее соседями реализует программу развития архивного востоковедения на страницах «Восточного архива».

Тему конституции – главного сюжета, связанного с младотурецкими реформами – символически открывает обложечная карикатура «Сатирикона». Маленькая фигурка

Абдул Хамида II на фоне султанского дворца в Стамбуле всей своей позой выражает смесь недоумения, страха и огорчения: над султаном (когда-то не без основания прозванным «кровавым») величественно-надменно возвышается аллегорическая женская фигура во фригийском колпаке и античном хитоне. При виде «Рождения новой конституционной Венеры из вод Босфора» стареющий правитель османов опасливо размышляет: «Вот единственная женщина, которую я не желал бы видеть в своем гареме»¹¹.

Подтекст карикатуры прочитывался современниками с очевидностью: турецкий султан не одинок в своем нежелании ближе познакомиться с опасной «незнакомкой». Это подтверждают многочисленные карикатурные рисунки и юмористические стихи в номерах журнала за 1908–1909 гг., сатирически повествующие о схожих проблемах, появившихся у персидского шаха в связи с конституционными реформами.

В разгар гражданской войны в Иране¹² в одном из летних номеров 1908 г. «Сатирикон» помещает карикатуру А. Радакова, долженствующую показать всю степень фрустрации персидского общества и неопределенности дальнейших перспектив конституционного процесса в стране. На фоне любопытствующих зевак рядовой перс, уже будучи посаженным на кол, всаживает себе в рот второй!.. Подпись под рисунком гласит:

Перс. – Да будет благословенно имя шаха! За мои крамольные слова: «Может быть, Меджлис нужен Персии?», – он всего-навсего посадил меня на кол. Не имея нравственного права злоупотреблять добротой царя царей, всажу в себя с обратной стороны второй кол. (Умирает, восторженно шепча имя шаха...)»¹³.

В одном из номеров в разделе, где по традиции помещался выдуманный сатириконовцами народный фольклор, читаем следующие «персидские пословицы»:

«В меджлис попал – на всю жизнь пропал.

Шаха видеть во сне – быть повешенным наяву»¹⁴.

Доставалось от журнала и собственным правым, а также националистам, ревнителям нерушимости самодержавного правления и противникам думского парламентаризма. Забавный карикатурный рисунок Ре-Ми¹⁵ в очередном номере прозрачен по смыслу, но не банален в своем внутреннем послы. Автор обращает свое острие сразу против нескольких «героев» дня – излишне торопливых османских и неосмотрительных персидских реформаторов, а также против собственных реакционеров, огульно отрицавших актуальность перемен. Под пером художника полусонный, грузный толстяк в образе изрядно помятого былинного богатыря («Союз русского народа») изображен на ипподроме. Задом наперед он сидит на старой кляче и даже не смотрит вслед стремительно скачущему к финишу турку и отстающему от него на корпус персу:

– Несет их, нехристей! Будто не поспеют...

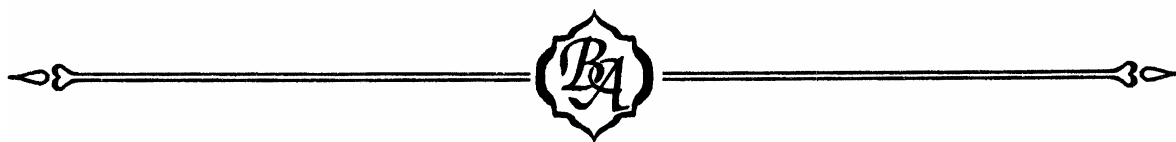
Скептическое ворчание «русского правого» оттеняется ироничным заголовком: «Международные скачки к конституционному столбу»¹⁶. Многозначность слова «финиш» на рисунке долженствовала, очевидно, оттенить возможные опасности политических итогов подобных восточных «забегов».

Занятен «Самый краткий словарь» «Сатирикона», «энциклопедические статьи» из которого, периодически появляясь на страницах издания, содержали весьма примечательные оценки правителей и событий в соседствующих державах. К примеру:

«Абдул-Гамид. – Последний из “могикан”. Когда над его головой появилось дуло младотурецкого револьвера, добродушно улыбнулся и, севши на турецкий диван, стал писать: “Найдя Турцию созревшей для конституции, я добровольно жалую ей незыблемые основы представительного строя”... В общем, старик крайне не глупый.

Ликование. – Если по поводу дарования Персидской конституции, то часто оканчивается смертью»¹⁷.

Со временем (практически до самого начала Первой мировой войны) карикатуры и юмористические стихи, ехидно повест-

вующие о том, как султанский гарем покидает османского правителя, или как шахский гарем уходит от персидского владыки, становятся общим местом, дежурной остротой на страницах «Сатирикона», сатирически выигрышным штампом для демонстрации социальных и политико-культурных проблем процесса модернизации «по-турецки» и «по-персидски». Когда-то всевластные монархи, а теперь конституционные правители, султан и шах оказываются под надзором строгих европейских «гувернанток» и нежеланных женских воплощений «конституции» и «законности»¹⁸. Параллельно крепнут и сомнения русских сатириков в способности младотурецких и младоперсидских реформаторов эффективно решать назревшие общественные проблемы. Более того, своим «удушающим» и «проникающим» стилем (петля и кол как методы «введения» конституции «по-восточному» – суть типичные способы визуализации соответствующих образов на страницах русских журналов) они порождают невеселые ассоциации с тогдашним российским реформаторством на фоне военнопольевых судов и «столыпинских галстуков»¹⁹.

Однако обстоятельней всего тема конституционных преобразований «на восточный манер» обыгрывалась в многочисленных «сатириконовских» фельетонах. С разной степенью талантливости и мерой язвительности они живописали многочисленные трудности и неоднозначные последствия государственных преобразований в государствах Османов и Каджаров (имея в подтексте, разумеется, и империю Романовых). Приведем здесь лишь один, наиболее типичный фельетон с многозначительным названием «Благословенная страна» («Сатирикон», 1908, № 19, с. 2–3), опубликованный под псевдонимом «Скиталец». Весь текст его свидетельствует о появлении стойких клише и использовании прозрачных аналогий в трактовке конституционной проблематики как симптома общего кризиса традиционных империй в начале «века войн и революций».

Благословенная страна

Двести коней, легких и быстроногих, привел Кара-Ахмет в Персию и продал за хорошую цену всех, кроме одного. Этот двухсотый – был чудо-конь, он летал, как молния, был неутомим, как ветер: один шах был достоин обладать им, один шах был в состоянии за него заплатить. С поясом, туго набитым червонцами, и с чудо-конем пришел Кара-Ахмет к воротам Тегерана.

Исхудалый ребенок в рубище стоял у городских ворот и жалобно приветствовал Кара-Ахмета:

– Будь благословен, чужестранец! Поддай на хлеб голодному сироте.

Кара-Ахмет бросил мелкую монету.

– Давно ли ты потерял родителей, ребенок?

– Добрый чужестранец! Они погибли вчера.

– Вчера? От чего же?

– Хаджа сказал: они погибли от конституции.

Кара-Ахмету стало еще больше жаль сироту. Конституция?.. Что за странная болезнь! Он никогда не слышал о ней. Верно, что-нибудь новое?..

– Добрый чужестранец, поддай несчастному сироте!

Опять Кара-Ахмет бросил мелкую монету и участливо спросил:

– А твой отец от чего умер, ребенок?

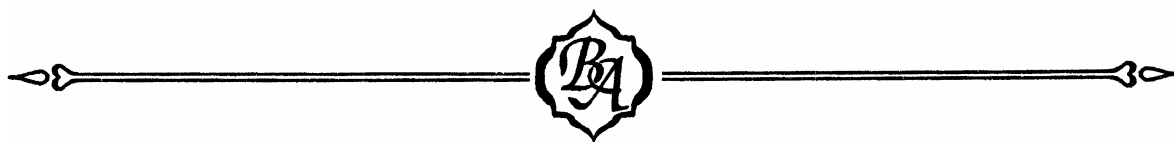
– Он погиб от конституции.

«Странно! Очень странно!» – бормотал Кара-Ахмет, чувствуя некоторую тревогу.

Но тревога эта превратилась в ужас, едва Кара-Ахмет сделал какую-нибудь сотню шагов: десятки рук тянулись к нему с мольбами о помощи и все сироты говорили, что их обездолила конституция.

– Какая заразительная вещь! – думал Кара-Ахмет, обливаясь холодным потом. – Какая странная болезнь!.. Но все-таки я доберусь до шаха и продам ему своего чудесного коня! Вот там, вдали, возвышается дворец. Это, наверное, дворец шаха...

Он ускорил шаг и очутился возле здания, которое только издали казалось двор-

цом: вблизи оно представляло руину, ужасный след разрушения, с потоками запекшейся крови на ступенях.

– Аллах, Аллах! Какая горестная картина! Достопочтенный прохожий, не знаете ли, отчего разрушено это прекрасное здание?

Прохожий печально улыбнулся, боязливо огляделся вокруг и прошептал:

– Конституция...

Волос стал дыбом на голове Кара-Ахмета... Как?... Эта ужасная конституция губит не только людей, но даже сокрушает камень?... Что же может противостоять ей?... И чего же он еще будет ждать?... Нет, нет!.. Бежать!.. Бежать из этой страны злополучия, из этой несчастной зараженной страны!..

Кара-Ахмет вскочил на своего чудо-коня, достойного носить одного шаха, обхватил руками его благородную шею, зажмурил глаза... и в каких-нибудь три часа был уже в родной благословенной Турции...

Он очутился на площади, среди огромной толпы: перед толпой на крыльце богатого дома стоял тучный человек в изодранном мундире паши, яростно бил себя по щекам и кричал:

– Да, да! Будь я проклят! Да сотрется из людской памяти имя Фехим-паши!

– Что делает этот сумасшедший? – воскликнул Кара-Ахмет. – В чем тут суть?..

– Конституция! – ответил Кара-Ахмету молодой заптий²⁰ и подозрительно посмотрел на него.

– Аллах! – подумал с ужасом Кара-Ахмет. – И тут конституция!.. Что это за чудовищная зараза!.. Но здесь она, по-видимому, слабее... От нее тут только сходят с ума, но не гибнут...

Заптий как бы угадал мысль Кара-Ахмета и продолжал:

– Нет, этот Фехим не сумасшедший! Другие не догадались бить себя и погибли. Посмотри туда.

Кара-Ахмет оглянулся: у другого крыльца лежали три истерзанных трупа в мундирах пашей.

– Аллах! – воскликнул Кара-Ахмет. – Неужели же они погибли от... конституции?..

Кара-Ахмет в страхе попятился... О, здесь еще хуже, чем в Персии... Там только гибли от конституции, а здесь она, по-видимому, не пощадила и спасшихся и сделала их безумными!.. Нет, нет! Бежать! Бежать отсюда!..

Кара-Ахмет опять вскочил на своего чудо-коня, закрыл глаза и неся с ним долго, долго через поля и доли, и леса, горы... Уже солнце склонилось к закату, как конь остановился. Кара-Ахмет открыл глаза и увидел себя в небольшом грязном городе на берегу широкой многоводной реки. У воды стоял толстый человек с красным носом и ружьем в руках.

– Какая это река?.. – спросил Кара-Ахмет.

– Волга! – отвечал человек с ружьем. – А ты почему не знаешь?.. Паспорт у тебя есть?

– Что значит паспорт? – подумал Кара-Ахмет и машинально вынул из кармана червонец.

– То-то! – сказал человек с ружьем, опуская червонец за голенище.

– Извините! – промолвил Кара-Ахмет, чувствуя себя от этого немного смелее. – Это город?

– Город.

– А где же люди?

– Люди? По домам сидят... ну, и по другим местам...

– Гм... А на улицу они не выходят?

Человек посопел красным носом.

– А для чего выходить-то? Семь часов. Казенка уже закрыта. Не для чего выходить.

– Я вижу, у вас тут тихо. А эпидемии у вас тут нет?

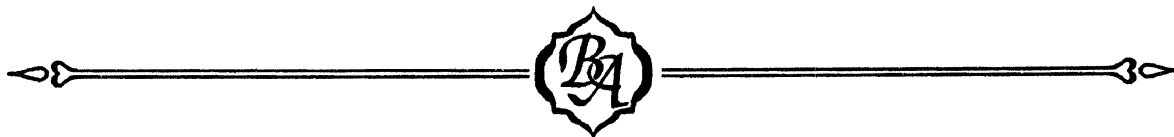
– Эпидемиев? Как не быть? У нас, слава Богу, завсегда эпидемия энта...

Мурашки забегали по спине у Кара-Ахмета. Аллах!.. Нигде он не скроется от этой губительной конституции! Нигде!..

– Так, стало быть, и у вас эта... гм... кон... консти... консти...

– Чево-с? – человек с красным носом ухмыльнулся. – Чаво? Константин... Фю-ю, брат. Кончена... у нас холера теперь.

– Холера?

– Холера.

Кара-Ахмет дал человеку с ружьем еще червонец.

– Только холера?

– Только холера.

Благословенная страна!.. Только холера!..

С облегченным сердцем Кара-Ахмет дал красноносому человеку третий червонец, бросился на землю и сотворил благодарственный намаз!..

Скиталец

Примечания

¹ Шукуров Р. Предварительные замечания о чуждости в истории // Чужое: опыты преодоления. Очерки из истории культуры Средиземноморья. М.: Алетея, 1999. С. 12.

² Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней. М.: Изд-во «Европа», 2007. С. 262–263.

³ Там же. С. 250–252, 261.

⁴ Петросян Ю.А. Османская империя: могущество и гибель. Исторические очерки. М.: Наука, 1990. С. 244.

⁵ Киреев Н. Проблема утверждения в Турции светской модели общества // От Стамбула до Москвы. Сб. ст. в честь 100-летия профессора А.Ф. Миллера. М.: Муравей, 2003. С. 212–214.

⁶ Петросян Ю.А. Указ. соч. С. 216–218; Внешнеэкономические связи Османской империи в новое время (конец XVIII – начало XX в.) М.: Наука, 1989. С. 115–168.

⁷ Ливен Д. Указ. соч. С. 252–258.

⁸ См.: Шеремет В.И. Война и бизнес. Власть, деньги и оружие. Европа и Ближний Восток в Новое время. М., 1996.

⁹ См.: Иванов М.С. Иранская революция 1905–1911 годов. М.: Изд-во ИМО, 1957; Агаев С.Л. Иран в прошлом и настоящем. М., 1981; Годс М.Р. Иран в XX веке: политическая история. М., 1994; Алиев С.М. История Ирана. XX век. М.: Ин-т востоковедения РАН: Крафт+, 2004.

¹⁰ См.: Кулагина Л.М. Россия и Иран (XIX – начало XX в.). М.: ИД «Ключ-С», 2010. С. 198–199.

¹¹ Сатирикон. 1908. № 16. Обложка.

¹² После продолжительных массовых выступлений в 1906 г. в Иране произошла Конституционная революция, в результате чего в стране утвердилась конституционная монархия, но нестабильность сохранялась. 10 (23) июня 1908 г. Мохаммед Али-шах при поддержке частей Персидской казачьей бригады разогнал меджлис и отменил действие конституции.

¹³ Сатирикон. 1908. № 27. С. 8.

¹⁴ Сатирикон. 1908. № 16. С. 4.

¹⁵ Под этим псевдонимом в «Сатириконе» работал художник Николай Владимирович Ремизов-Васильев (1887–1975).

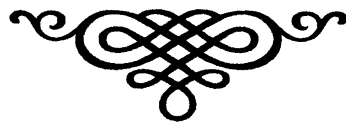
¹⁶ Сатирикон. 1908, № 15.

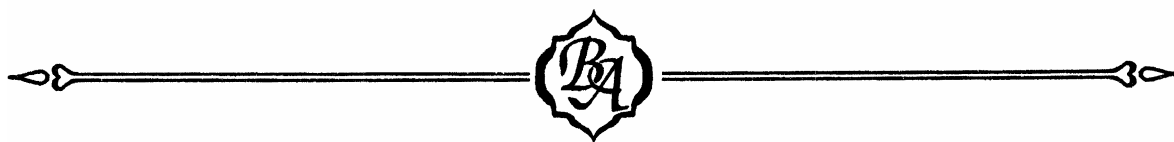
¹⁷ Сатирикон. 1908. № 16, с. 4.

¹⁸ Подробнее об этом см.: Филиппова Т.А. «Благословенная страна» // Родина. 2011. № 1.

¹⁹ См., к примеру: Сатирикон. 1908. № 19. С. 1; № 20, С. 8; 1909. № 16. С. 7; 1911. № 30. С. 1. и др.

²⁰ Заптий – (тур.) турецкий жандарм (см.: Новый полный словарь иностранных слов, вошедших в русский язык с указанием происхождения их, ударений, отраслей знания и с расширенной энциклопедической частью. Сост. Е. Ефремов. Под ред. И.А. Бодуэн-де-Куртенэ. Изд. 2-е., 1912).

В.Г. Бухерт

«НАСТОЯТЕЛЬНЕЙШИЕ НУЖДЫ ПАМИРСКОГО РАЙОНА»

Записка И.И. Зарубина. 1917 г.

В мае 1915 г. известный востоковед, исследователь Памира И.И. Зарубин¹ по поручению Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии отправился в свою вторую экспедицию на Памир². Он стал «секретарем по административной части» Памирского отряда, который возглавлял полковник И.Д. Ягелло³. Пребывание в этой должности позволило И.И. Зарубину детально ознакомиться с системой управления Памирским районом, сложившейся со времени присоединения его к Российской империи. Вернувшись с Памира, он подал помощнику военного министра генералу В.Ф. Новицкому⁴ записку об устройстве Памирского района, датированную 6 мая 1917 г.⁵ В ней он, излагая свои взгляды на реформирование системы управления этим отдаленным краем бывшей Российской империи, подчеркивал, что уполномочен русской администрацией и колонией на Памире выяснить отношение Временного правительства к этому району. Всей полнотой власти там, военной и гражданской (административной и судебной), был наделен начальник Памирского отряда. Фактически же, утверждал И.И. Зарубин, власть находится в руках переводчиков из местных жителей. На населении лежат тяжелые повинности по снабжению русских постов, не установленные ни законом, ни обычаем, что побуждает местных жителей бежать в Афганистан.

В Главном штабе, куда поступила записка И.И. Зарубина, сочли затронутые в ней проблемы лежащими полностью в компетенции местной власти и направили 12 мая 1917 г. копию записки председателю Туркестанского комитета Временного правительства Н.Н. Щепкину⁶.

26 июня 1917 г. совещание по делам края при Туркестанском комитете Времен-

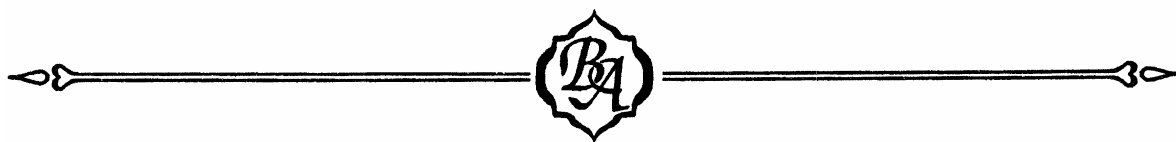
ного правительства одобрило «Временное положение об управлении Памирским районом»⁷. В соответствии с ним все гражданское управление на Памире и административные функции начальника Памирского отряда перешли к комиссару Памирского района, главной задачей которого являлась организация перевыборов местной администрации и создание «повсеместно» новых органов – «народных комитетов». Комиссаром Памирского района был назначен И.И. Зарубин, прибывший в Хорог 25 июля 1917 г.⁸ К нему перешло все гражданское управление на Памире. За начальником Памирского отряда, которым к моменту возвращения И.И. Зарубина был уже подполковник В.В. Фенин⁹, сохранились лишь обязанности непосредственного управления отрядом. В должности комиссара Памирского района И.И. Зарубин пробыл до февраля 1918 г.¹⁰

Публикуемая записка И.И. Зарубина не озаглавлена, заголовок дан автором публикации.

[Об устройстве Памирского района]

Русская администрация и колония на Памире обратились к Временному правительству с просьбой выяснить его отношение к Памирскому отряду и всему населению района, указав сведущим лицом меня, как изучающего уже в течение трех лет по поручению Академии наук и Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии быт и языки памирских племен (телеграмма министру-председателю ... апреля¹¹ № 468). В виду сего имею честь представить краткие соображения о настоятельнейших нуждах Памирского района.

Ввиду своего географического и стратегического положения Памирский район, кли-

ном вдающийся в афганские и китайские владения, вплотную подходя к Северной Индии, и отделенный природными условиями от остального русского Туркестана – выделен в особый военно-административный округ, управляемый на основании секретной инструкции командующего войсками Туркестанского военного округа начальнику Памирского отряда¹², которому этой инструкцией вручается власть военная и гражданская, как административная, так и судебная, а также заведование пограничной разведкой. Его помощниками в осуществлении этой власти являются офицеры отряда. Начальник и офицеры отряда назначаются на два года каждый, причем для назначения в отряд не требуется ни знания местных языков, ни предварительного знакомства с бытом населения. Вследствие чего фактически управление находится в руках переводчиков и низшей туземной администрации, которые, пользуясь этим, беззастенчиво эксплуатируют население даже при лучших намерениях русской администрации. Власть же ее, чрезвычайно обширная по инструкции, на деле является совершенно неограниченной, вследствие туманности инструкции и отдаленности района от центральных властей. Чтобы судить о пределах этой власти и о ее применении, достаточно несколько примеров. Пять–шесть лет тому назад на Памирах¹³ распоряжением одного из бывших начальников¹⁴ введено публичное телесное наказание плетью, к которому по приказанию русских властей приговариваются не только мужчины (даже старики и малолетние), но и женщины. В 1915 г. по ошибке был до полусмерти заперот афганский таджик, что едва не вызвало пограничных осложнений. В этом году был случай приговора к смертной казни, вынесенного единоличной властью начальника (приговор этот был представлен на усмотрение командующего войсками и, кажется, утверждения не получил). В области гражданских отношений совершаются – чаще всего по недостаточной осведомленности – вопиющие нарушения правовых основ и местных обычаев. В прошлом и позапрошлом году у многих таджиков была отобрана земля, которую они поль-

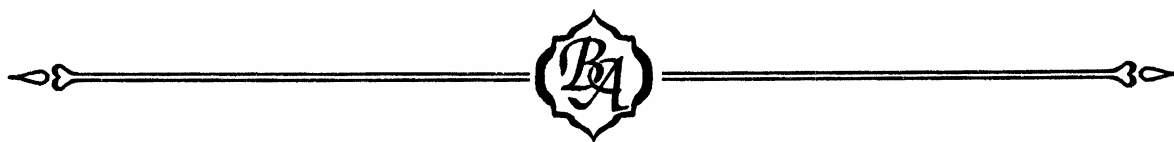
зовались больше 30 лет, и передана перебежчикам из Афганистана. Был случай, когда офицер «по ошибке» утвердил развод супругов, из которых ни один о разводе не просил.

На населении лежат тяжелые повинности, не установленные ни законом, ни обычаем, ни даже распоряжением центральных властей. Повинности эти состоят в снабжении всем необходимым расположенных в районе русских постов. Туземцы должны доставлять для нужд постов и отдельных чинов отряда все, что будет приказано, причем расплата производится или по чрезвычайно низкой оценке, или вовсе не производится. Вплоть до нынешнего года от туземцев требовали даже поставки продуктов, вовсе не производившихся в районе, как соль, рис, кишмиш, и их туземцы должны были по дорогой цене и теряя на курсе приобретать из Бадахшана, лишь в этом году (отчасти по моему ходатайству) повинность эта была уничтожена. В порядке повинности туземцы должны доставлять с расстояния нескольких десятков верст к Рождеству елки, яблоки и грецкие орехи. За сажень дров, привозимых на 15–20 вьючных лошадях с расстояния 60–70 верст, платится 4–5 рублей. При этом и эти деньги не всегда доходят до населения, так как низшая администрация добрую их половину оставляет у себя.

При таких порядках неудивительно, что в 1915 году население двух аминств перебежало в Афганистан. И лишь после долгих переговоров часть бежавших вернулась.

Между тем население, девять десятых которого принадлежат к секте исмаилитов, чрезвычайно лояльно и вовсе не фанатично, очень восприимчиво к европейской культуре (с которой оно знакомится чаще всего в Индии, куда таджики часто отправляются с религиозными целями), с охотой отдает детей в русско-туземную школу¹⁵, учится мастерствам и хотело бы с симпатией относиться к русским.

Ныне, когда для всех народов России начинается новая эра, по моему убеждению, явившемуся результатом трехлетнего изучения страны и ее обитателей, для спокойного и безболезненного перехода Памирского

района к новому строю настоятельно необходимы следующие меры:

1. Разъяснение населению в простой и доступной его пониманию форме значения ныне совершающихся событий и преобразований (среди некоторых туркестанских народностей падение старого строя понято как отказ русского правительства от государственной власти), а также подготовка к выборам в Учредительное собрание.

2. Переизбрание всех туземных должностных лиц, так как в массе они не соответствуют изменившимся условиям (при этом населению должно быть разъяснено, что всеобщее, прямое, равное и тайное избирательное право есть лишь право (подчеркнуто И. Зарубиным. – В.Б.) населения, но что оно может видоизменять эту избирательную систему, приспособляя ее к своим бытовым особенностям).

3. Передача всех судебных дел в исключительное ведение судебных властей, в соответствии с существующим в остальном Туркестане порядком, – притом необходима отмена телесных наказаний, а также объявление о состоявшейся отмене смертной казни.

4. Отмена всех архаических, ни на чем не основанных повинностей населения, в случае же полной невозможности приобрести действительно необходимые для русских постов продукты иначе, как реквизицией, таковая может быть произведена, но при обязательном условии, чтобы порядок ее и расценка продуктов устанавливались особой русско-туземной комиссией.

5. Как для осуществления указанных мероприятий, так [и] для общего надзора за гражданским управлением, а особенно в переходное время, назначение в качестве областного (районного) комиссара от правительства особого лица, хорошо знакомого со страной и населением.

Окончивший юридический факультет Петроградского университета, командированный Академией наук и Русским комитетом для изучения Средней и Восточной Азии в лингвистическом и этнографическом отношениях

Иван Иванович Зарубин.

О последующем прошу меня уведомить по адресу:

Павловск, Госпитальная ул., 3, кв. 8.

РГВИА. Ф. 400 (Главный штаб). Оп. 1. Д. 4616 Л. 91–93. Машинопись, подпись – автограф.

Примечания

¹ Зарубин Иван Иванович (1887–1964) – востоковед-иранист, профессор ЛГУ (1938–1949 гг.).

² Юсупов Ш. И.И. Зарубин на Памире // Памироведение. Вып. 2. Душанбе, 1985. С. 38–39.

³ Ягелло Иван Дионисьевич (1865–1942) – востоковед, полковник, начальник Памирского отряда (1906–1907, 1914–1917 гг.).

⁴ Новицкий Василий Федорович (1869–1929) – генерал-лейтенант, помощник военного министра (1917 г.).

⁵ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 400 (Главный штаб). Оп. 1. Д. 4616. Л. 91–93.

⁶ Там же. Л. 94. Щепкин Николай Николаевич (1854–1919) – политический деятель, председатель Туркестанского комитета Временного правительства (1917 г.).

⁷ РГВИА. Ф. 1396 (штаб Туркестанского военного округа). Оп. 2. Д. 2168. Л. 421–422.

⁸ Там же. Л. 556 об.

⁹ Фенин Валериан Викторович (1875–1933) – полковник, начальник Памирского отряда (1917–1918 гг.), председатель Русского дома в Багдаде (1929–1930 гг.).

¹⁰ Юсупов Ш. Указ соч., с. 43.

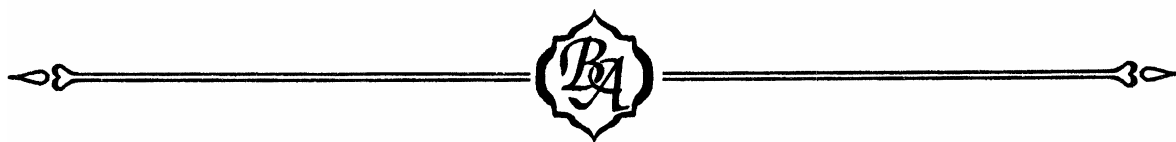
¹¹ Точную дату документа разобрать не удалось.

¹² Новая «Инструкция начальнику Памирского отряда» была утверждена туркестанским генерал-губернатором А.В. Самсоновым 31 января 1914 г.

¹³ В топонимике того времени употреблялся термин «Памиры». Различались «Большой и Малый Памиры», «Харгош-Памир», «Аличур-Памир», «Тагдумбаш-Памир».

¹⁴ Муханов Александр Владимирович (1874–?) – полковник, начальник Памирского отряда (1908–1912 гг.), командир 6-го Сибирского стрелкового полка (1915–1916 гг.), военный агент в Греции (с 1916 г.).

¹⁵ Открыта в Хоргозе осенью 1909 г.

Ю.Н. Тихонов

ТРУДНЫЙ ПУТЬ К ДОБРОСОСЕДСТВУ

Новые архивные документы о первых советско-афганских дипломатических контактах в 1919–1920 гг.

Установление дипломатических отношений между Советской Россией и Афганистаном было одним из самых больших успехов большевистского правительства на международной арене в 1919 г. Трудно переоценить значение этого события и для укрепления независимости Афганистана. Победа в третьей англо-афганской войне была лишь первым достижением эмира Амануллы¹ на пути достижения полного суверенитета его страны. В Москве и Кабуле ясно осознавали необходимость объединения усилий в борьбе против общего врага – Великобритании, но первые шаги в этом направлении дались обоим договаривающимся сторонам нелегко.

В советской историографии советско-афганских отношений противоречия, существовавшие между Советской Россией и Афганистаном, либо ретушировались, либо о них старались вообще умолчать², что не позволяло исследователям воссоздать точную картину «Большой игры» в Центральной Азии в период Гражданской войны на территории бывшей Российской империи и подъема национально-освободительного движения на Востоке, начавшегося после окончания Первой мировой войны 1914–1918 гг. С 1990-х годов отечественное востоковедение пополнилось рядом новых работ, осветивших наиболее важные причины противоречий между РСФСР и Афганистаном до подписания между ними договора 1921 г.³ Однако по мере изучения ранее неизвестных архивных документов 1919–1920 гг. становится очевидным, что российским и зарубежным исследователям еще предстоит, освободившись от устоявшихся штампов, проделать значительную работу по изучению внешнеполитической деятельности Турккомиссии, английских колониальных властей в Индии, а также первоначальных планов Советской России и Афганистана.

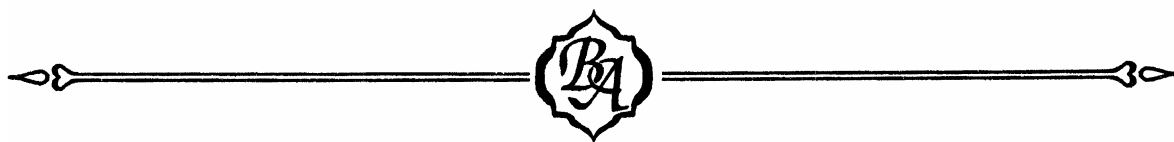
Публикуемые ниже документы, хранящиеся в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ), освещают ход и первые неоднозначные результаты советско-афганских переговоров в Кабуле и Ташкенте в 1919 г. Эти источники позволяют сделать вывод о достаточно конфликтной ситуации, сложившейся в то время на «региональном уровне» – между Афганистаном и Туркестанской Автономной Советской Социалистической Республикой (ТАССР), и об изменениях взглядов центрального советского руководства на характер будущего договора между Москвой и Кабулом.

1

**Телеграмма полпреда Н.З. Бравина⁴
из Кабула. 11.09.1919 г.**

РСФСР
Наркоминдел
Полном[очное] Пр[едставительст]во
в Афганистане
Туркоинотдел г. Ташкент
Копия: Реввоенсовет Закаспийского
фронта, Асхабад
Кабул, 11 сентября 1919 г. № 23

Положение полномочного представительства на сегодняшнее число представляется в следующем виде: несмотря на неоднократные просьбы наши, нам до сих пор не выдано и не будет выдано разрешение на поднятие флага над зданием Представительства. Мне не удалось добиться этого разрешения, несмотря на неоднократные указания, что нами разрешено афганским консулам поднимать свои флаги в Советской России.

Равным образом не разрешается нам выставить над зданием полномочного представительства вывеску с нашим гербом или соответствующей надписью.

Афганское правительство вопреки моим настояниям не соглашается допустить свободный проезд и проход из России в Афганистан для купцов, торговцев и иных людей.

Афганское правительство согласно, чтобы мы открыли наши консульства в Мазари-Шарифе, Меймене и Герате, но медлит подтвердить свое согласие окончательным формальным разрешением.

Афганское правительство отказало нам в разрешении на открытие консульств в Кандагаре и Джалалабаде – этих важнейших пунктах, единственно откуда была бы возможна для нас связь с Индией.

Вы напрасно требуете или ждете от нас не только регулярных информации, но и даже информации вообще. Мы живем в Кабуле в почетном заточении. Всегда и всюду нас окружает стража. Выходить из дому мы можем только на прогулку и, конечно, в сопровождении караула. Ни видаться, ни разговаривать с кем бы то ни было нам не разрешается.

Точно также решительно запрещен доступ к нам кого бы то ни было. Я сношусь только с двумя лицами: враждебным нам и далеко не умным эмиром и совершенно безразличным министром иностранных дел⁵. Установить связь с Вами совершенно невозможно, так как афганцы не всю Вашу почту доставляют нам, а то, что доставили, носит грубые следы перлюстрации. Эмир и его министр до сих пор не дали мне ни одного серьезного ответа на мои деловые сношения. Эмир – фантазер и мечтатель, грезящий о создании сильного мусульманского государства, почему-то за наш счет. Он хочет, чтобы отдали ему Термез, Керки и Кушку. Он мечтает о присоединении к Афганистану Закаспийской области, Хивы, Бухары и Ферганы. Около него всегда трется свара выходцев и беженцев из мусульман Туркестана, туманящих ему голову заманчивыми планами.

Я решительно утверждаю, что Афганистан уже не друг нам. Мне дано понять, что Афганистан заключил с Англией прочный мир и вновь воевать с ней не намерен. В довершение всего, следует обратить внимание на то, что эмир собирается тайно послать Бухаре помощь под видом инструкторов на случай действий против нас. [...]

Полномочный представитель РСФСР в Афганистане

*РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 1483. Л. 6 об
– 7. Машинописная копия.*

2

**Телеграмма Ф.Я. Рабиновича⁶
Г.В. Чичерину⁷. 7.01.1920 г.**

Передавая при сем протокол заседания комиссии ВЦИК с представителями афганского правительства от 27 декабря 1919 г., прошу по рассмотрении протоколов дать по радио в случае надобности соответствующие поправки, а также право подписи Турккомиссии.

Заседание 26 декабря

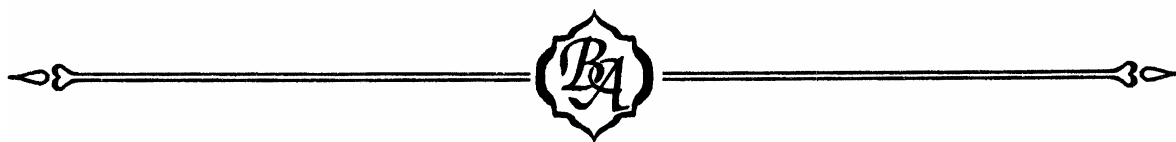
Присутствовали: Элиава⁸, Бройдо⁹, Рабинович, Рудзутак¹⁰, Измайлов¹¹, Старец¹², Залесский¹³, Вали-Хан-Джарнехоль-Мирза, Мухаммед-Корнель-Фаиз, Мухаммед-Корнель и афганский генеральный консул в Туркестане¹⁴.

Председатель Элиава, секретарь Кудряшева¹⁵.

I

О заключении военно-политического договора между Афганистаном и Россией (проект Бройдо). Постановили: для упрочения союза между Афганистаном и РСФСР¹⁶ Комиссия ВЦИК¹⁷ и Миссия афганского правительства...¹⁸ политического соглашения на следующих основаниях:

1. Афганская и Советская Республики находятся в состоянии наступательно-оборонительного союза.

2. Во исполнение обязанностей, лежащих на договаривающихся ... РСР ... приводятся в состояние, обуславливающее осуществление общих военных задач.

3. Для объединения и согласования военно-политических задач и командования избирается на паритетных началах особая военная комиссия.

4. РСР оказывает содействие Афганистану в подготовке командного состава для афганских офицеров.

5. РСР предоставляет афганской армии инструкторов, командиров и техников военного снаряжения.

6. РСР предоставляет Афганистану немедленно по заключению военно-политического договора наличное военно-техническое имущество по определению военной комиссии, исходя из потребностей в таковых Афганистана и общих военных интересов договаривающихся сторон.

7. РСР оказывает афганскому правительству содействие в организации медико-санитарной помощи в афганских армиях.

8. Военная комиссия определится в составе 6 человек с паритетным представительством и немедленно приступает к работе.

II

Обсуждали: об исправлении русско-афганских границ на началах исторического права, справедливости и воли народов, населяющих пограничные районы (резолюция Бройдо). Постановили:

1. Организовать на паритетных началах комиссию в составе 4-х лиц для установления границы между Афганистаном и Российской Республикой.

2. Комиссия обязана для производства своих работ ознакомиться со всеми имеющимися историческими, этнографическими, картографическими и прочими материалами.

3. По ознакомлению с материалами комиссии надлежит выехать в пограничную полосу для определения пограничной линии в натуре.

4. При определении границ комиссия руководствуется началами исторического права, восстановления справедливости, по-

гранной прежним правительством, и волей народов, населяющих пограничные районы.

5. Проект комиссии должен быть утвержден правительством РСФСР и Афганистана.

III

О способах борьбы с влиянием Англии в Закаспийской области (резолюция Бройдо). Постановили:

1. Российская Республика предоставляет право представителям афганского правительства принять участие в деле организации антианглийской агитации совместно с советскими органами пропаганды.

2. Штабу Первой армии принять энергичные меры к тщательной охране своей границы с Персией, в частности участка Серакс – Кушка, с увеличением гарнизонов до степени предотвращения возможного вторжения английских войск из Персии в Афганистан и Россию.

Заседание 27 декабря

I

Обсуждали: о торговых отношениях Афганистана с Россией (проект Бройдо). Признали необходимым: заключить торговый договор между Афганистаном и Российской Советской Республикой, в основу коего положены нижеследующие начала:

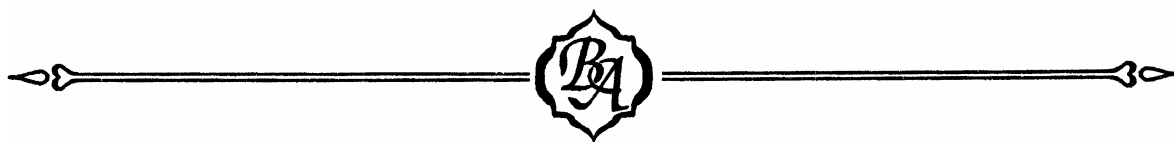
Обе стороны представляют в порядке товарообмена необходимое друг другу сырье и изделия.

Товарообмен должен вестись со стороны Российской Республики в лице его государственного органа, ведающего дел[ми] внешней торговли, каковой является в отношении с Афганистаном единственным монопольным продавцом и покупателем.

Весь ввоз из Афганистана освобождается от каких-либо пошлин.

Ввозимые товары не подлежат ни реквизиции, ни конфискации.

Ввозимые товары регистрируются в пограничных таможенных пунктах и направ-

ляются в места по указанию органов Отдела внешней торговли (ввозные ... государственные склады).

Примечание: гарантии, устанавливаемые в параграфе 4-м, распространяются лишь на товары, ввезенные в [законном] порядке.

Примечание 2-е к параграфу 5-му: Хранение афганских товаров в государственных ввозных складах оплачивается по день заключения торговой сделки по установленным тарифам.

При Отделе внешней торговли организуется комиссия на паритетных началах по взаимным расчетам с афганскими купцами; [...] и производящая зачет товарами, представленными афганскими купцами.

Афганские купцы подчиняются российским декретам о монополизированных товарах и не прибегают на территории Российской Республики к покупке и продаже [товаров] на вольном рынке помимо экономических органов Российской Республики.

Правительство Российской Республики ведет торговые операции как с самим правительством Афганистана, так и с отдельными купцами.

В случаях заключения торговых сделок непосредственно между правительствами России и Афганистана, оплата их обеспечивается всем достоянием государства-должника.

Привезенные до заключения договора товары и подвергшиеся конфискации или реквизиции подлежат оплате по предварительному рассмотрению в Ликвидационном отделе, за исключением случаев, когда монополизированные товары продавались с явным нарушением существующих законов.

Оплата производится следующим порядком: 25% – немедленное удовлетворение претензий и 75% – постепенной оплатой с наложением 6% годовых.

Примечание: долг этот обеспечивается как долг государства.

II

Обсуждали: о заключении торговой сделки России с Афганистаном и немедлен-

ном ввозе товаров до [подписания] торгово-экономического соглашения.

Постановили: немедленно организовать торговую комиссию для выяснения всех обстоятельств, сопровождающих заключение торговой сделки, цены, время уплаты, срок и способ доставки.

Ташкент 7-го января 1920 г.

Рабинович

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 85. Л. 1–3. Машинописная копия.

3

Телеграмма Чичерина Элиаве в Ташкент. 7.01.1920 г.

Мы никогда не говорили о союзе с Афганистаном; даже оборонительный союз поставит нас в невозможное положение, если помиримся с Англией. Он будет значить, что, если Англия нападет на Афганистан, мы должны будем объявить войну Англии. Между тем, заговорив о союзе, взять обратно [предложение] – получается скандал. Вы нас поставили в крайне неприятное положение, надо исправить эту оплошность, вместо слова союз говорить – соглашение о взаимном оказании помощи.

РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2100. Л. 4. Машинопись.

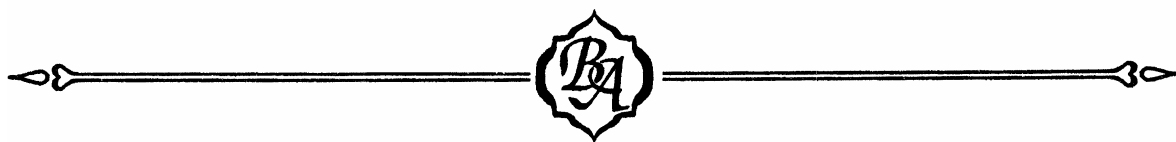
4

Из доклада заведующего Отделом внешних сношений Турккомиссии Г.И. Брайдо [май 1920 г.].

Афганистан

Из общей картины экономического, военно-технического, а главное политического состояния разбитого [в войне с Англией] Афганистана ясно было, что самостоятельно выступить против Англии он не в силах.

Внутренне положение (частичное восстание, работа английской дипломатии, создавшей системой подкупов и интриг англо-

фильскую партию) ухудшалось, и весь шестимесячный срок перемирия был использован афганским правительством для достижения мира с Англией, гарантирующего настоящее правительство от внутренних потрясений.

Переговоры с нами носили (чем дальше, тем это больше выяснялось) характер давления на английскую дипломатию, с одной стороны, и стремления получить на севере компенсацию, успокаивающую народные массы за неудачную войну и за грядущий мир с Англией [с другой стороны]. Одним из политических средств афганского правительства являлось все резче выявлявшаяся идея «великодержавности» Афганистана – помесь европейского империализма, азиатского феодализма, окрашенных в религиозные тона панисламизма.

В этой обстановке основной нашей задачей являлось:

1. Политика, затрудняющая развитие английской ориентации в Афганистане.

2. Поддержание уверенности в нашей помощи, не связывая себя договором с существующим правительством, но оказывая ему реальную поддержку, в особенности при условии активного выступления [против Англии].

3. Принятие мер, доказывающих афганскому правительству проблематичность его надежд на захват Бухары, Ферганы и Мервского оазиса.

4. Всячески прокламировать официальные позиции афганской миссии, могущие оказать давление в сопредельных странах и в Европе.

Такая точка зрения окончательно установилась в середине января [1920 г.] Самые разнообразные сведения, получаемые в Туркестане, путанные сообщения Бравина – все это было причиной заметных колебаний в нашей работе и информации.

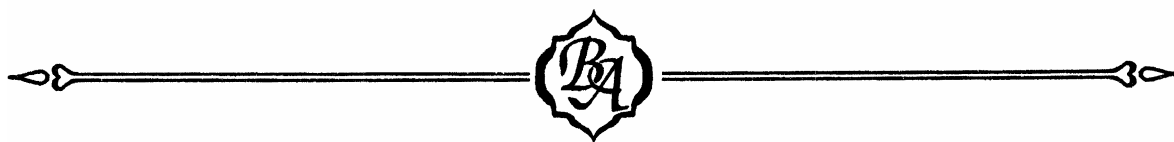
Основными вопросами в наших дипломатических переговорах были: 1) вопрос о реальной помощи, 2) о границах, 3) о военнополитическом и торговом соглашении¹⁹.

1. Вопрос об оказании помощи оружию и припасами в октябре–ноябре [1919 г.]

вполне ясный осложнялся всеми действиями афганской миссии. Закрадывалось сомнение в том, не даем ли мы оружия против нас. Поддерживая во всех переговорах уверенность в получении оружия, мы сами все более уверялись в невозможности передачи его. В заседании Турккомиссии от 21 января [1920 г.] я формулировал этот вопрос следующим образом: «Мы должны сейчас определенно решить, что мы можем дать Афганистану, не рискуя, чтобы это даваемое обратилось против нас» (по стенограмме). В разговорах с Вали-ханом в феврале [1920 г.] им были названы такие цифры винтовок и пулеметов, как условие их выступления, что определенно было ясно, что ни о каком выступлении Афганистана речи быть не может.

2. Пограничный вопрос. Немедленно по получению инструкции Наркоминдел о территориальных уступках Афганистану было созвано 26 декабря [1919 г.] объединенное заседание Турккомиссии и афган[ской] миссии. На этом заседании, между прочим, мною было заявлено: «Нам известен ответ, который наши центральные власти дали по вопросу о восстановлении границ, и, конечно, мы ни единого шага не отступим от инструкций, преподанных на сей предмет Москвой. Будет образована смешанная комиссия, которая начнет работать по вопросу о восстановлении границ, причем в своих действиях она будет руководствоваться теми обещаниями, которые даны были афганской миссии в центре, и размерами афганской территории, которую прежнее царское самодержавие отняло у Афганистана» (по стенограмме).

На том заседании была образована пограничная комиссия, в состав коей с нашей стороны вошли т.т. Залесский, Геллер²⁰ и Благовещенский²¹. Для нас было ясно, что технически вопрос о границах должен быть поставлен «затяжным темпом». В состоявшемся через несколько дней заседании пограничной комиссии я, открывая его, изложил основной порядок работ, существо коих сводилось: 1) к определению территории, коей владел Афганистан в 1885 г., т.е. в мо-

мент продвижения генерала Комарова, 2) к необходимости организовать плебисцит в уступаемой территории, 3) изучение, требовавшее большого времени, всех исторических архивных, картографических материалов и т.п., 4) наконец, выезд комиссии на место для выявления в натуре пограничной линии (см. приложение № 4)²².

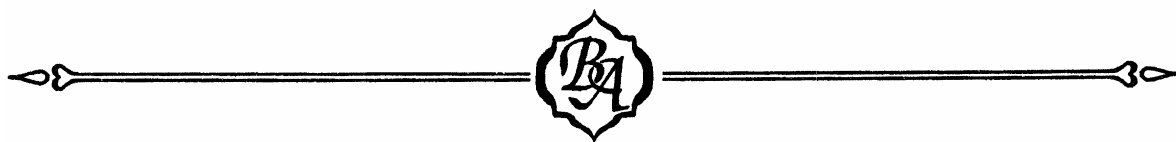
Такой порядок работ обеспечивал, по крайней мере, 4-месячный период их, о чем Наркоминдел был уведомлен. После этого заседания (на следующий день) т. Элиава и я уехали в Бухару, а через несколько дней оказалось, что русская часть комиссии повела работы форсированным маршем и признала точку зрения афганской части [комиссии] о рассмотрении территории до Талхатан Баба, т.е. размеров, о коих речь еще не подымалась.

Эта уступка означала: 1) передачу всех плотин, орошающих Мервский оазис, а следовательно, фактическую зависимость его от Афганистана, 2) выдвижение границы Афганистана в 40 верстах от Мерва, 3) и главное, лишало нас клина между Персией и Бухарой, на котором могли базироваться наши военные силы в случае наступления англо-персов²³.

Исторический материал в вопросе о границах Афганистана весьма запутан. Вся старая российская литература, а отчасти и английская, была направлена на доказательство того, что никакого захвата [территории] не произошло или захват [ее] был незначительный. Я много проработал над изучением всех материалов и убедился, что захват со стороны российского правительства был, но что требования афганцев преувеличены.

Итак, по приезде [в Ташкент] мы были поставлены опять-таки перед фактом. К этому времени мы были уже осведомлены о действиях афганского правительства в Бухаре, о прибытии в Бухару 5 консулов для размещения их в Фергане, причем консулами являлись потомки бывшего кокандского хана²⁴, о наличии у Мадамина афганского представителя²⁵ и слухах, что Афганистан предъявляет Бухаре требование на левый бе-

рег Амударьи от Термеза до Чарджуя. Последним обстоятельством подтверждалось стремление выдвинуть нашу границу на линию среднеазиатской железной дороги на значительном ее расстоянии, а главное, изъять от нас линию Кушка-Сирахс, откуда, по предположению военно-политических органов, разделяемых мною, намечался план наступательного движения англо-персов. Выяснялась все более невозможность реальной уступки территории впредь до ликвидации этой опасности с одновременной невозможностью не продолжать переговоров об этой уступке. В заседании Турккомиссии от 21 января [1920 г.] я высказался за то, что нам необходимо включить ряд оговорок в пользовании уступаемой территории, как то: свободное маневрирование наших войск, исключительно нам принадлежащая охрана района Кушка-Сирахс и другие условия, гарантировавшие нам фактическое обладание районом впредь до прекращения опасности вторжения. «Таким образом, я полагаю, что если будут соблюдены все эти условия и оговорки, то нам, пожалуй, и нечего особенно торговаться из-за каждого отдельного пункта» (по стенограмме). В другом месте этого заседания я сказал: «Если т. Залесский от имени русской части пограничной комиссии заявил, что мы ничего не имеем против уступки линии от Серахса до Талхатан Баба, то теперь идти на попятную нельзя, а если мы хотим это сделать, то нужно чем-нибудь мотивировать» (по стенограмме). По этому поводу т. Рудзутак между прочим заявил: «И почему это мы пошли по пути всяких уступок и согласий на все не основательные требования афганцев» (по стенограмме) и совершенно не реагировал, что в случае обратного решения придется аннулировать заявление русской части пограничной комиссии и вызвать определенное недоверие афганцев. В этом же духе высказались и другие члены Турккомиссии. Элиава сказал: «В отношении направления границ ни в какой мере не поддакивать заявлению Залесского и об этом афганцам заявить. Ничего страшного и неудобного я в этом не вижу» (по стенограмме).

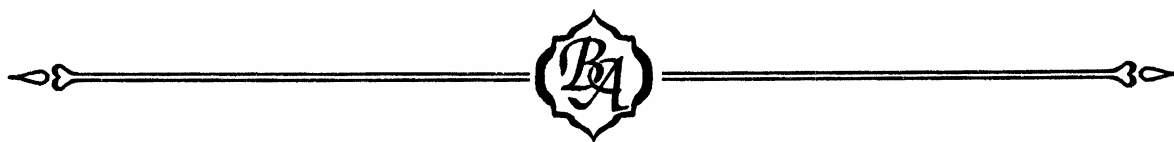

Т. Куйбышев²⁶ заявил даже: «Затем я считаю нужным заявить афганцам, что пока они не перестанут саботировать работы комиссии по заключению военного договора, до тех пор работы пограничной комиссии происходить не будут. Надо пресечь их нахальство и конец» (по стенограмме от 21 января). Это определено было бы уже аннулированием директив Наркоминдела, и я усиленно против такой постановки вопроса возражал, указывая, что территориальные уступки нам предложено не ставить в зависимость от военного соглашения и что это может повести к прекращению дипломатических отношений. Комиссией было решено заявить, что заявление пограничной комиссии аннулируется, так как она не имела на то полномочий и персонально изменить состав [этой] комиссии. Эта неблагодарная роль была возложена на меня. 26 января [1920 г.] мною была созвана пограничная комиссия и, после длительных прений, удалось провести решение о необходимости приступить к детальному изучению материалов. Согласие афганцев было определено вынужденным, и с этого момента ясно обнаружилось их недоверие к тому, что мы эту уступку [территории] вообще сделаем. Созывая заседания комиссии, наполняя эти заседания обсуждением материалов, разными докладами и т.д., я старался рассеять это впечатление. Я лично изучал те старинные (XVI–XVII вв.) источники, на которые ссылалась афганская часть [комиссии] и возражал, опираясь на те же источники, втягивая их [афганцев], таким образом, в настроение серьезного отношения нашего к вопросу об исправлении границ. Я считаю, что этот шаг был одним из поворотных пунктов в нашей дипломатической работе с афганской миссией. Работы комиссии я продолжал до своего отъезда в Хиву, т.е. до середины февраля, отмечая, что интерес к этим работам у афганцев падал.

3. Вопрос о военно-политическом соглашении. Вопрос этот был поставлен в первом общем собрании Турккомиссии с афганмиссией 26 декабря [1919 г.] в форме военного союза исключительно для того,

чтобы выявить отношение афганского правительства к вопросу о возобновлении наступательных действий против Англии. Предложение наше (формулированное мною тут же в заседании по соглашению с т. Элиавой) выявило уже тогда, что Афганистан не собирается возобновлять военных действий²⁷. Афганцы реагировали только на то оружие, припасы и т.п., которые они могли у нас получить.

4. В январе уже стали обнаруживаться такие действия афганской миссии, которые заставляли считать картину отношений с афганцами вполне выясненной. Связь с Мадамидом; с туркестанскими контрреволюционерами; бывшие ханские потомки в звании консулов в Фергане, охваченной восстанием; безусловная политическая работа не в нашу пользу в Закаспии; работа в Бухаре, направленная к заключению военного союза²⁸; конец перемирия с Англией и поездка в Индию представительства афганского за несколько дней до приезда т. Сурица [в Кабул], не дожидаясь его; выяснившаяся работа Бравина; принятие в афганское подданство российских мусульман и т.д. заставляли делать вывод, что афганское правительство [...] переходит на позиции реального осуществления своего доморощенного империализма, направленного острием против нас. Все эти обстоятельства настолько повысили тон заседания Турккомиссии, что были предложения: «Я бы поставил им такую же охрану, как они нашим в Кабуле» (Рудзутак), «А караул обязательно нужно к ним приставить» (Куйгушев)²⁹. Я заявил: «Мы можем этими действиями подвести их под такое положение, что Афганистан по приказу Англии выступит против нас». На это был ответ т. Элиавы: «Пожалуйста. Экая беда, еще посмотрим, кто кого». Это при отвратительном состоянии в то время в Туркестане наших военных сил. Я предложил: «Установить ряд мероприятий, которые должны предотвратить выступление против нас, выполняя директиву Центра: “Берегитесь. Мы ведем переговоры с Англией, [поэтому] не поставьте нас в затруднительное положение”»³⁰.

(Все цитировано по стенограмме). В результате заседания было принято решение: 1) сделать запрос о наличии представителя афганского правительства при Мадамине; 2) в консульских пунктах в Фергане отказать, ввиду того, что в Фергане идет гражданская война. Настроение в Турккомиссии было таково, что я считал необходимым в резолюции этого заседания ввести пункт о том, что «необходимо избежать всяких казусов для расторжения дипломатических отношений [с Афганистаном]». (Приложение № 5)³¹.

ВЫВОДЫ:

1. Нашу дипломатическую работу с Афганистаном надо признать неудачной по следующим причинам:

а) «мы должны констатировать, что нами пропущены все сроки для использования шестимесячного [англо-афганского] перемирия в целях закрепления активной российской ориентации в Афганистане» (см. п. 4 моего особого мнения, приложение № 5);

б) этому содействовало то обстоятельство, что наиболее серьезный период (перемирие с англичанами) мы имели своим представителем в Афганистане в лице Бравина не своего человека, а, может быть, врага;

в) территориальная уступка, безусловно, могла смягчить положение, [но] и переговоры о ней были почти аннулированы принятием обратно уступки, сделанной русской частью пограничной комиссии, чего делать не следовало, считаясь с тем, что передача даже самого минимального участка не могла состояться без дополнительных условий о свободе действий наших войск до прекращения опасности вторжения из Персии;

г) общие дефекты в деле организационных взаимоотношений Турккомиссии с Наркоминделом.

2. Состояние Афганистана английской ориентации – явление временное, и если правительство Аманулла-хана не станет во главе нового повстанческого движения [против Англии], то правительство это бу-

дет опрокинуто (см. мою резолюцию от 21 января [1920 г.]³²).

3. Наша дипломатическая работа должна быть направлена к предотвращению разрыва дипломатических сношений [с Афганистаном], [ведома] стремлением достигнуть возможности работать в Индии и установления непосредственной связи с [пуштунскими] племенами, борющимися в Северной Индии.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 84 Л. 6–9. Машинопись.

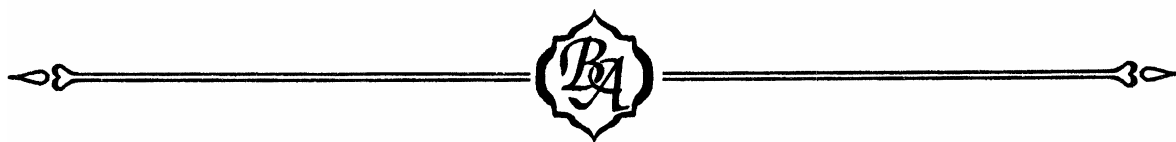
Примечания

¹ Аманулла-хан (1892–1960) – эмир (с 1926 г. – король) Афганистана в 1919–1929 гг. Провозгласил независимость своей страны от Англии. В 1921 г. заключил с Советской Россией договор о дружбе. Провел ряд прогрессивных реформ, которые вызвали сопротивление как реакционных сил, так и простого населения, страдавшего от увеличения налогового гнета. В условиях нарастающего в стране внутривластного кризиса пытался удержаться у власти при военной помощи СССР. В 1929 г. вынужден был отречься от престола из-за мощного восстания в стране. Эмигрировал в Италию. В течение многих лет активно стремился с помощью иностранных держав вернуть себе власть в Афганистане. Осознав свое поражение в борьбе с династией Яхья-хель, в 1949 г. официально примирился с афганским королем Захир-шахом. Умер 26 апреля 1960 г. в Швейцарии.

² К примеру, см.: *Теплинский Л.Б.* Советско-афганские отношения. 1919–1960. М., 1961; *он же.* История советско-афганских отношений. 1919–1987. М., 1988.

³ *Панин С.Б.* Советская Россия и Афганистан. 1919–1929. М. – Иркутск, 1998; *Коргун В.Г.* История Афганистана. XX век. М., 2004; *Бойко В.С.* Власть и оппозиция в Афганистане: особенности политической борьбы в 1919–1953 гг. Москва – Барнаул, 2010.

⁴ Бравин Николай Захарович (1881–1921) – российский дипломат, первый советский полпред в Афганистане. Один из немногих царских дипломатов, перешедших на службу к большевикам. В 1904 г. окончил факультет восточных языков С.-Петербургского университета. Знал арабский, турецкий, английский, французский

языки и фарси. С 1905 г. драгоман генерального консульства в Мешхеде. В 1907–1909 гг. исполнял обязанности вице-консула в Систане. С 1909 г. – драгоман генерального консульства в Бомбее. В 1914 г. – вице-консул в Казвине. С 1915 г. – вице-консул в Систане. В 1916–1917 гг. – вице-консул в Хое (Иранский Азербайджан). 1918 г. – представитель РСФСР в Тегеране. Выслан иранскими властями из страны. 1919 г. – советский посланник в Афганистане. В феврале 1920 г. сложил с себя дипломатические полномочия. В 1921 г. при попытке уехать в Британскую Индию был убит.

⁵ Речь идет о Махмуде Тарзи (1866–1935), который был афганским министром иностранных дел в 1919–1921 и 1924–1927 гг. С 1922 г. – посол во Франции. Идеолог младоафганского движения. Тесть Амануллы-хана. В 1929 г. эмигрировал из Афганистана вместе с Амануллой.

⁶ Рабинович Филипп Яковлевич (1885–1937) – советский деятель. 1919–1920 гг. – управделами Турккомиссии ВЦИК и СНК РСФСР. 1920–1922 гг. – управляющий секретариатом НКВТ РСФСР, зам. уполномоченного этого наркомата в Закавказье. 1922–1925 гг. – директор «Аркоса» и зам. торгпреда в Англии. До 1937 г. – на различных постах в НКВТ. 1937 г. – директор лесобазы в Котласе. Репрессирован.

⁷ Чичерин Георгий Васильевич (1872–1936) – советский государственный деятель и дипломат. Участвовал в подписании Брестского мира в 1918 г. В 1918–1930 гг. был наркомом иностранных дел РСФСР и СССР. Участник 1-го конгресса Коминтерна. 1922 г. – возглавлял советскую делегацию на Генуэзской конференции. 1925–1930 гг. – член ЦК ВКП(б). Член ВЦИК и ЦИК СССР. С 1930 г. – на пенсии.

⁸ Элиава Шалва Зурабович (1883–1937) – советский государственный и партийный деятель, дипломат. 1919 г. – член коллегии Наркомата торговли и промышленности Наркомата армии и Южной группы войск Восточного фронта. 1919–1920 гг. – председатель Турккомиссии ВЦИК и СНК РСФСР. 1920–1921 гг. – советский полпред в Турции и Иране. 1921–1923 гг. – нарком по военным и морским делам Грузинской ССР, а затем ЗСФСР. До 1931 г. был председателем Совнаркома Грузии и ЗСФСР. 1931–1936 гг. – зам. наркома внешней торговли СССР. 1936–1937 гг. – зам. наркома легкой промышленности СССР. 1931–1937 гг. – кандидат в члены ЦК ВКП(б). Репрессирован.

⁹ Бройдо Григорий Исаакович (1883–1956) – советский государственный и партийный дея-

тель, дипломат. 1917 г. – председатель Ташкентского совета рабочих и солдатских депутатов, зам. председателя Туркестанского крайсовета. 1919 г. – уполномоченный РВС Южной группы войск и Восточного фронта. 1919–1920 гг. – зав. Отделом внешних сношений Турккомиссии ВЦИК и СНК РСФСР и чрезвычайный уполномоченный в Хиве. 1921–1923 гг. – зам. наркома по делам национальностей РСФСР. До 1925 г. был ректором КУТВа. До 1927 г. – зав. Госиздата. С 1927 г. – ректор Саратовского коммунистического университета. 1933–1934 гг. – первый секретарь ЦК КП(б) Таджикистана. 1934–1939 гг. канд. в члены ЦК ВКП(б). 1934–1935 гг. – зам. наркома просвещения СССР. До 1941 г. был директором Партиздата, а затем Медиздата. В 1941 г. был арестован, до 1951 г. находился в заключении. С 1954 г. – на пенсии. Проживал в Москве.

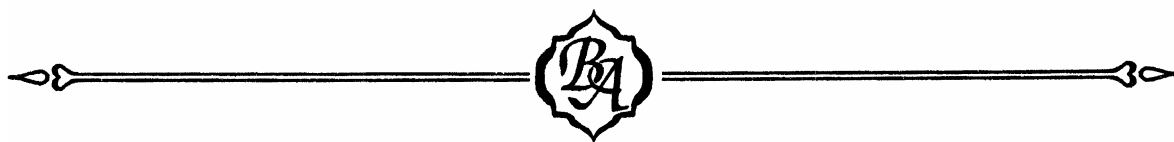
¹⁰ Рудзутак Ян Эрнстович (1887–1938) – советский партийный и государственный деятель. 1918–1921 гг. – председатель Московского совнархоза и член президиума ВСНХ. 1920–1921 гг. – член Турккомиссии ВЦИК и СНК РСФСР. В 1920–1937 гг. был членом ЦК. 1921 г. – председатель СНК Туркестанской АССР. С марта 1921 г. председатель сразу двух Туркестанских бюро: ЦК РКП(б) и Коминтерна. 1921–1922 гг. – секретарь ВЦСПС. 1922–1924 гг. – председатель Среднеазиатского бюро ЦК РКП(б). 1923–1924 гг. – секретарь ЦК РКП(б). До 1930 г. – нарком путей сообщения СССР. 1926–1937 гг. – зам. председателя СНК СССР. 1926–1932 гг. – член Политбюро ЦК ВКП(б). Репрессирован.

¹¹ Измайлов (настоящая фамилия – Гуревич) Сергей Маркович (? – ?). В 1919 г. – старший инспектор Наркомфина РСФСР, военком штаба Туркфронта. В 1919 г. Бройдо назначил его советским представителем в Бухаре, но он был вскоре отозван. С января 1920 г. – нарком финансов ТАССР.

¹² Старец М.А. (? – ?) – заместитель Бройдо в 1919 г.

¹³ Залесский Владимир Владимирович (? – ?) – левый эсер. В 1917 г. был комиссаром по иностранным делам и политическим делам Бухарского и Хивинского ханств, 2-й председатель краевого Совнаркома Туркестанского края. Какие посты занимал в руководстве ТАССР весной 1919 г., установить не удалось.

¹⁴ В тексте по техническим причинам, включая ошибки при расшифровке, имена членов афганской миссии в Советскую Россию даны с искажениями. В телеграмме Рабиновича речь идет

о главе афганской миссии генерале Мухаммаде Вали-хане, Мирзе Мухаммад-хане Яфтали, советнике и секретаре афганского посольства Файз Мухаммаде. Кто такой «Мухаммед-Корнель» (дословно «полковник Мухаммед»), определить трудно, так как в миссии было 19 человек. «Афганский генеральный консул в Туркестане» – это Мухаммад Аслам-хан. Вали-хан Мухаммад (? – 1933) – афганский дипломат и военный деятель. Генерал. В 1919 г. был назначен послом в Бухару и Советскую Россию, одновременно являлся главой афганской делегации, отправленной Амануллой для участия в Версальской конференции. В октябре–ноябре 1919 г. провел переговоры в Москве об установлении постоянных дипломатических отношений между РСФСР и Афганистаном. Дважды встречался с Лениным. Июль 1920 г. – глава особой дипломатической миссии в Турцию. В 1921–1922 гг. во главе афганских миссий посетил США, Англию, Германию, Францию и Италию. 1922–1924 гг. – министр иностранных дел. С 1924 г. – военный министр. 1927–1928 гг. – исполняющий обязанности главы государства в период заграничного турне эмира Амануллы. В 1930 г. осужден на 8 лет тюрьмы «за провокацию гражданской войны» в Афганистане. В 1933 г. казнен Надир-шахом. Мухаммад Яфтали (? – ?) – в 1920 г. этот дипломат был назначен афганским послом в Москву. Мухаммед-Корнель-Фаиз – Файз Мухаммад (1895–?) – афганский государственный деятель и дипломат, сардар. 1919 г. секретарь генконсульства в Ташкенте. До 1922 г. с миссией М. Вали-хана посетил ряд европейских стран. С 1924 г. был министром образования Афганистана. В период гражданской войны 1928–1929 гг. перешел на сторону Бачаи Сакао (эмир Хабибулла-хан). В 1929–1938 гг. – министр иностранных дел. С 1938 г. – посол в Турции. В 1949 г. – посол в Англии. С 1950 г. – министр образования. В 1964 г. эмигрировал в США.

¹⁵ Личность не установлена.

¹⁶ РСФСР – Российская Советская Социалистическая Республика. РСР – Российская Советская Республика.

¹⁷ Туркестанская комиссия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (Туркцик).

¹⁸ Здесь и далее многоточие указывает на текст, который не удалось расшифровать.

¹⁹ См. документ № 2.

²⁰ Геллер Лев Наумович (1875–1942) – советский государственный деятель, один из руководителей Коминтерна, дипломат. Член РСДРП с

1904 г. До 1919 г. – зав. санчастью Комиссии по устройству пленных и беженцев, а затем уполномоченный Наркомздрава РСФСР. В январе–марте 1920 г. – нарком здравоохранения ТАССР. С мая 1920 г. – председатель коллегии Совинтерпропа, а после его роспуска – секретарь Туркбюро Коминтерна. С июня 1920 г. – член ЦК компартии Туркестана. 1921–1922 гг. – советник полпредства в Швеции. 1922–1930 гг. – заведующий Восточным отделом Профинтерна. В 1930-х годах перешел на научную работу в Институт мирового хозяйства и мировой политики АН СССР: работал зав. сектором рабочего движения. С 1935 г. – доктор экономических наук, профессор. Умер в эвакуации в Ташкенте.

²¹ Благовещенский Петр Васильевич (1865–1936) – бывший офицер царской армии, полковник. В 1917 г. – командир Первого Туркестанского армейского корпуса. С 1918 г. работал в Военном комиссариате ТАССР. С июня 1919 г. – начальник Главного военного штаба ТАССР. 1920 г. – и.о. начальника штаба Туркестанского фронта.

²² Этот документ не публикуется.

²³ «Англо-персы» – имеются в виду британские войска в Северном Иране (Персии) и те иранские части, которыми командовали английские офицеры. Военная интервенция Великобритании в Закавказье и Закаспии потерпела в 1918–1920 гг. полный крах.

²⁴ Видимо, имеются в виду потомки Насреддин-бека, утратившего свою власть в 1876 г. после ликвидации Кокандского ханства российскими властями в Туркестане.

²⁵ 9 февраля 1920 г. Элиава напрямик спросил Вали-хана о «сношениях афганского правительства с ферганским Мадамином» и получил ответ, что «даже неофициальных сношений» с ним у Кабула нет. Это явно не соответствовало действительности, поэтому глава Турккомиссии сообщил своему собеседнику о невозможности открыть афганские консульства в Фергане. Таким образом, советские власти в Туркестане фактически совершили дипломатический демарш, дав понять афганским партнерам, что им известно о помощи из Кабула лидерам басмачества. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 85. Л. 4.

²⁶ Куйбышев Валериан Владимирович (1888–1935) – видный советский государственный, военный и партийный деятель. Член ВКП(б) с 1904 г. В 1917 г. – председатель Самарского комитета РСДРП(б). 1918–1920 гг. – член РВС 1-й и 4-й армии Южного фронта, 11-й армии Туркестанского фронта. 1919–1920 гг. – зам. председа-

теля Турккомиссии ВЦИК и СНК РСФСР. 1920 г. – советский полпред и представитель Коминтерна в Бухарской Народной Советской Республике. До 1923 г. был секретарем ЦК РКП(б). 1923–1926 гг. – председатель ЦКК РКП(б) и нарком рабоче-крестьянской инспекции СССР. До 1930 г. являлся председателем ВСНХ. В 1930–1934 гг. руководил ГОСПЛАНом. 1934–1935 гг. – первый зам председателя СНК СССР. До 1935 г. был членом Политбюро ЦК ВКП(б). Занимал ряд других руководящих постов в системе управления экономикой СССР.

²⁷ Афганские дипломаты, наоборот, уверяли членов Турккомиссии о скором начале новой войны между Афганистаном и Англией. Видимо, это делалось с целью ускорить получение советской военной помощи в максимально возможных размерах. Поэтому правдивая информация полпреда Бравина из Кабула регулярно опровергалась афганскими представителями в Ташкенте. К примеру, 21 августа 1919 г. нарком иностранных дел ТАССР Е.Е. Богоявленский телеграфировал в НКВД: «Бравин уверен, что эмир пугает англичан союзом с нами и приездом в Кабул нашего посольства воспользуется как козырем, почему постарается выторговать, что ему нужно. На самом деле эмир не смеет и не может вести войну с англичанами в полном смысле этого слова. Дать окончательное заключение по этим выводам Бравина затрудняюсь до получения подробного его доклада из Кабула, а также потому, что афганский генеральный консул в Ташкенте официально заверил меня, что правительство Афганистана на какое-либо мирное соглашение с Англией не пойдет.

В виду ваших радиogramм об оказании Афганистану военной поддержки, я послал Бравину с срочным курьером предложение повлиять на афганское правительство воздержаться от каких-либо соглашений с Англией». // Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 33988. Оп. 2. Д. 139. Л. 235.

²⁸ Слухи о возможном военном союзе между Бухарским эмиратом и Афганистаном оказались вымыслом, хотя бухарский эмир и просил у Аманулла-хана военной поддержки против большевиков. Афганистан послал лишь незначительный контингент своих войск в Бухару, но не рискнул начать боевые действия против Советской России, хотя и претендовал на часть бухарской территории.

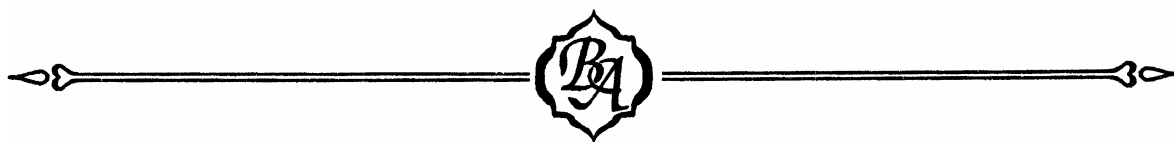
²⁹ Опечатка в тексте. Речь идет о В.В. Куйбышеве.

³⁰ В ноябре 1919 г. советское правительство поручило полпреду в Дании М.М. Литвинову начать мирные переговоры с европейскими государствами. Особые полномочия ему были даны на подписание соглашений с Великобританией. Уже в январе 1920 г. Верховный совет Антанты принял решение о фактическом снятии экономической блокады с РСФСР, а в мае 1920 г. в Лондон прибыла делегация во главе с Л.Б. Красиным фактически с целью восстановления дипломатических отношений де-факто между Москвой и Лондоном. Разумеется, при таких позитивных сдвигах в Европе НКВД не нужны были лишние осложнения в отношениях с Великобританией.

³¹ Данный документ не публикуется.

³² Данный документ не публикуется.

Р.М. Валеев

О КОНЧИНЕ Н.Ф. КАТАНОВА

Письмо Б.В. Миллера С.Ф. Ольденбургу

Глубокие сдвиги в обществе и науке после Октября потребовали пересмотра философских, теоретико-методологических и особенно организационных оснований отечественного востоковедения. С начала 1920-х годов происходила смена основ и направлений отечественного востоковедения¹.

В востоковедных центрах нашей страны продолжали, однако, работать представители дореволюционных востоковедных школ. В то же время формировалась новая генерация отечественных востоковедов. Возобновляются или начинают издаваться новые востоковедные журналы и сборники. Во второй половине 1920-х годов востоковедение в СССР начинает испытывать нарастающее идеологическое и политическое давление.

Отечественная историография российского востоковедения в 1920-х годах накопила огромный фактический материал, расширила круг тем и наметила пути развития советского востоковедческого образования и науки о Востоке².

Становление востоковедения в 1920-е годы представляло собой сложное и многоплановое явление, которое, прежде всего, отличалось «революционными» реорганизациями в науке о Востоке – кардинальной перестройкой организационной, идейной и теоретико-методологической основы преподавания и изучения восточных языков и истории Востока. Новые внутренние и внешнеполитические задачи, поставленные большевиками, потребовали создания новых и реорганизации системы существующих учебных заведений востоковедения в основных его центрах – Петрограде, Москве, Казани, Владивостоке.

Важными чертами этих лет становятся преобладание востоковедных исследований, конфронтация научных и политико-идейных позиций и концепций, изменение

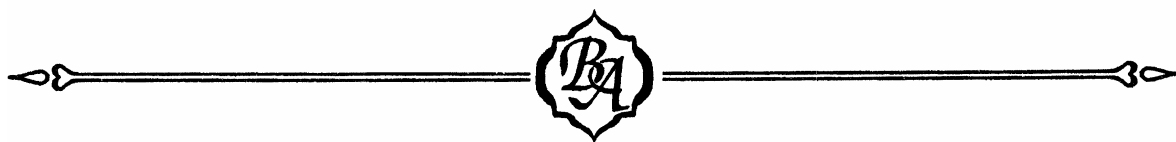
направлений изучения Востока. Этот период выявляет факторы, механизм и формы становления и развития советского востоковедения. Новые организационные изменения востоковедного образования и науки о Востоке происходили и в казанском центре отечественного востоковедения, в то же время здесь сохранялись научные и гуманистические традиции дореволюционного отечественного востоковедения.

Вниманию исследователей предлагается неопубликованное письмо ираниста, профессора Московского университета Б.В. Миллера (1877–1956) индологу, академику С.Ф. Ольденбургу (1863–1834), которое он написал из Казани 11 марта 1922 г. Основным поводом для этого письма стала кончина известного тюрколога, профессора Казанского университета Н.Ф. Катанова (1862–1922). Как известно, 9 ноября 1893 г. Н.Ф. Катанов был назначен преподавателем восточных языков императорского Казанского университета. Годы жизни в Казани (1894–1922) стали значимым периодом его неопределимой научно-педагогической и общественной деятельности³.

К сожалению, мало известна творческая биография Б.В. Миллера, сына известного востоковеда, фольклориста, этнографа, языковеда, археолога и директора Лазаревского института восточных языков в 1892–1911 гг. В.Ф. Миллера (1848–1913)⁴.

Следует обратить внимание на следующие вехи биографии Б.В. Миллера.

Борис Всеволодович Миллер – известный ученый-иранист, доктор филологических наук (1939), окончил юридический факультет Московского университета (1900) и Лазаревский институт восточных языков (1904). В 1904–1917 гг. служил в Министерстве иностранных дел, занимал различные дипломатические посты в странах Ближнего Востока (Иран, Турция, Марокко).

В 1919–1922 гг. Б.В. Миллер жил и работал в Казани, куда приехал с женой из Петрограда, спасаясь от голода и погромов осени 1919 г. В 1954 г. в своих воспоминаниях о Н.Ф. Катанове он писал: «Продовольственное положение в Петрограде было ужасное. Я работал в Русском музее, у покойного С.Ф. Ольденбурга, который там директорствовал, работал еще в организуемой тогда же Н.Я. Марром Академии истории материальной культуры, участвовал во “Всемирной литературе” Горького и в других местах, но, увы, все мои многочисленные занятия не обеспечивали мне и жене куска хлеба в буквальном смысле этого слова. Мне грозило серьезное сердечное заболевание, а доктора предписали мне... “усиленное питание”. Тогда приняли во мне участие Марр и Ольденбург, младшие товарищи моего покойного отца по Академии наук, и устроили мне командировку в более “сытую” Казань. Целью командировки было “изучение армянских надписей в Болгарах и в Казани”»⁵.

В Казани Б.В. Миллер работал научным сотрудником в музее и восточной библиотеке, а также преподавал персидский язык и литературу в Северо-Восточном археологическом и этнографическом институте (создан в 1917 г.), преобразованном в 1920 г. в Восточную Академию.

После переезда в Москву Б.В. Миллер стал профессором, зав. кафедрой иранской филологии Московского государственного университета, работал научным сотрудником Института востоковедения и Института языкознания. Специалистам известны его работы в области изучения живых иранских языков, особенно талышского и татского, составленный им «Персидско-русский словарь» (1950). К сожалению, забыты его статьи в области этнографии народов Кавказа.

Письмо Б.В. Миллера адресовано С.Ф. Ольденбургу⁶, одной из ключевых фигур российского востоковедения, известному индологу, академику Петербургской АН и неперемненному секретарю Академии наук (1904–1929), автору трудов, посвященных религии, поэзии и искусству, древности и

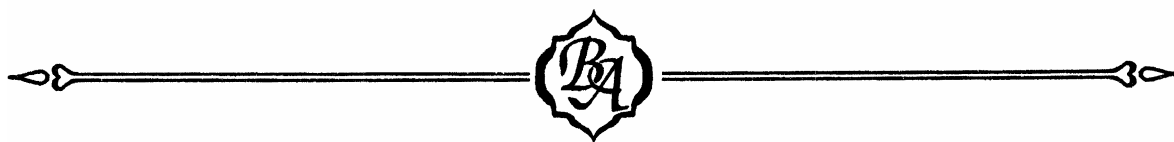
истории Индии, а также персидской и западной литературе.

*11 марта 1922 г., Казань. –
Письмо Б.В. Миллера С.Ф. Ольденбургу*

Казань, 11/Ш.1922.

Левая Набережная Кабана,
Восточная академия⁷.

Глубокоуважаемый Сергей Федорович,
Спешу сделать Вам грустное сообщение. Вчера (в ночь на 10-е марта) скончался Николай Фед[орович] Катанов. Он болел уже с осени. С ним сперва случился удар, отнявший у него правую половину тела, когда же он постепенно от этого стал исцеляться, он к несчастью простудился, не выходя из квартиры (которая, конечно, очень плохо отапливалась), схватил плеврит, перетекший в скоротечную чахотку. Доктора, найдя у него гнойник в легких, решили облегчить его, в сущности, безнадежное положение операцией. Она, как часто бывает, удалась блестяще, но через несколько дней его не стало. Завтра мы его хороним. Мне приходилось следить за жизнью Николая Фед[оровича] в течение с лишком 2 лет, что я здесь проживаю. Трудно ему жилось. Ежедневно он надрывал свое здоровье и свое слабое сердце рубкой дров, ноской воды, летом работой на огороде, тасканием мешков с картошкой, осенью – ночными дежурствами на том же огороде в сырость и холод. Так-то жилось этому первоклассному востоковеду в столице Татарской Республики. Бакинский универ[сите]т его избрал, просил скорее приехать, присылал за ним делегатов. Он все мечтал уехать туда, как только позволит здоровье, и не дождался. А если бы он и выздоровел, то его не выпустила бы все равно Татар[ская] Республика. Ему было сказано, что он нужен для Казани и что его не выпустят. Сколько-нибудь же обеспечить материально, облегчить ему жизнь здешние заправилы не пожелали, хотя неоднократно многие из друзей и коллег Ник[олая] Фед[оровича] им настойчиво твердили, что

он погибнет. Его ученое наследство (состав библиотеки, рукописи) здесь лучше всего известно, конечно, Серг[ею] Еф[имовичу] Малову⁸. Но сейчас С[ергей] Е[фимович] сам лежит в сыпном тифе (да притом с осложнениями). Начальник здешнего Академич[еского] центра⁹ поручил мне сказать вдове Катанова, что всю библиотеку купит здешний Наркомпрос. Но ведь есть еще рукописи. Помните, Вы поручали мне год назад сказать покойному, что Академия наук желала бы их приобрести. Он тогда мне определен[ного] ответа не дал, как-то уклонился от этого разговора. Не напишите ли Вы С.Е. Малову, не возьмет ли он на себя разборку рукописей, как только позволит ему здоровье. Было бы желательно, чтобы Акад[емия] наук поддержала также ходатайство о назначении пайка его вдове, которое будет возбуждено в Центре от здешнего университета. (Семья Катанова состоит из жены и взрослой дочери).

Теперь разрешите мне сказать два слова о себе. Условия жизни в Казани стали такими тяжелыми, что я все больше укрепляюсь в своем желании выбраться отсюда и перебраться или в Москву, или назад в Петербург. Я был бы очень Вам благодарен, если бы Вы улучили минутку и мне черкнули, мог ли бы я рассчитывать получить в Петербурге академич[еский] паек (здесь я его получаю), мог ли бы снова устроиться в Русском музее (кстати, кто там сейчас директором вместо А.А. Миллера¹⁰), и нет ли еще возможности мне устроиться где-нибудь по библиотечной, например, или преподавательской части? Здесь я преподаю персид[ский] язык и литературу в Восточной академии (уже 2 года) и состою хранителем этнографич[еского] отделения здешнего музея, кроме того, пробавляюсь переводами с татарского и с европейских языков.

Голод в Поволжье сильно подорвал всякую культурную жизнь. Даже в таких сравнительно крупных умствен[ных] центрах, как Казань. Кто только может, отсюда бежит (все больше в Москву или на юг), ряды интеллигенции все редуют, жизнь на почве голода становится кошмарной; только и

приходится слышать, что про грабежи, убийства, осквернение могил, «трупоедство» (сам видел фотографии матерей, съевших своих детей!) и т.п.

Позвольте пожелать Вам, уважаемый Сергей Федорович, всего лучшего.

Искренне преданный Вам

Борис Миллер.

Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, ф. 2, оп. 1, д. 1, л. 132–132 об.

Примечания

¹ Хейфец А.Н., Шаститко П.М. В.И. Ленин и становление советского востоковедения // Становление советского востоковедения (сборник статей). М., 1983. С. 3.

² Азиатский музей – Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. М., 1972; Азиатский музей Российской академии наук: 1818–1918. Краткая памятка. Пб., 1920; Алексеев В.М. Наука о Востоке: Статьи и документы. М., 1982; Кононов А.Н. История изучения тюркских языков в России. Л., 1972; Кононов А.Н., Иорш И.И. Ленинградский Восточный институт: Страница истории советского востоковедения. М., 1977; Кузнецова Н.А., Кулагина Л.М. Из истории советского востоковедения. 1917–1967. М., 1970; Лунин Б.В. Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении. Ташкент, 1965; Материалы к хронике советского востоковедения. 1917–1941 гг. // Краткие сообщения Института народов Азии. Вып. 76, 1965.; Ольденбург С.Ф. Востоковедение в Академии наук на новых путях // Вестник Академии наук. 1931, № 2. С. 10–15; Павлович М.П. История и задачи новых востоковедных вузов (К 5-летию Московского института востоковедения) // Новый Восток. Кн. 10–11, 1925.; Пять лет советского востоковедения. Деятельность Научной ассоциации востоковедения СССР. М., 1927; Саидмурадов Д.С., Мальцев Ю.С. Зарождение советского востоковедения в Таджикистане (1920–1929) // Известия АН Тадж. ССР. 1984, № 3. С. 78–86; Сладковский М.И. Первый центр китайоведения на Дальнем Востоке и его выпускники в 20-е годы // Проблемы Дальнего Востока. 1979,

№ 4. С. 143–152; Становление советского востоковедения. М., 1983; Тимофеева Н.Н. Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ) (1921–1925) // Народы Азии и Африки. 1976, № 2. С. 47–57 и др.

³ См.: Валеев Р.М., Тузужекова В.Н. и др. Н.Ф. Катанов и гуманитарные науки на рубеже веков: Очерки истории российской тюркологии. Казань; Абакан, 2008–2009.

⁴ См.: Миллер В.Ф. // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 82. СПб., 1890–1907.

⁵ См.: Миллер Б.В. Мои воспоминания о Катанове // Катановские чтения. Сборник статей. Казань, 1998. С. 174.

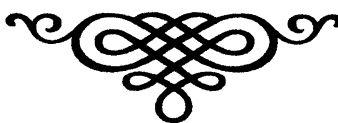
⁶ См.: Сергей Федорович Ольденбург. М., 1986.

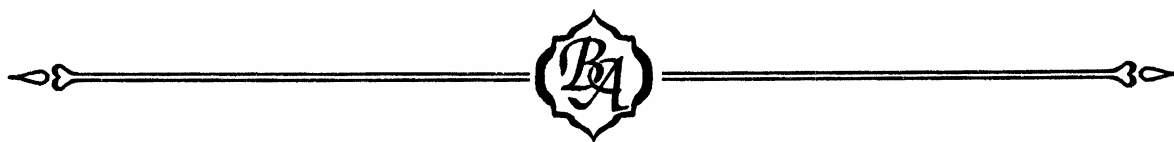
⁷ Восточная академия – высшее учебное заведение в г. Казани, создана решением Наркомата просвещения ТАССР от 30 декабря 1920 г. на базе Северо-Восточного археологического и этнографического института. В составе академии были сформированы историко-археологическое, этнографическое, словесное с разрядами турецко-татарской и финно-угорской словесности и социально-экономическое отделения. Курс обучения составлял 3 года. В 1922 г. академия вошла в состав Восточно-педагогического института.

⁸ Малов Сергей Ефимович (1880–1957) – тюрколог, языковед, чл.-корр. АН СССР (1939). Выпускник Казанской духовной академии (1904) и восточного факультета Санкт-Петербургского университета (1909). В 1916–1922 гг. преподавал в Казанском университете, Восточной академии, Восточно-педагогическом институте. С 1922 г. в Ленинграде. Труды по языку, фольклору и этнографии тюркских народов.

⁹ Академический центр Наркомата просвещения ТАССР (1921–1933). Создан для организации научных исследований по истории, просвещению, культуре татарского народа. В состав центра входили Научное общество татароведения (1923–1929), Общество изучения Татарстана (1928–1931), Главархив (1919) и научно-политическая, научно-техническая, научно-педагогическая, художественная комиссии.

¹⁰ Миллер Александр Александрович (1875–1935) – археолог, этнограф и музеевед. Закончил Николаевское инженерное училище в Санкт-Петербурге (1896). Проходил военную службу (1896–1901). Учился в Высшей школе социальных наук и Антропологической школе в Париже (1901–1905). Призван на военную службу (1905). Проводил археологические и этнографические исследования (с 1901) в различных губерниях и центрах России (Донская, Елизаветпольская, Кубанская губернии, Кавказ и т.д.). Работал в Этнографическом отделе Русского музея (с 1906). В 1919–1921 гг. – директор Русского музея, хранитель Этнографического отдела Русского музея (1922), преподаватель, профессор Археологического института (1918–1922), факультета общественных наук Петроградского университета, читал курс этнографии Кавказа в Ленинградском институте восточных языков (1926) и др. Сотрудничал с Государственной академией истории материальной культуры (с 1919). В 1933 г. арестован по так называемому «делу славистов» о принадлежности к мифической «Российской национальной партии». В 1934 г. осужден к 5 годам лагерей в Казахстане. Умер в 1935 г. в карагандинском лагере.

Р.Р. Эминов

ПЕРВЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ КРЫМСКИХ ТАТАР

Идея создания музея, посвященного истории и этнографии крымских татар, долгое время не находила своего воплощения в Российской империи. Только после Февральской революции 1917 г. такой музей был официально учрежден.

Необходимо отметить, что музеи, хранившие предметы истории, культуры и быта «инородческого» населения России, уже существовали в конце XIX в.¹

Отдельные небольшие коллекции материальной культуры крымских татар находились в наиболее крупных этнографических музеях С.-Петербурга и Москвы². Самая известная из них, описанная в литературе³, находилась в Дашковском этнографическом музее в Москве*.

Музейные коллекции, относящиеся к периоду существования Крымского ханства (ярлыки крымских ханов, записи судейских, рукописные книги и др.), находились также в краеведческих обществах, изучавших Крым. Наиболее известные из них – Одесское Общество истории и древностей (ООИД, 1839–1922 гг.) и Таврическая ученая архивная комиссия (ТУАК, 1887–1920 гг.).

Как следует из отчета ООИД, общество вначале своей деятельности в деле изучения и сохранения древностей Новороссийского края действительно обратилось к Крыму. «Общество предположило заняться собиранием: а) старинных исторических рукописей, у некоторых из татар сохранившихся; б) древних ханских ярлыков и султанских фирманов; в) коллекции монет, как крым-

ских ханов, так и древних генуэзских битых»⁴. В дальнейшем деятельность Общества приобрела более широкую направленность: приобретение и изучение не только археографического, но и, в большей степени, археологического материала античного и христианского периодов Крыма⁵.

Подобные этим задачам цели ставили перед собой и члены Таврической ученой архивной комиссии⁶.

Коллекции этих обществ легли в основание и стимулировали организацию музеев, в которых хранились, в том числе, и предметы по истории Крымского ханства. Имелся в них также и незначительный этнографический материал, относящийся к Крыму. Так, из отчетов ТУАК известно о закупке предметов одежды крымских татар⁷.

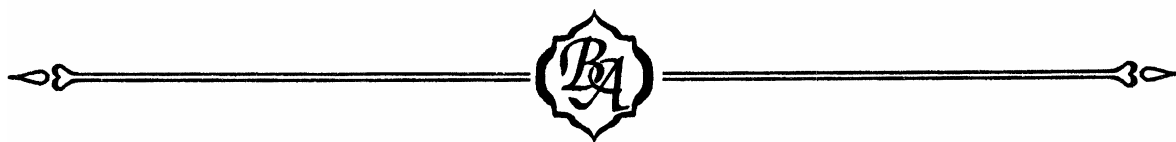
Больших собраний предметов по истории, культуре и искусству крымских татар в этих обществах не имелось. В 1898 г. по просьбе членов Комиссии И. Гаспринского и А. Иваненко ТУАК намеревалась организовать историко-этнографический музей в Бахчисарайском дворце, но эти планы не были реализованы. В 1912 г. члены Комиссии вновь возвращались к этому вопросу, но безрезультатно⁸.

Только с организацией У. Боданинским в 1916 г. музея в Бахчисарае, где стало возможным сформировать крупную коллекцию, ситуация с сохранением и изучением предметов истории и культуры крымских татар кардинально меняется.

Государственный Дворец-музей тюрко-татарской культуры** окончательно сформировался в начале 1920-х годов и просуществовал вплоть до депортации крымских татар 18 мая 1944 г. К сожалению, участь первого

* Был создан в 1861 г. как отдел Румянцевского музея в Москве, с 1924 г. Центральный музей народоведения, затем Музей народов СССР, в настоящее время этнографические коллекции музея находятся в Российском этнографическом музее в Санкт-Петербурге.

** Оттиск печати на документах с 1929 г. имеет надпись: «Государственный дворец-музей татарской культуры».

музея истории и культуры крымских татар была столь же трагична, как и судьба самого крымско-татарского народа.

За период своего недолгого существования музей крымских татар несколько раз менял свое название, а также основной характер экспозиций. Размещался он в бывшем ханском дворце – «Хан-Сарае», архитектурном памятнике XVI–XVIII веков. Судьба его не менее драматична.

В 1783 г., после окончательного завоевания Российской империей Крымского ханства, дворец в Бахчисарае находился в полном упадке. За время войн с Россией, а также междоусобной войны в Крымском ханстве, длившейся с 1771 по 1783 г., он подвергался разграблению и даже горел. Шагин-Гирей, последний крымский хан, известный своими европейскими реформами, принял решение покинуть старую резиденцию в Бахчисарае и приступил к строительству нового дворца в Кафе (совр. Феодосия). Он вывез и все ценное из Бахчисарайского дворца⁹.

Новые хозяева Крыма – российские императоры и члены их семей (кроме Павла I), использовали дворец как место временного пребывания в Бахчисарае. Дворец все же признавался памятником крымско-татарского зодчества и, согласно указу императора Александра I, находился под охраной государства¹⁰. Еще со времени посещения Бахчисарайского дворца Екатериной II в нем осталась часть обстановки и другого имущества, закупленного в Бахчисарае, Стамбуле и Москве, а также небольшая часть ханского имущества¹¹.

Интересным источником относительно обстановки дворца является «рапорт» предводителя дворянства князя Меметшибея и его опись имущества «Бахчисарайского казенного дворца»¹². Согласно документу, датированному 1804 г., имущество дворца состояло из 686 предметов*, в их числе: подушки, сшитые из бархата, атласа и сук-

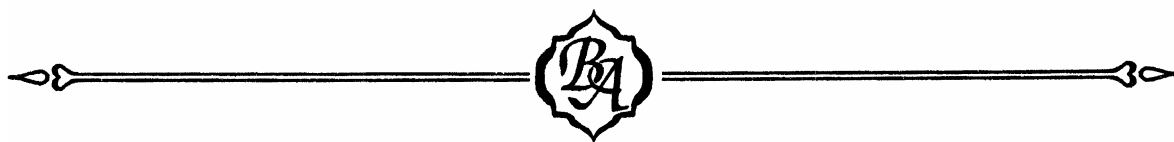
на, «тюфяки» (миндеры)** , различные ткани, хрустальные люстры, столы мраморные и деревянные «ломберные, оклеенные красным деревом», а также инкрустированные перламутром небольшие столики, картины, «перьями и шелками шитые»; занавеси «тавтянные» и «занавески миткальные», ковры, «золотом шитые»; часы «деревянные турецкие», фонари железные «с разноцветным и простым стеклом». В результате описи также было обнаружено во множестве: «столчаков, обитых толстым, тонким сукном и парусиной», стульев «простых плетенных из лыка», зеркал с «золочеными рамками», различного вида подсвечников, кроватей и т.д.; пол был «устлан зеленым, алым, вишневым сукном с золотым и серебряным позументом», а также покрыт «царьградскими рогожками»¹³.

К сожалению, этот документ, на наш взгляд, не полный (возможно, последний лист утерян), так как отсутствует подпись составлявшего его и итоговое количество предметов в конце описи. Далеко не все эти предметы сохранились уже в 1856 г., когда поэт и писатель Николай Берг жил в Бахчисарае. Описывая дворец, он замечал: «Еще недавно можно было видеть всю эту древность в некотором порядке. Но дворец постарел вдруг пятидесятью годами. Исчезли мавританские рогожки, мраморные столы, хитрия, разукрашенные зеркала, фарфоровые шандалы, хрустальные люстры, гардероб ханских жен: туфли, опахалы...»¹⁴.

В дореволюционное время «Хан-Сарай», помимо царственных особ, с разрешения Таврического губернатора могли посещать также другие высокопоставленные гости. Несмотря на это, дворец так и не был должным образом отреставрирован. Многочисленные ремонты, проводимые в нем, были крайне неудачны, более того, разрушительны. Самым пагубным для дворца был ремонт 1822–1831 гг., первоначально под руководством архитектора И.Ф. Колодина,

* Подсчитано автором, т.к. в описи отсутствует нумерация.

** «Миндер» – матрац для низкого диванчика – «сет».

затем Ф.Ф. Эльсона, когда значительная часть построек дворца была снесена¹⁵.

После Крымской войны состояние дворца было плачевным. Лишь угроза обрушения его в 1892 г. после сильнейшего ливня вынудила, наконец, власти принять решительные меры. По приказу императора Александра III правительство дало распоряжение Императорской Археологической комиссии составить проект реставрации. Проект и смету к нему выполнил архитектор А.Г. Котов. Однако в 1897 г. Академия художеств, обсудив этот проект, озвучила следующее: «...художественное его [дворца] значение весьма не высоко и, конечно, не может заслуживать особых жертв на подержание... Конечно, среди намалеванных здесь орнаментов есть, наверное, доза народных татарских рисунков, но отыскать их будет уже задача археолога, а не русского правительства...»¹⁶.

Комиссия по реставрации дворца была вновь создана в 1900 г. и работала на протяжении восьми лет. Наконец, в 1910 г. была созвана техническая комиссия по вопросу срочной реставрации дворца. В работе комиссии принимали участие известные архитекторы и академики-искусствоведы Н.П. Кондаков, А.Г. Котов, Н.П. Краснов, В.А. Фомин и С.С. Некрасов¹⁷.

Исследовательская работа затянулась на долгие годы. В Российской империи предложенный Археологической комиссией проект реставрации так и не был реализован. В этот период стараниями А.Г. Котова и Н.П. Кондакова, а также бывшего полицмейстера Бахчисарая А. Иваненко было образовано во дворце небольшое собрание предметов «татарского быта и восточного искусства»¹⁸.

Из записей в Книге поступлений музея за 1923–1927 гг. известно о приобретении в 1902–1908 гг. различных предметов утвари, а также крымско-татарских ювелирных изделий и восточного оружия¹⁹.

Таким образом, одну из начальных коллекций будущего Дворца-музея тюрко-татарской культуры составили часть собственно ханского имущества, не вызвавшего осо-

бого интереса у последнего крымского хана Шагин-Гирея, предметы внутреннего убранства комнат, приобретенные для прибывавших туда российских царственных особ, и небольшая коллекция, собранная А.Г. Котовым, Н.П. Кондаковым, А. Иваненко.

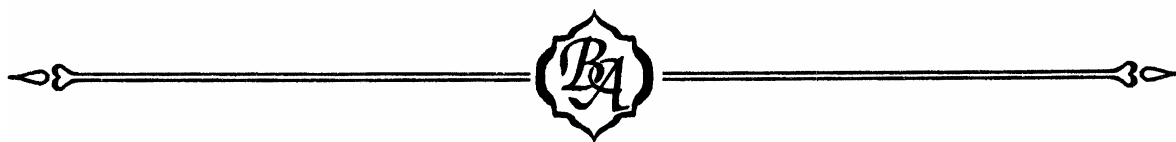
История создания первого национального музея крымских татар неразрывно связана с деятельностью Усеина Боданинского (1877–1938). Талантливый художник, впоследствии этнограф и историк стал основателем и первым директором музея крымских татар в Бахчисарайском дворце.

Усеин Боданинский родился в семье учителя в деревне Баданы Симферопольского уезда 1 декабря 1877 г. Его отец, Абдурефи-оджа, был дружен с Исмаилом Гаспринским, известным просветителем, основоположником «джадидизма».

Еще с детства у Усеина проявились художественные способности. После окончания народной и Татарской учительской школ (Симферополь) он поступил в Строгановское художественно-промышленное училище в Москве. Получив специальность художника-декоратора, У. Боданинский продолжил свое образование в Париже, затем работал в Петербурге с известным архитектором И.А. Фоминым, выполняя заказы по декоративному оформлению различных зданий²⁰.

У. Боданинский был достаточно известным и востребованным художником-декоратором в Петербурге. Однако дальнейшую его судьбу предопределила безграничная любовь к своей родине и ее народу – он решает вернуться в Крым и посвятить себя изучению истории и культуры крымских татар²¹. Именно У. Боданинскому принадлежит воплощение идеи создания первого крымско-татарского музея в Бахчисарае. Подлинная история тех событий отражена им самим в отчете Дворца-музея за 1917–1919 гг.²²

Так, в 1909 г. в С.-Петербурге было создано Общество защиты и сохранения в России памятников искусства и старины (просуществовало до февраля 1917 г.). 31 марта 1916 г. в Бахчисарае по инициативе местных

художников, архитекторов и любителей искусства состоялось открытие Бахчисарайского отдела (кружка) вышеуказанного Общества. Его возглавил У.А. Боданинский, кандидатуру которого утвердил Совет Общества в Петрограде.

5 июля 1916 г. таврическому губернатору было подано заявление от учредителей Бахчисарайского отдела Общества, в котором указывалось, что их задачей является:

«1) Регистрация и изучение всех, без исключения, памятников архитектуры, скульптуры и художественной промышленности.

2) Устройство в г. Бахчисарае художественно-исторического музея, начало которого уже существует в Бахчисарайском б[ывшем] ханском дворце и в виде частных коллекций у некоторых членов кружка»²³.

Музей в это время не имел официально-го статуса, но организация музея – это формирование его коллекции и заявление о его создании, поэтому, на наш взгляд, было бы правильным считать дату 5 (18) июля 1916 г. днем основания первого крымскотатарского музея.

Подтверждение тому, что уже существовал «татарский музей» в стенах бывшего ханского дворца до его официального учреждения, можно найти в докладе У.А. Боданинского «О мерах по защите и сохранению памятников татарского искусства в Крыму», опубликованном в газете «Голос татар», №10, от 30 сентября 1917 г.²⁴

В докладе Боданинский поднимал вопрос, в том числе, и о сохранении бывшего ханского дворца как памятника крымско-татарской архитектуры. В отношении музея он, в частности, писал: «...временный директор [дворца] должен продолжать пополнение национального татарского музея при Бахчисарайском ханском дворце»²⁵.

Февральская революция 1917 г. дала мощный толчок развитию бурных событий в Крыму, продолжавшихся вплоть до 1922 г. В это беспокойное, полное трагизма время, когда власть в Крыму переходила из рук в руки, когда красный террор сменялся белым и наоборот, в Бахчисарае смог устоять и раз-

виться первый национальный музей крымско-татарской культуры и искусства.

После прихода к власти Временного правительства бывший ханский дворец с сентября 1917 г. находился в ведении Управления татарскими делами. Сохранность памятника была поручена Татарскому историко-археологическому кружку (Бахчисарайский отдел Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины), возглавляемому У. Боданинским²⁶.

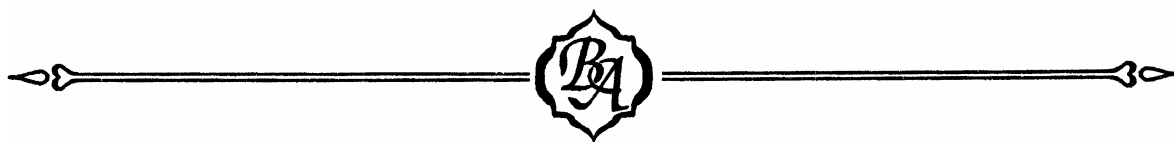
25 сентября 1917 г. решением Крымского временного Мусульманского исполнительного комитета он был назначен директором дворца²⁷. Позднее, 4 (17) октября 1917 г., приказом Таврического Губернского комиссара Временного Российского правительства Н.Н. Богданова художник Усеин Боданинский был назначен «Комиссаром Бахчисарайского б[ывшего] ханского дворца»²⁸.

3 ноября 1917 г. в стенах бывшего ханского дворца торжественно открылся для посещения первый национальный татарский музей²⁹.

Из отчета музея за 1917–1919 гг. следует, что музей функционировал за счет средств, выделенных Дирекцией народного просвещения Крымско-татарской Директории, а также за счет частных пожертвований и небольших доходов от продажи билетов³⁰.

Сохранилась копия документа «Смета ханского дворца и Крымско-татарского национального музея в городе Бахчисарае за 1918/19 учебный год», составленная Крымско-татарской национальной Дирекцией народного просвещения, согласно которой предполагалось выделить 48600 рублей на нужды музея³¹.

По инвентарной описи предметов «Художественно-исторического Дворца-музея», проведенной в сентябре 1917 г., можно судить о предметах, составивших одну из начальных коллекций музея. Так, имущество дворца составляло 195 предметов: 84 фрагмента архитектурной отделки дворца и 111 различных предметов, в том числе крымско-татарского декоративно-прикладного искусства и ремесла, включая 24 предмета из тка-

ней и 3 ковра, 16 монет, 3 медных кувшина, 2 сабли, кинжал и нож; 17 предметов из серебра (серьги, пряжки, браслет, кольца и др.), 44 различных предмета из дерева и фарфора и др.³² Согласно описи, в октябре 1917 г. У. Боданинский принял все предметы, находившиеся на тот момент во дворце.

Таким образом, первоначальную коллекцию музея, получившего название «Татарский художественно-исторический музей»³³, составили предметы, собранные членами Археологической комиссии в 1902 – 1908 гг., а также коллекции членов Татарского историко-археологического кружка в Бахчисарае, в том числе этнографическая коллекция самого У. Боданинского, о которой упоминал известный востоковед А.Н. Самойлович³⁴.

Весть об открытии национального музея, по словам У. Боданинского, нашла живой отклик у местного населения, особенно татарского, что «выразилось в большом количестве пожертвований весьма ценных предметов искусства и старины. Местные антиквары и частные продавцы также охотно пошли навстречу и доставляют музею сведения и материалы. Таким образом, в это трудное для всякой культурной работы время удалось обогатить музей с двухсот номеров до одной тысячи весьма ценных художественно-исторических предметов и в большой мере распространить идею музея среди татарского населения», – писал У. Боданинский в своей докладной записке о положении дел Дворца-музея за период с 1917 по 1919 г.³⁵ Вскоре был создан и Совет музея, в который первоначально вошли члены Татарского историко-археологического кружка³⁶.

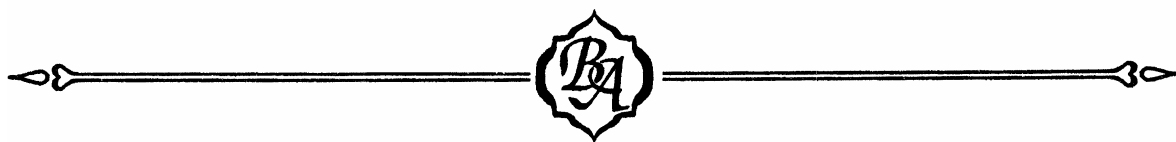
Нестабильная политическая ситуация в Крыму мешала нормальной работе музея. В это беспокойное время У. Боданинский отстаивал помещения дворца от чиновников быстро сменяющейся власти. С мая по август 1918 г., когда У. Боданинский был в отъезде, дворец подвергся разграблению германскими войсками 7-го Егерского полка. Общая стоимость ущерба составила 2785 рублей³⁷.

Смена власти в Крыму в этот период* не вызвала изменений в руководстве Дворца-музея. С приходом в июле 1919 г. «белых»** ситуация изменилась. Новая власть рассматривала вопрос о смещении У. Боданинского. В Государственном архиве Автономной Республики Крым (ГААРК) сохранилась официальная переписка новых властей, отражающая борьбу за заведование Дворцом-музеем.

9 сентября 1919 г. на имя таврического губернатора поступило письмо от начальника Симферопольского уезда, где, кроме всего прочего, было сказано следующее: «В первые дни переворота, благодаря влиянию незначительной группы демагогически настроенных крайних элементов татар, до того времени совершенно неизвестных в местной татарской общественной жизни, образовался крымско-мусульманский исполнительный комитет, который на первых же шагах своей деятельности, видя в Бахчисарайском дворце не только исторический памятник, но и колыбель для культивирования сепаратистских стремлений в духе младо-турецкого движения, захватным путем забрал в свои руки все это имущество, т.е. сад, дворец, все здания и сооружения, устроивши 25 сентября 1917 года заседание, постановил директором по управлению этим имуществом назначить некоего Усеина Боданинского, который хозяйничает здесь и до сего времени... В целях сохранения и предупреждения дальнейшего разрушения и гибели этого крупнейшего исторического памятника я признаю необходимым и настоятельно ходатайствую перед Вашим Превосходительством о немедленном устранении от заведывания дворцом Усеина Боданинского, ставленника Директории... Было бы желательным и возможным заведование дворцом передать городскому общественному управлению, в

* Смена Крымских краевых правительств М. Сулькевича и С. Крыма с июля 1918 по апрель 1919 гг., а также период установления Советской власти (КССР) (апрель–июнь 1919 г.).

** Вооруженные силы Юга России (А. Деникин, с 21 марта 1920 г. – П. Врангель).

противном случае дворец должен поступить в ведение губернской администрации при ближайшем наблюдении бахчисарайского пристава»³⁸.

В тот же день таврическому губернатору поступила докладная действительного статского советника А.Г. Иваненко, переадресованная из Отдела пропаганды, с пометкой «конфиденциально»³⁹. В ней Иваненко указывал, что полученные в Симферополе сведения о передаче Бахчисарайского ханского дворца в заведование местного пристава могут повлечь недовольство среди мусульманского населения. Так как Ханский дворец, помимо памятника исторического, еще является религиозным объектом – «ханы представляли из себя не только высшую гражданскую власть, но и духовную», то «дворец, с молельной внутри его, с соборной мечетью и кладбищем ханов пользуется религиозным почитанием татар». В докладной также отмечалось, что в прежнее время, когда дворец находился в ведении МВД, администрация его, «не считаясь с религиозным чувством татар, держала на территории дворца всякую живность, зачастую даже свиней»⁴⁰.

21 сентября Временная особая комиссия о вакуфах в Крыму* назначила У. Боданинского временно заведующим Бахчисарайским дворцом-музеем⁴¹. Комиссия уведомила таврического губернатора о принятии 22 сентября в свое ведение Бахчисарайского дворца-музея совместно с и[сполняющим] д[елами] таврического муфтия на основании приказа таврического главнокомандующего от 28 июля 1919 г.⁴² И. д. таврического муфтия С.М. Кипчакский лично доложил об этом губернатору⁴³. Однако это не помогло У. Боданинскому удержаться в должности заведующего.

8 октября начальник Общих дел Таврического губернского управления подготовил доклад губернатору о положении дворца с 1917 по 1919 г., где указывалось, что Бахчи-

сарайский ханский дворец является крупным историческим памятником, находился всегда до февраля 1917 г. в ведении МВД и содержался за счет государства. «Таким образом, Бахчисарайский ханский дворец, составляющий государственное достояние, состоял в незакономерном владении сначала временного исполнительного мусульманского комитета, а затем Крымско-татарской национальной директории, и что для восстановления законного порядка указанный дворец надлежит принять в свое ведение органам Министерства внутренних дел»⁴⁴.

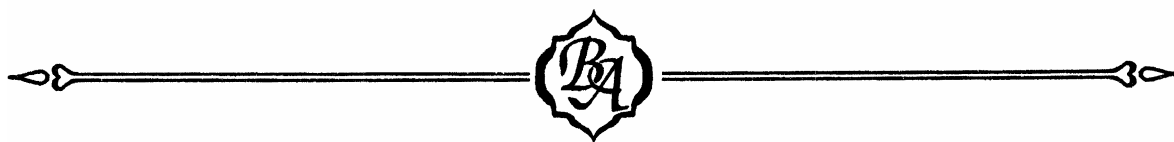
10 октября 1919 г. таврический губернатор назначил на должность заведующего бывшим ханским дворцом статского советника С.А. Плаксина⁴⁵.

Однако У. Боданинский не оставил борьбу за Дворец-музей. Так, 21 октября 1919 г. он выступил с докладом «О положении Дворца-музея в г. Бахчисарае за 1917–1919 гг.» в помещении Временной комиссии о вакуфах, где прошло совещание, организованное по инициативе Таврического университета и Таврической ученой архивной комиссии⁴⁶.

На совещании было принято решение о создании комиссии по заведованию «историко-художественной стариной управления Бахчисарайского ханского дворца» в составе: представителей от МВД, Таврического университета, Таврического магометанского духовного правления, Временной комиссии о вакуфах, ТУАК, Общества философских, исторических и социальных знаний при Таврическом университете, а также Бахчисарайского отдела общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины. Участники данного совещания постановили просить и.д. таврического муфтия обратиться к таврическому губернатору с просьбой «о желательности создания такой Комиссии»⁴⁷.

13 ноября 1919 г. такое письмо с протоколом совещания и копией доклада У. Боданинского было отправлено таврическому губернатору таврическим магометанским духовным правлением за подписью и. д. таврического муфтия С.М. Кипчакского⁴⁸.

* Данная Комиссия была создана новыми властями взамен разгромленной ими Крымско-татарской Директории.

Просьба осталась без удовлетворения, поэтому уже 31 декабря 1919 г. Совет Таврического университета обратился в письме к таврическому губернатору с просьбой передать право по надзору за Бахчисарайским дворцом бывшей Императорской археологической комиссии, осуществлявшей ранее такой надзор за «художественной и научной стороной» этого исторического объекта⁴⁹.

Из письма членов Татарского историко-археологического кружка от 20 марта 1920 г., направленного таврическому губернатору, становится ясно, что положение дворца-музея не изменилось:

«1) Дворец-музей в данное время оказался в неопределенном положении;

2) заведующий дворцом и всеми его угодьями С.А. Плаксин не был в г. Бахчисарае с 25 октября 1919 года, когда он приезжал сюда по приказу Вашего Превосходительства принимать бывш[ий] ханский дворец со всем его инвентарем в свое ведение;

3) художник У.А. Боданинский, живущий при дворце, занимается исключительно Татарским художественно-историческим музеем, а во все остальное считает себя не в праве входить»⁵⁰.

Далее следует просьба членов кружка передать дворец в ведение Особой комиссии по вакуфам в Крыму, а до этого момента поручить кружку следить за порядком⁵¹.

В данном письме важна информация о «Татарском художественно-историческом музее», который продолжал работать в это время под руководством У. Боданинского. Примечательно также, что письмо было написано на бумаге с угловым штампом «Татарский художественно-исторический музей»⁵².

Тем не менее власти и на этот раз никак не отреагировали. Таким образом, вопрос о заведении Бахчисарайским дворцом так и остался без рассмотрения.

В ноябре 1920 г. власть в Крыму была вновь взята большевиками, а в январе 1921 г. приказом Крымского революционного комитета КрымОХРИСу были переданы все исторические и бытовые памятники Крыма.

Бахчисарайский ОХРИС возглавил У. Боданинский, в его ведение передавались:

1) ханский дворец, ханское кладбище и все дюрбе (мавзолеи) Бахчисарайского района;

2) развалины города Чуфут-Кале;

3) развалины города Мангуп-Кале;

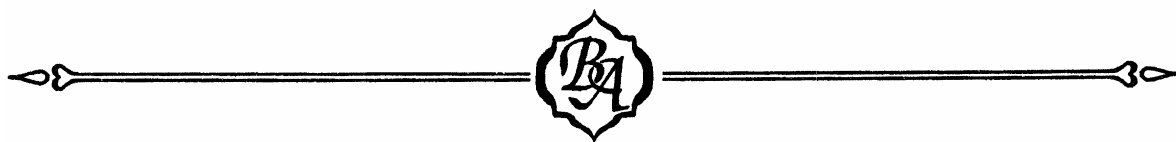
4) развалины Тепе-Кермена и Черкез-Кермена⁵³.

21 марта 1921 г. ОХРИС взял под охрану дом-музей выдающегося просветителя Исмаила Гаспринского, в 1924 г. – Коккозский дворец, просуществовавший как музей до октября 1925 г.

Становление музея проходило в суровых, подчас трагических условиях. Так, страшный голод в Крыму 1921–1922 гг. унес жизни 40% крымских татар (всего погибло более 100000 человек, из них 75000 крымских татар)⁵⁴.

В отчете музея за 1922 г. Боданинский писал: «Первая половина отчетного года до 1-го июля для бахчисарайского ОХРИСа и Дворца-музея была временем чрезвычайно тяжелым во всех отношениях: голод развился до чудовищных размеров и в результате унес 40% населения; в бедственном положении оказались и сотрудники ОХРИСа: от голода и его последствий погибли 2 человека: 1) ученый сотрудник музея Евгений Ив. Свищев (ученый-археолог), 2) смотритель древностей Эски-Юрта и Кырклар Эбубекир Асан»⁵⁵. Сам Усеин Боданинский перенес сыпной тиф в тяжелой форме. Осман Акчокраклы*, являвшийся ученым секретарем

* Осман Акчокраклы – историк Крыма, этнограф, палеограф, искусствовед, географ, литератор. Родился в 1879 г. в Бахчисарае, закончил Зынджырлы медресе. В 1895 г. учился в Турции, с целью самообразования посещал Каир. Преподавал каллиграфию на факультете Восточных языков Санкт-Петербургского университета в 1899 – 1901 гг., в том числе известному востоковеду И.Ю. Крачковскому. Украсил орнаментами и цитатами из Корана некоторые мечети Петербурга и Бахчисарая. Являлся сотрудником крымско-татарской газеты «Терджиман» (в 1906, 1910 – 1916 гг.). В 1917 – 1918 гг. избирался членом

Дворца-музея, был вынужден уехать в Симферополь⁵⁶.

Из отчета У. Боданинского за 1919 – 1920 гг. становится известно, сколько человек работало в музее до 1922 г. Это были:

1) Усеин Боданинский – заведующий Бахчисарайским ОХРИСом и дворцом-музеем;

2) Шейхзаде М. Вехбий – хранитель Дома-музея И. Гаспринского (с июля 1921 г.);

3) Пенкальский В.Ф. – смотритель Бахчисарайского дворца-музея и одновременно проводник;

4) Галчинская А. – вахтер музея (к концу 1921 г. должность вахтера и сторожа занимал П.Ф. Гонтаренко);

5) Кайбулла Исмаил – вахтер Коккозского дворца (с июля 1921 г. – А. Лятифзаде).

Далее в отчете У. Боданинский указывал на недостаточность штата, «так как необходимо взять под охрану ОХРИСа мавзолеев Хаджи-Гирея, Зинджирлы-медресе и Азиз Гази-Мансура»⁵⁷.

И все же музей выжил. В 1923 г. его посетили 3521 человек, а доход его составил 13733 рублей 75 копеек⁵⁸.

Несмотря на то, что Дворец-музей официально существовал с октября 1917 г., документальное оформление при большевистской власти крымско-татарский музей получил лишь 18 марта 1922 г. (об этом свидетельствует протокол заседания Крымского

Курултая. Был первым хранителем дома-музея выдающегося крымско-татарского просветителя Исмаила Гаспринского. Преподавал в Зинджирлы медресе. С 1922 г. преподавал в Крымском педагогическом институте восточную каллиграфию и палеографию, турецкий язык, крымско-татарский фольклор и этнографию, являлся членом правления ТОИАЭ и археографической комиссии КрымОХРИС. Научная деятельность О. Акчокраклы в музее была более чем значительной – он участник и организатор совместно с У. Боданинским практически всех археологических и этнографических экспедиций. О. Акчокраклы работал с рукописным, книжным фондом музея, занимался его систематизацией и изучением.

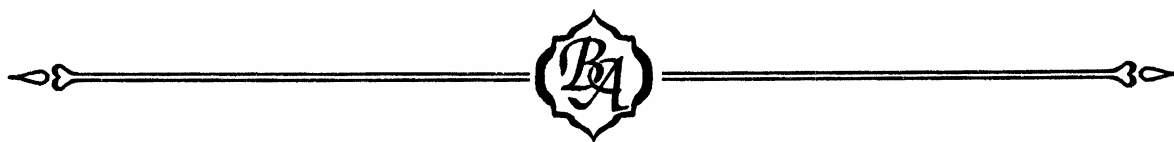
Президиума СНК № 40 от 18 марта 1922 г., согласно которому постановили создать татарский музей в Бахчисарае)⁵⁹.

В этот период У. Боданинский развернул широкую деятельность по популяризации музея не только в Крыму, но и в целом в стране и даже на международном уровне (в фондах КРУ БИКЗ сохранились письма У. Боданинскому из Британского музея и от посла Японии)⁶⁰.

Трудное материальное положение музея оставалось главной проблемой на протяжении всех лет его существования. Так, например, в 1923 г. Главнаукой на реставрацию ханского дворца было выделено всего 450 рублей. Боданинскому приходилось буквально выбивать средства. Для повышения статуса музея и улучшения его материального положения он добился от правительства Крымской автономии ходатайствования перед президиумом ВЦИК в Москве о включении музея в сеть учреждений Главнауки РСФСР, состоящих на государственном бюджете. Вопрос был решен положительно в сентябре 1925 г.⁶¹

Стремительно росли фонды музея. Согласно Книгам поступлений, в 1922 г. в музее насчитывалось 1835 единиц хранения, а к концу 1923 г. уже 2254. К 1934 г. в фондах музея насчитывалось 2715 предметов исторического и этнографического характера, не считая старинных рукописных и печатных книг, а также предметов из археологических экспедиций⁶². Книги поступили главным образом из библиотек Зинджирлы медресе, Буюк Хан Джами (Большой ханской мечети) и личной библиотеки Исмаила Гаспринского⁶³. В 1928 г. книги были выведены из фондов и переданы в созданную при дворце-музее библиотеку. Всего старинных книг насчитывалось более полутора тысяч единиц, из них 600 рукописных⁶⁴.

В отчетах Музея Боданинский отмечал: «Учреждение состоит из 3-х частей: а) Дворец как художественно-архитектурный памятник татарского творчества XVI–XVIII вв.; б) Музей татарской культуры (фасадные флигели вдоль речки); в) Библиотечный флигель»⁶⁵.

Формирование фондов музея с самого его основания имело не случайный характер. Целенаправленно закупались или передавались в дар предметы, относящиеся к истории и этнографии крымских татар, искусству мусульманского Востока.

Одним из самых ранних поступлений стало восточное оружие. Еще в 1917 г. была подарена сабля («клыч») Эбу Бекир Абду Кадыр Эфенди⁶⁶. Большое количество восточного оружия из коллекции Б.С. Лаврова было передано в дар в 1919 г. гражданкой Лавровой: ятаганы, сабли, пистолеты, ружья и др.⁶⁷ У Бахшиша Бахшишева была куплена сабля «клыч-пала»⁶⁸, а у бывшего полицмейстера Бахчисарая А. Иваненко музей приобрел в 1918 г. саблю индо-иранской работы – «тальвар»⁶⁹.

Музей постепенно приобретал все большее количество предметов этнографического характера, которые вскоре составили подавляющее большинство его коллекции. Так, в 1918 г. Дирекция вакуфов и финансов первого крымско-татарского правительства Крымской Народной Республики подарила тканые салфетки («кыбырыз») ⁷⁰.

В построении этнографических экспозиций применялись специально изготовленные манекены, с помощью которых воссоздавались сцены производства изделий декоративно-прикладного искусства и художественных промыслов крымских татар ⁷¹.

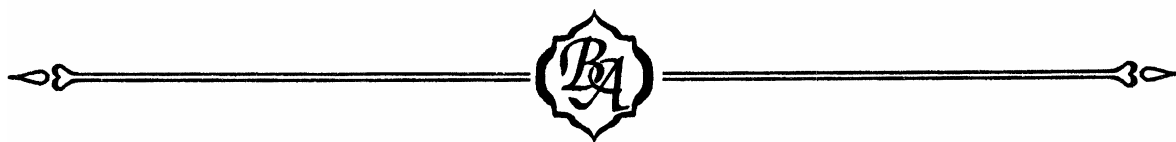
Экспозиции дворца-музея создавались на научной основе и классифицировались по отделам согласно разработанному экскурсионному рассказу. В начале 1930-х годов в музее существовали следующие отделы:

1. «Вводный отдел» – 3 комнаты (1-ая: доклассовое общество в Крыму, 2-ая: рабовладельческое общество в Крыму, 3-ая: ранний феодализм в Крыму);
2. «Крымское ханство» – 20 комнат (оружие, ярлыки, книги, но в большей степени показ архитектуры и интерьера дворца);
3. «Крым – колония царской России» – 3 комнаты;
4. «Революционный отдел» – 3 комнаты;

5. «Отдел социалистического строительства» – помещения соборной мечети (Хан-Джами) ⁷².

Экскурсионный план Бахчисарайского дворца-музея тюрко-татарской культуры, разработанный в 1926 г. членами краеведческого кружка М. Одинцовым, Я. Грозным, У. Боданинским, был одобрен Главполитпросветом НКП РСФСР. Он предусматривал следующие маршруты: «Салачик и Чуфут-Кале» (посещение 13 объектов, в т.ч. деревни Салачик, Зинджирлы медресе, дюрбе Хаджи-Гирея, Успенского монастыря, а также объекты на Чуфут-Кале); «Дворец Хан-Сарай» (посещение 16 объектов); «Кустарные промыслы Бахчисарая» (посещение 9 объектов, в т.ч. цехов Бахчисарая); «Жилище и быт крымских татар» (посещение 11 объектов); «Магуп-Кале» (посещение 11 объектов) ⁷³.

Первостепенной являлась организация научной работы музея. У. Боданинский масштабно подходил к решению задач, стоящих перед ОХРИСом и музеем. Он призывал сохранять и изучать все памятники Бахчисарайского района, но наиболее приоритетным было для него изучение исторических объектов, которые были мало исследованы до этого времени. Это памятники золотоордынской эпохи на Чуфут-Кале, в Эски-юрте и Кыркаизлер, а также в Старом Крыму; памятники периода Крымского ханства в долине Ашлама-Дере, где находились более ранние резиденции Гиреев (сохранились дюрбе Хаджи-Гирея и Зынджырлы медресе), Азиз Гази-Мансура и др. У. Боданинский стремился придать изучению памятников крымско-татарской культуры и искусства государственную значимость. Для этого в 1923 г. он совершил несколько поездок в Москву и Петроград, где установил контакты с такими научными учреждениями, как Всероссийская ассоциация востоковедения, Музейный отдел Главнауки, Наркомпрос РСФСР и Академия истории материальной культуры. Там Боданинский зачитал ряд докладов о музейно-научной работе в Бахчисарайском музее, в которых прозвучала обеспокоенность состоянием бахчисарай-

ских памятников. В результате было принято решение изыскать средства на поддержание этих памятников⁷⁴.

В 1924 г. на III Всекрымской конференции музейных работников в Севастополе была принята резолюция об оказании всяческого содействия открытию в Бахчисарае Научно-исследовательского института по изучению культуры крымских татар, после чего Дворец-музей превратился в центр по исследованию крымско-татарской культуры и этнографии. После этой конференции КрымОХРИС наметил следующие первоочередные задачи и планы:

«1. Созыв Всекрымского Съезда по татароведению с привлечением к нему представителей других республик и отдельных ученых специалистов.

2. Открытие в Симферополе отделения Всероссийской ассоциации востоковедения.

3. Создание в Бахчисарае Института татароведения, как центра татарской культуры, где сохранилось наибольшее количество памятников татарской материальной культуры.

4. Организация совместно с московскими и ленинградскими учеными-татароведами этнографической экспедиции для сбора предметов быта и для изучения духовной культуры.

5. Организация раскопок первой татарской столицы в Крыму – Солхат (Старый Крым).

6. Установление связи и руководство в собирании и изучении материалов татарской культуры на периферии краеведческими ячейками и отдельными лицами, интересующимися этой культурой»⁷⁵.

В марте 1925 г. при Наркомате просвещения Крыма прошло заседание коллегии, на которой обсуждался вопрос о проведении в Крыму татароведческого съезда, куда предполагалось пригласить ведущих востоковедов, а также всех заинтересованных ученых страны. Инициатором проведения съезда также был неутомимый Усеин Боданинский, работавший над проектом организации его почти два года. Открытие планировалось на 1 июня 1925 г. в Государствен-

ном Музее татарской культуры в Бахчисарае. У. Боданинский разработал план-проект мероприятий этого съезда вплоть до смет на питание и выступлений докладчиков⁷⁶. К сожалению, съезд не состоялся по неизвестным причинам.

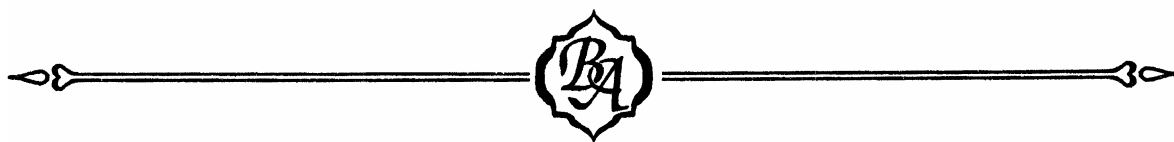
Все события этого времени отражались в личных дневниках У. Боданинского, их сохранилось всего три (с декабря 1923 г. по январь 1926 г.)^{*} Дневники являются бесценными источниками по истории развития и организации научной работы Бахчисарайского дворца-музея и в целом музееведения Крыма. Написаны они частично на крымско-татарском (арабской графикой) и русском языках⁷⁷.

Одной из основных задач ОХРИСа и музея была реставрация архитектурного памятника Хан-Сарая – бывшей резиденции крымских ханов. Научную реставрацию его так и не произвели, хотя этот вопрос поднимался еще с 1897 г. Главной причиной было отсутствие средств на реализацию такого проекта.

С начала 1925 г. Боданинский предпринимал меры по налаживанию нормального финансирования дворца-музея. Он добился выделения 15825 рублей из средств резервного фонда СНК РСФСР. На ремонт дворца отводилось 9000 рублей. К сожалению, деньги выделялись частями – по 625 рублей, из-за чего должный ремонт не был произведен⁷⁸. Были постепенно переложены все черепичные крыши зданий дворца, а также выполнен ремонт Соколиной башни.

Научная деятельность музея не ограничивалась рамками работы в самом дворце, важными направлениями в научно-практической деятельности были археологические

^{*} В фондах КРУ БИКЗ хранятся также полные дневники из экспедиций: блокнот «Археологическая экспедиция, Старый Крым 1926 г.»; тетради «Материалы по землетрясению 1927 г.» 1 и 2 часть; тетради «Раскопки медресе в 1928 г.» (Старый Крым) 1–4 части; «Тетрадь № 1. Этнографическая экспедиция 15 июля по 17 августа 1925 г.»

и этнографические экспедиции. Вот краткая хронология таких изысканий.

В сентябре 1924 г. член Правления научной Ассоциации востоковедения при ЦИК СССР профессор И.Н. Бороздин, профессор Н.Л. Эрнст, зав. Бахчисарайским музеем У.А. Боданинский провели совещание по Эски-Юрту и Кырklar и приняли решение – эти ценнейшие памятники золотоордынского периода Крыма должны быть подвергнуты тщательному археологическому исследованию⁷⁹.

В октябре 1924 г. профессор-археолог А.С. Башкиров совместно с У.А. Боданинским и профессором П.Л. Эрнстом приступили к обследованию Эски-Юрта, Азиза и Кырklара (Кырк-Азизлера). В ноябре того же года была предпринята предварительная экспедиция в Старый Крым с целью проведения археологических раскопок.

Этнографические экспедиции как комплексное научное исследование традиций и материальной культуры крымских татар стали занимать особое место. Так, в 1925 г. Бахчисарайским дворцом-музеем совместно с КрымЦИК СНК по изучению крымско-татарской культуры была проведена длительная крупномасштабная экспедиция. Ее активными участниками были У. Боданинский, О. Акчокраклы, А. Рефатов и трое практикантов. Они посетили 64 населенных пункта и проехали более 600 км в течение 45 дней, собрав большое количество ценнейшего этнографического материала. Во время экспедиции У. Боданинский вел дневник, в котором были отражены данные об этнографии крымских татар⁸⁰.

В 1925–1926 гг. состоялась большая совместная археологическая экспедиция Бахчисарайского дворца-музея и научной Ассоциации востоковедения при ЦИК СССР под руководством профессора И.Н. Бороздина в Эски Крым (Старый Крым). В ней принимали участие проф. А.С. Башкиров, архитектор П.И. Голландский, О. Акчокраклы, У. Боданинский, топографы Здзеховский и Ф.М. Модин, а также трое практикантов. В ходе этой экспедиции были произведены раскопки мечети и медресе

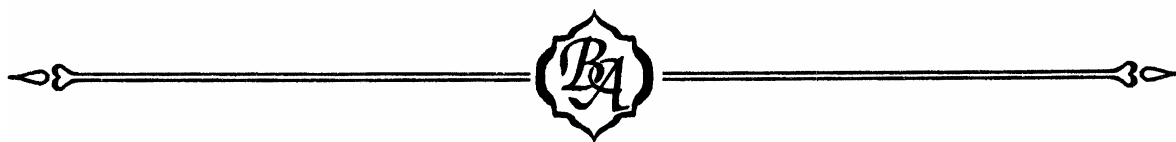
XIV в. хана Узбека, дворец и кварталы старого города⁸¹.

В апреле–мае 1927 г. под руководством профессора И.Э. Грабаря состоялась совместная экспедиция Главнауки и Бахчисарайского музея по обследованию Сюйренской башни, Мангуп-Кале и Черкез-Кермена. В конце мая того же года на съезд Всеукраинской ассоциации востоковедения в г. Харьков музей командировал своего ученого секретаря Османа Акчокраклы, после чего он вместе с практикантом музея Билялом Джеппаровым был направлен обследовать Чуфут-Кале с целью подготовки археологической экспедиции, которая состоялась летом 1928 г. Участники экспедиции У. Боданинский, О. Акчокраклы и известный архитектор Б.Н. Засыпкин из Москвы произвели раскопки большой мечети XIV в. Одновременно с этим велись раскопки ханского дворца в долине Ашлама. В августе 1928 г. были продолжены раскопки в Старом Крыму⁸².

Результатом этнографических и археологических экспедиций, кроме огромного фактического материала, собранного в ходе этих изысканий, была публикация ряда научных статей участников экспедиций, в том числе и У. Боданинского. Его работа «Археологическое и этнографическое изучение татар в Крыму» была выпущена в 1929 г. отдельным изданием⁸³.

К сожалению, 1930 г. явился последним годом, когда крымско-татарский музей был участником таких экспедиций. В июле этого года О. Акчокраклы был командирован музеем на археологические раскопки в Старый Крым, затем на Чуфут-Кале. Работа не была завершена. Причиной тому послужило изменение политики государства по отношению к научным подходам изучения культурной сферы жизни советского народа, в том числе и к организации научной работы в музеях⁸⁴.

Это было страшное время, когда волна репрессий захлестнула научные учреждения страны, докатилась она и до Крыма. В этот сложный период У. Боданинский пытался противостоять начавшимся изменениям. Так, в Эски-Керменской экспедиции 1931–

1933 г. Бахчисарайский музей официально уже не принимал участие, но У. Боданинский, по согласованию с Государственной Академией истории материальной культуры им. Н.Я. Марра, провел разведочные работы на укреплении Кыз-Кулле. Его статья по результатам этих исследований была опубликована в 1935 г., уже после увольнения его из Бахчисарайского дворца-музея⁸⁵. Она оказалась последней опубликованной научной работой Боданинского.

Первый «звонок» прозвучал еще в 1925 г., когда У. Боданинскому, по неизвестным причинам, не позволили организовать Всесоюзный съезд по татароведению. Затем борьба Советской власти с религией обернулась чудовищной акцией по сносу религиозных культовых зданий, причем сносились и древние. В одном только Бахчисарае было 35 мечетей, сегодня частично сохранились лишь пять.

В Бахчисарае была разрушена часть старинной застройки, на ее месте возводились современные здания. Примечательно, что разработанный музеем в 1926 г. маршрут экскурсий включал в себя показ построек средневекового города, его древних промыслов, кустарного производства, знакомство с ремеслами и бытом Бахчисарая⁸⁶. В СССР это был первый этнографический музей под открытым небом. Подобный существовал на тот момент лишь в Швеции – знаменитый «Скансен», созданный в 1891 г. А. Хазелиусом.

То, что с таким трудом отстаивал У. Боданинский, безжалостно уничтожалось на его глазах.

В 1930 г. делегаты I Всероссийского музейного съезда уделяли основное внимание выработке новых принципов построения экспозиций, которые должны были «наиболее целесообразно и выигрышно показать материал в марксистском освещении». На съезде подчеркивалась необходимость «разрушения музеев прошлого». Вся научная работа в музеях была свернута, а музейная экспозиция должна была стать одной из важнейших форм пропагандистской работы⁸⁷. В стране началась борьба с «национальным уклоном».

Ведущие востоковеды, с которыми работал У. Боданинский, подверглись травле, репрессиям и были осуждены на различные сроки заключения. Это И.Н. Бороздин, Г.А. Бонч-Осмоловский, А.С. Башкиров, Б.Н. Засыпкин, Н.Л. Эрнст и др.⁸⁸

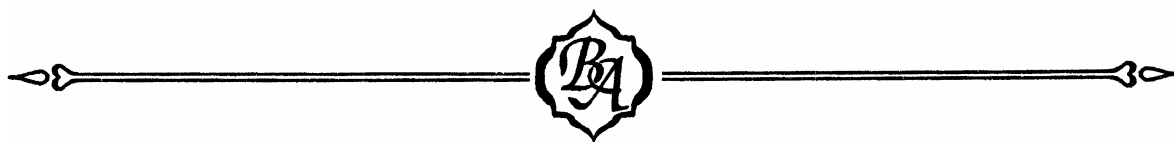
У. Боданинский, воспринявший с воодушевлением первые шаги Советской власти в сфере развития музейного дела*, был разочарован тем цинизмом, с которым эта власть, провозглашая одни ценности, на деле реализовывала совсем другие. Даже в этих условиях он находил в себе силы для работы и делал все от него зависящее, чтобы и дальше изучать историческое прошлое своего народа.

Так, в последнем разработанном производственном плане Дворца-музея на 1934 г. У. Боданинский должен был отобразить новые задачи, поставленные перед музеями Советской властью: как учреждения идейно-пропагандистского характера, они должны были прославлять завоевания социализма. В плане все же содержится несколько тем, посвященных истории и культуре крымских татар. Это, например, завершение перевода записок турецкого путешественника XVII в. Эвлия Челеби, сделанных им в Крыму. У. Боданинский включил в план на 1934 г. публикацию этого перевода; к сожалению, судьба перевода неизвестна. Был запланирован перевод первых 75 томов «кадиаскерских тетрадей» – важного исторического источника для исследования социально-экономического устройства Крымского ханства. У. Боданинский также планировал закончить работу по искусству крымских татар⁸⁹.

Увы, этим планам не суждено было сбыться. 10 марта 1934 г. он, согласно приказу Наркомпроса, передал дела Бахчисарайского Государственного дворца-музея новому директору – Б.И. Файкову⁹⁰.

Увольнение Боданинского не было для него неожиданностью. Предлогом послужил экспозиционный стенд в музее, рассказывавший о революционных событиях в Кры-

* У. Боданинский был беспартийным.

му: партийный чиновник Семенов обрушился на него с резкой критикой, усмотрев «националистический уклон» в подаче материала⁹¹. Боданинский не стал отстаивать свою правоту — он был не в силах противостоять чудовищной государственной системе сталинского произвола. Возможно, этот уход помог ему избежать участи «разрушителя» созданного им музея.

После ухода У. Боданинского последовал ряд увольнений других сотрудников музея. Уже на следующий день был уволен хранитель музея И.Я. Нейман с формулировкой «ввиду допущения политических ошибок по Музею», а также «марксисткой невыдержанности экспозиции»⁹². Еще раньше, 14 февраля 1934 г., уволен научный сотрудник Шейхзаде Мемет Вехби, которого У. Боданинский называл лучшим арабистом Крыма; позже он был осужден на длительный срок и дальнейшая судьба его неизвестна⁹³.

В музее сворачиваются отделы истории музея, этнографический отдел. Оставшиеся экспозиции перестраиваются в духе «завоеваний социализма». Например, в главной мечети Бахчисарая Хан-Джами был открыт музейный отдел, экспозиция которого была посвящена социалистическому строительству и достижениям Советской власти.

Почти еще год У. Боданинский находился в Бахчисарае: он вынужден был съехать из помещения музея, в котором жил, ему идти было некуда и он остановился у бывшего вахтера музея П.Ф. Гонтаренко⁹⁴.

У. Боданинский, по-видимому, был не в силах равнодушно смотреть на все происходящее в Крыму. Ученый уехал в Москву и Ленинград, затем в Грузию, работал художником-оформителем в Тбилиси. Но и там его настигла беспощадная машина террора: в 1937 г. его арестовали и привезли в Симферополь, пытали, заставляя «признаться в национализме»⁹⁵. 17 апреля 1938 г. У. Боданинского судили и в тот же день расстреляли вместе с другими видными деятелями культуры и искусства, включая О. Акчокраклы⁹⁶.

Эта кровавая драма была лишь началом тех страшных бедствий, которые пришлось

испытать целому народу, изучению культуры и традиций которого посвятили свою жизнь эти люди.

У. Боданинский прошел сложный жизненный путь. За время его руководства Бахчисарайский дворец-музей стал одним из крупнейших в Крыму, превратился в центр историко-этнографического изучения крымских татар. Заслуга его как историка, выдающегося этнографа в деле развития музейного дела в Крыму огромна.

После ухода У. Боданинского Государственный Бахчисарайский дворец-музей татарской культуры полностью лишился национального духа. Последующая судьба музея также трагична, как и судьба его основателя и первого директора. После чудовищной акции выселения и ссылки крымских татар 18 мая 1944 г. первый национальный крымско-татарский музей был ликвидирован, а его этнографическая коллекция разграблена. Музей получил название «Бахчисарайский музей»*, а содержание некоторых экспозиций носило ярко выраженный очернительский характер по отношению к крымским татарам.

Были созданы новые экспозиции, которые использовались «для показа:

1) борьбы русского народа за исконные русские земли на юге;

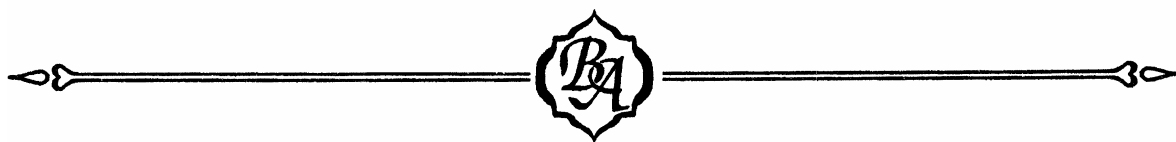
2) творчество русских мастеров-пленников XVII–XVIII веков и крепостных мастеров XVIII–XIX веков, работавших по восстановлению и реконструкции Дворца, после присоединения Крыма к России;

3) пребывание А.С. Пушкина и А.В. Суворова в Крыму»⁹⁷. Так записано в документах того времени.

Следует особо отметить участь коллекции первого крымско-татарского музея.

После увольнения У. Боданинского за десять лет с 1934 по 1944 г. в музей поступило всего 92 предмета⁹⁸. В то же время бы-

* С 1955 г. — «Бахчисарайский историко-археологический музей», с 1979 — «Бахчисарайский историко-архитектурный музей», с 1990 г. — «Бахчисарайский историко-культурный заповедник».

ло передано в другие музеи или утрачено (кражи) 162 предмета (с 1917 по 1934 г. – 27 предметов). Всего – 189 предметов⁹⁹.

В последние дни немецкой оккупации (акт №1 от 29 апреля 1944 г.), в ночь с 11 на 12 апреля, было похищено 283 экспоната¹⁰⁰.

24 ноября 1944 г., уже после депортации, была проведена акция по изъятию предметов, относящихся к этнографии крымских татар. Было изъято 605 экспонатов и переведено в специальный «этнографический склад»*, эти предметы не учитывались в книгах поступлений, а по складу не велось отдельной отчетности¹⁰¹.

Согласно акту от 31 декабря 1945 г.¹⁰² при сверке в фондах музея не было обнаружено еще 495 предметов и на них не оказало никаких актов изъятия**.

По акту №4 от 30 мая 1946 г. 49 экспонатов было списано как «пришедших в негодность»¹⁰³.

Из объяснительной записки нового директора М.Г. Кустовой от 31 мая 1946 г. следует, что из 2795 единиц хранения*** довоенного фонда в наличии оказалось всего 1178 предметов. Однако в новые Книги поступлений были записаны 1740 ед. хр. Разница объясняется тем, что не все предметы, находившиеся на складах музея, были записаны в довоенные Книги поступлений (в основном живопись и монеты, а также непрофильные предметы)¹⁰⁴.

За период работы Бахчисарайского музея с 1945 по 1985 г. из его фондов по распо-

ряжению Министерств культуры СССР и УССР было передано в другие музеи 703 ед. хр. Из них – 606 наиболее ценных предметов из довоенных поступлений, включая 440 экземпляров особо ценных старинных рукописных книг и Коранов. Были переданы также коллекция из драгоценных металлов (преимущественно из серебра) и предметы восточного оружия (сабли, ружья, пистолеты и др.)¹⁰⁵.

По актам от 03.03.1975 г. и 31.03.1975 г. были списаны как «непрофильные», а также «пришедшие в негодность» – 300 ед. хр., из них 135 предметов из довоенного фонда музея крымских татар¹⁰⁶. В этой связи следует напомнить, что главной задачей музеев является сохранность и изучение предметов хранения.

Итак, потери составили 1461 единицу хранения. Всего вместе с переданным книжным фондом (440 экз.) 1901 предмет, в том числе потери от немецкой оккупации – 283 экспоната (21 декабря 2009 года возвращено КРУ БИКЗ 68 предметов австрийским правительством).

Таким образом, после ликвидации крымско-татарского музея в 1944 г. общие потери (утраты и передачи в другие музеи) составили около 2000 экспонатов. Данные по предметам археологии из довоенных археологических экспедиций в фондах БИКЗ отсутствуют.

Такова печальная история первого национального музея крымских татар и его коллекции.

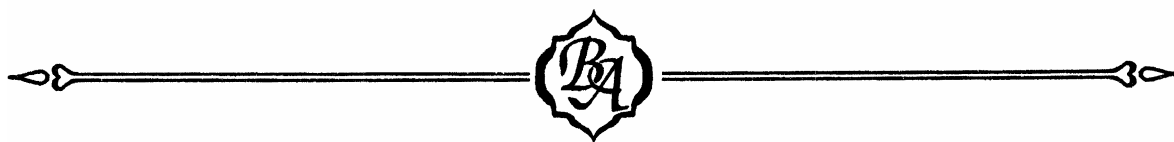
24 апреля 1996 г., в соответствии с приказом №89 Министерства культуры Автономной Республики Крым, на базе музея Ханского дворца при Бахчисарайском Государственном историко-культурном заповеднике был создан Музей истории и культуры крымских татар.

По своему замыслу вновь созданный крымско-татарский музей должен был стать продолжателем той научной музейной работы, которую в свое время успешно решал первый национальный музей крымских татар под руководством его создателя Усеина Абдуретиевича Боданинского.

* По акту – 626 экспонатов, но в отчетах М. Кустовой указано 605 ед. Принцип отбора в «этнографический склад» не вполне понятен, так как другие предметы этнографии крымских татар были записаны во вновь созданные Книги поступлений. «Этнографический склад» исчез – никаких сведений о его судьбе в фондах КРУ БИКЗ не имеется.

** Есть предположение, что экспонаты были расхищены местным населением сразу после депортации крымских татар. Расследование в то время по данному факту не производилось.

*** В это число не входит книжный и археологический фонд.

Даже сегодня, когда большей части коллекции крымско-татарского музея уже не существует, представленные экспонаты в экспозициях исторического и этнографического отделов Музея истории и культуры крымских татар наглядно показывают, насколько изысканна и богата была эта культура, ради изучения которой У. Боданинский отдал свою жизнь.

Список сокращений

ВЦИК — Всероссийский Центральный исполнительный комитет

ОХРИС — Комитета по делам музеев и охраны памятников искусства, старины, народного быта и природы

СНК, Совнарком — Совет Народных комиссаров

Кр. ЦИК — Крымский Центральный исполнительный комитет

НКП, Наркомпрос — Народный комиссариат просвещения

Наркомат — Народный комиссариат

ГААРК — Государственный архив Автономной Республики Крым

Примечания

¹ Разгон А.М. Этнографические музеи в России (1861–1917 гг.) // Очерки истории музейного дела в России. Вып. III. Москва, 1961. С. 231–268.

² Рославцева Л.И. Одежда крымских татар конца XVIII — начала XX в.: историко-этнографическое исследование. М., 2000. С. 10–11.

³ Миллер В.Ф. Систематическое описание коллекций Дашковского этнографического музея. Вып. I. М., 1887. С. 78–83.

⁴ Учреждение, состав и действия общества // ЗООИД. 1844. Т. 1. С. 571.

⁵ Там же. С. 571–573.

⁶ Протокол заседания ТУАК от 24 января 1887 г. // ИТУАК. 1897. № 1. С. 10; Протокол заседания ТУАК 30 мая 1886 г. // ИТУАК. 1897. № 1. С. 20.

⁷ Протоколы заседаний ТУАК от 17 ноября 1917 года // ИТУАК. 1919. № 56. С. 348.

⁸ Протоколы заседания ТУАК от 20 апреля 1898 года // ИТУАК. 1899. № 29. С. 85; Празднование 25-летия существования ТУАК. Торжественное заседание от 24 января 1912 года // ИТУАК. 1912. № 48. С. 274.

⁹ Домбровский Ф. Дворец крымских ханов в Бахчисарае. Симферополь, 1863. С. 12.

¹⁰ Государственный архив Автономной Республики Крым (ГААРК). Ф. 26. Оп. 1. Д. 500. Л. 2.

¹¹ Гернгросс В. Ханский дворец в Бахчисарае. СПб., 1912. С. 19.

¹² ГААРК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 500. Л. 88–91об.

¹³ Там же.

¹⁴ Берг Н.В. Бахчисарай: Отрывок из походных заметок // Библиотека для чтения. 1857. Янв., т. 141, отд. 1. С. 26.

¹⁵ Маркевич А. К истории ханского бахчисарайского дворца // ИТУАК. 1895. № 23. С. 130–176.

¹⁶ Гернгросс В. Указ. соч. С. 28; Кондаков Н.П. Искусство и Художественная Промышленность. 1899. № 6.

¹⁷ Хливнюк А.В. Незвестные страницы памятникоохранительной работы в Крыму в 20-е — начале 30-х годов XX в. // Историческое наследие Крыма. № 17, 2007. С. 13.

¹⁸ Празднование 25-летия существования ТУАК. С. 274.

¹⁹ Фонды КРУ БИКЗ. Н/В 10320. Книга поступлений «Музей I». С. 17–18.

²⁰ Там же. Козлов В.Ф. Директор музея. Машинописная рукопись, л. 6–7.

²¹ Более подробно о жизни У. Боданинского см.: Мусаева У.К. Народный учитель: Документальный очерк деятельности выдающегося крымско-татарского просветителя Усеина Боданинского. Симферополь, 2007.

²² Фонды КРУ БИКЗ. КП 9567-388. Докладная записка и отчет о положении дворца-музея в г. Бахчисарае за 1917–1919 гг. Л. 2–4.

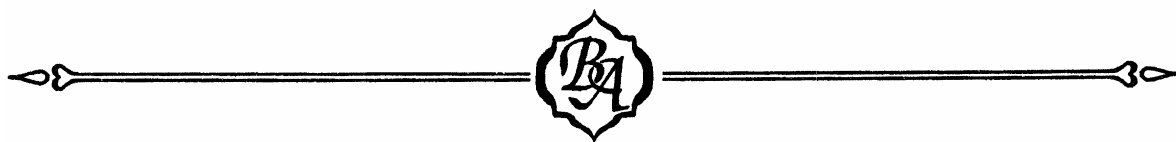
²³ Там же.

²⁴ Ефимов А.В. Малоизвестные материалы по истории Бахчисарайского музея // Проблемы истории и археологии Крыма. Сб. науч. трудов БГИКЗ. Симферополь, 1994. С. 214–223.

²⁵ Там же. С. 220.

²⁶ Фонды КРУ БИКЗ. КП 10945-412. Заявление Таврическому губернатору, 1920 г.

²⁷ ГААРК. Ф. Р-2235. Оп.1. Д. 26. Л. 1–2.

- ²⁸ Там же. Л. 3; Фонды КРУ БИКЗ. КП 9519 - Д 378. Копия приказа о назначении У. Боданинского, 1917 г.
- ²⁹ *Ефимов А.В.* Указ соч. С. 223.
- ³⁰ Фонды КРУ БИКЗ. КП 9567-388. Докладная записка ... Л. 9-11.
- ³¹ ГААРК. Ф. Р-998. Оп. 1. Д. 186. Л. 9.
- ³² Фонды КРУ БИКЗ. Н/В 10259. Опись инвентаря Художественно-исторического музея-дворца в г. Бахчисарае в 1917 г.
- ³³ Там же. КП 10945-412. Заявление Таврическому губернатору, 1920 г. С. 3.
- ³⁴ *Мусаева У.К.* Указ. соч. С. 24.
- ³⁵ Фонды КРУ БИКЗ. КП 9567-388. Докладная записка ... Л. 5.
- ³⁶ Там же. Л. 4-5.
- ³⁷ Там же. Л. 8.
- ³⁸ ГААРК. Ф. Р-2235. Оп. 1. Д. 26. Л. 1-2.
- ³⁹ Там же. Л. 10-11.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ Фонды КРУ БИКЗ. КП 9574-390. Приказ о временном назначении У. Боданинского заведующим дворцом-музеем. 1919 г.
- ⁴² ГААРК. Ф. Р-2235. Оп. 1. Д. 26. Л. 4.
- ⁴³ Там же. Л. 14.
- ⁴⁴ Там же. Л. 5.
- ⁴⁵ Там же; Фонды КРУ БИКЗ. КП 10945-412. Заявление Таврическому губернатору, 1920 г.
- ⁴⁶ ГААРК. Ф. Р-2235. Оп. 1. Д. 26. Л. 14-15.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ Там же. Л. 21.
- ⁵⁰ Фонды КРУ БИКЗ. КП 10945-412. Заявление Таврическому губернатору, 1920 г.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² Там же.
- ⁵³ Фонды КРУ БИКЗ. КП 10946-413. Рукопись приказа Крымского Ревкома, 1921 г.
- ⁵⁴ *Зарубин В.Г.* Голод в Крыму в 1921-1923 гг. (по сводкам ЧК/ГПУ) // Историческое наследие Крыма. № 2. 2003.
- ⁵⁵ Фонды КРУ БИКЗ. КП 10941-408. Л. 1. Отчет музея, 1922 г.
- ⁵⁶ Там же.
- ⁵⁷ Там же.
- ⁵⁸ Там же.
- ⁵⁹ ГААРК. Р-652. Оп.1. Д. 116. Л. 2.
- ⁶⁰ Фонды КРУ БИКЗ. КП 9518-377. Письмо из Британского музея; Там же. КП 9517-376. Письмо посла Японии У. Боданинскому.
- ⁶¹ ГААРК. Р-652. Оп. 1. Д. 812. Л. 368.
- ⁶² Фонды КРУ БИКЗ. Н/В 10306. Инвентарная книга Бахчисарайского Дворца-музея, часть 2-я с № 1226 -го.
- ⁶³ Там же. Н/В 10320; Н/В 10319. Книги поступлений 1924-1929 гг.
- ⁶⁴ Указатель рукописных и старопечатных книг, переданных в 1976 г. из Бахчисарайского историко-археологического музея в Государственную Публичную библиотеку им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Составление, вступительная статья, комментарии Н.Р. Акбдильваапа. Симферополь, 2007. С. 48.
- ⁶⁵ *Мусаева У.К.* Указ. соч. С. 79.
- ⁶⁶ Фонды КРУ БИКЗ. Н/В 10320. Книга поступлений «Музей I». № 539. Л. 23.
- ⁶⁷ Там же. С.19-24.
- ⁶⁸ Там же. Н/В 10308. Инвентарная книга Бахчисарайского Дворца-музея. Часть 1-я. № 1-1225. № 617. С. 129.
- ⁶⁹ Там же. № 600. С. 126.
- ⁷⁰ Там же. Н/В 10320. Книга поступлений №1. С. 26.
- ⁷¹ Там же. Фотопластинки (негативы) из фондов.
- ⁷² Там же. Негатив № 1213. План экспозиции Бахчисарайского Дворца-музея.
- ⁷³ Там же. КП 10944-411. Экскурсионный план музея, 1926 г.
- ⁷⁴ Там же. КП 9569-386. Дневник У. Боданинского за 1923-1924 гг. С. 2-3.
- ⁷⁵ *Полканов А.* Крымохрис и Крымская культура // Педагогическая жизнь Крыма. № 1-2, январь-февраль. 1925 г. С. 73-74.
- ⁷⁶ Фонды КРУ БИКЗ. Дневник У. Боданинского за 1923-1924 гг. С. 126-128.; КП 9522-381. Дневник ... С. 178-182, 185-190.
- ⁷⁷ Там же. КП 9569-386; КП 9522-381; КП 9521-380.
- ⁷⁸ ГААРК. Р-652. Оп. 1. Д. 812. Л. 366.
- ⁷⁹ Фонды КРУ БИКЗ. КП 9569-386. Дневник... С. 80-81.
- ⁸⁰ Там же. КП 10740-405. Дневник этнографической экспедиции 1925 г.
- ⁸¹ Там же. КП 9572-383. Рукопись «Археологическое и этнографическое изучение татар в Крыму», ч. I. С. 11.
- ⁸² Там же. С. 16-17.
- ⁸³ Археологическое и этнографическое изучение татар в Крыму // Гос. дворец-музей татарской культуры в Бахчисарае. Симферополь, 1930.

⁸⁴ Разгон А.М. К вопросу об изучении истории музейного дела // Очерки истории музейного дела в СССР. Вып. VII. Москва, 1971. С. 28.

⁸⁵ Боданинский У.А. Черкес-Керменское укрепление «Кыз-Кулле» по разведкам 1933 г. // Материалы Эски-Керменской экспедиции 1931–1933 гг. М.–Л., 1935 г. С. 81–87.

⁸⁶ Фонды КРУ БИКЗ. КП 10944–411. Экскурсионный план музея, 1926 г.

⁸⁷ Советский музей. М., 1931. № 1. С. 3.

⁸⁸ Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917–1991). СПб., 2003.

⁸⁹ Фонды КРУ БИКЗ. КП 920-Д.379. Производственный план Государственного Дворца-музея в г. Бахчисарае на 1934 г. С. 11–12.

⁹⁰ Там же. Н/В 10304. Книга приказов Бахчисарайского Дворца-музея №2. С. 39.

⁹¹ Там же. КП 920-Д.379. Производственный план ... С. 12.

⁹² Там же. Н/В 10304. Книга приказов... С. 39–40.

⁹³ Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов, эл. версия: <http://memory.pvost.org/pages/sheih-zade.html>.

⁹⁴ Желтухина О.А. Последние годы жизни У.А. Боданинского в Бахчисарае // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 2008. С. 360–361.

⁹⁵ Урсу Д.П. Очерки истории и культуры крымско-татарского народа (1921–1941). Симферополь, 1999. С. 64

⁹⁶ Деятели крымско-татарской культуры (1921–1944 гг.). Биобиблиографический словарь. Симферополь, 1999.

⁹⁷ Фонды КРУ БИКЗ. НВ 11398. Дела музея за 1945–1953 гг. Л. 97.

⁹⁸ Там же. НВ 10306. Инвентарная книга Бахчисарайского Дворца-музея, часть 2-я.

⁹⁹ Там же. Дела музея за 1945–1953 гг. Л. 71–74.

¹⁰⁰ Там же. Л. 20–29.

¹⁰¹ Там же. Л. 49–70.

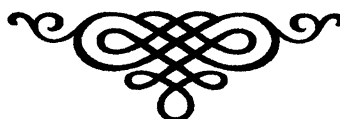
¹⁰² Там же. Л. 12–18.

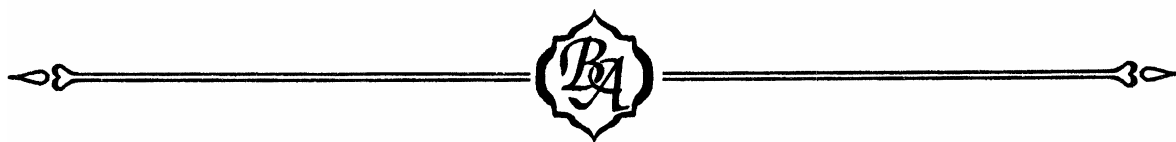
¹⁰³ Там же. Л. 19.

¹⁰⁴ Там же. Л. 77–78.

¹⁰⁵ Там же. Приказы Министерства Культуры УССР: Пр. МК УССР № 1777 от 26.10.1955 г.; Пр. МК УССР № 85-р от 26.05.1958 г.; Пр. МК УССР № 178 от 26.10.1959 г.; Пр. МК УССР № 155-6 от 16.07.1964 г.; Пр. МК УССР № 135-Р от 15.06.1965 г.; Пр. МК УССР № 19 от 27.01.1966 г.; Пр. МК УССР № 165 от 20.05.1967 г.; Пр. МК УССР № 251 от 31.06.1974 г.; Пр. МК УССР № 77 от 25.01.1985 г.

¹⁰⁶ Там же. Акты на списание: Акт на вилучення від 31.03.1975 р.; Акт № 2.

В.Э. Молодяков, В.А. Росов

**«АНТИКОМИНТЕРНОВСКИЙ ПАКТ»
СИБИРСКИХ ОБЛАСТНИКОВ С ЯПОНСКИМИ ДЕПУТАТАМИ
(1925 г.)**

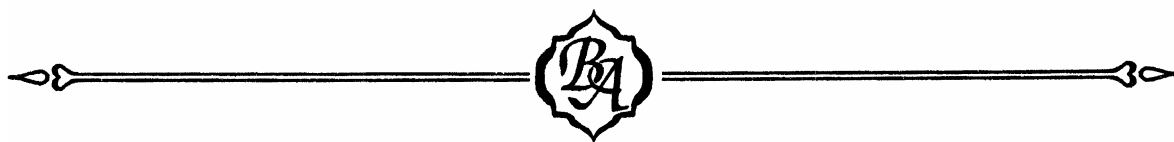
В бумагах бывшего министра финансов последнего «белого» правительства во Владивостоке, а впоследствии видного деятеля сибирского «движения областников» в эмиграции Валериана Ивановича Моравского (1884–1942), хранящихся в архиве Гуверовского института, имеется примечательный документ, до сих пор не опубликованный и не введенный в научный оборот. Это – секретный договор между Советом Уполномоченных организаций Автономной Сибири (далее СУОАС) и группой депутатов нижней палаты японского парламента, датированный мартом 1925 г. Он представляет собой второй или третий экземпляр весьма небрежно сделанной машинописи на русском языке, без каких-либо подписей и печатей. Однако его содержание настолько необычно, что договор заслуживает публикации в полном объеме, с сохранением особенностей орфографии и пунктуации оригинала и в сопровождении необходимого исторического комментария.

Где находятся подписанные экземпляры документа и его японский текст, если таковые вообще существовали, нам не известно. Сам факт возможности секретного соглашения между некоей эмигрантской организацией, с одной стороны, и группой неназванных поименно членов японского парламента, с другой, вызывает сильнейшие сомнения, особенно с учетом указания на то, что «руководящим текстом сторонами почитается русский». Если бы договор был тогда же опубликован советской печатью, его легко было бы объявить «фальшивкой» или «большевистской провокацией», призванной дискредитировать сибирских областников, «продающих родину японским империалистам». Однако он не только не был об-

народован, но и сохранился в бумагах человека, стоявшего в самом центре областнического движения.

Со стороны сибиряков договор должен был подписать представитель СУОАС в Японии, а председатель Союза – ратифицировать его своей подписью. В то время СУОАС возглавляли бывший министр иностранных дел Временного Сибирского правительства Мстислав Петрович Головачев (1893–1956) и деятель кооперативного движения, политик-эсер Анатолий Васильевич Сазонов (1861–1927). Но основным, если не единственным, автором документа вполне можно считать Георгия Ивановича Черткова (1893–1983), подполковника Белой армии, который активно позиционировал себя в качестве «главы» русской политической эмиграции в Японии. Личность и деятельность этого человека заслуживают более пристального внимания.

Знавший Сазонова по Гражданской войне, Чертков в октябре 1922 г. вошел в состав Сибирского правительства, сформированного областниками накануне эвакуации из Владивостока остатков Русской армии и мирного населения. Георгий Иванович обосновался в Токио, где создал «Информационное бюро», выпускавшее еженедельный бюллетень «Син Тоа цусин» («Вестник новой Восточной Азии») на японском языке. Позднее он стал токийским корреспондентом выходивших в Китае русских газет «Заря», «Наша Заря», «Шанхайская Заря», «Харбинское время» и журнала «Рубеж», уделяя основное внимание жизни и деятельности соотечественников. В 1930 г. Чертков выступил инициатором создания Русского национального общества эмигрантов в Японии и стал его председателем, что позволяло

ему заявлять о себе как о фактическом главе русской колонии. Энергичный, предприимчивый и честолюбивый, он не упускал ни одной возможности подчеркнуть свой политический «вес», который на деле едва ли мог оставаться весьма значительным.

Составленный Чертковым «договор» был подготовлен через полтора-два месяца после того, как 20 января 1925 г. в Пекине советский полпред Лев Карахан и японский посланник Ёсидзава Кэнкити подписали Конвенцию об основных принципах взаимоотношений между Японией и СССР (она известна также как «Базовая», или «Пекинская», конвенция). Публикуемый документ необходимо рассматривать именно в контексте данного события.

Пятая статья Пекинской конвенции, имеющая непосредственное отношение к нашей теме, гласила: «Высокие Договаривающиеся Стороны торжественно подтверждают свое желание и намерение жить в мире и дружбе друг с другом, добросовестно уважать несомненное право каждого государства устраивать собственную жизнь в пределах своей же юрисдикции по своему собственному желанию, воздерживаться и удерживать всех лиц на их правительственной службе и все организации, получающие от них какую-либо финансовую помощь, от всякого открытого или скрытого действия, могущего каким бы то ни было образом угрожать порядку или безопасности какой-либо части территории Союза Советских Социалистических Республик или Японии.

Условлено далее, что ни одна из Высоких Договаривающихся Сторон не будет разрешать присутствия на территории, находящейся под ее юрисдикцией:

а) организаций или групп, претендующих быть правительством какой-либо части территории другой Стороны, или

б) чужеземных подданных или граждан, относительно которых было бы обнаружено, что они фактически ведут политическую работу для этих организаций или групп».

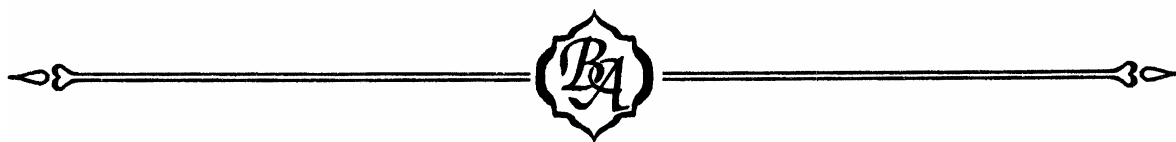
Первый абзац статьи отражал пожелания Японии, хотевшей иметь хотя бы фор-

мальные гарантии против действий Коминтерна на своей территории под «крышей» советских учреждений. Второй абзац – пожелания СССР, стремившегося получить политические гарантии, опять-таки хотя бы формальные, против возможности появления в Японии «сибирского», «приамурского» или «приморского» правительства в изгнании. Опасения Москвы были не напрасными, о чем свидетельствует деятельность сибирских областников. Она прямо нарушала Пекинскую конвенцию, ратифицированную 20 февраля 1925 г. ЦИК СССР и пять дней спустя – императором Японии по представлению Тайного совета.

Договор противоречил и японским законам. После заключения Пекинской конвенции МИД Японии официально обязал всех русских эмигрантов, пожелавших остаться на ее территории, отказаться от политической деятельности, гарантировав им взамен равные с другими иностранцами гражданские права и «невыдачу» Советам. Был здесь и второй смысл: эмигрантам отказали в праве на любую политическую активность, включая просоветскую и прокоммунистическую.

В японском парламенте, включая нижнюю палату, имелись противники признания «рабоче-крестьянской России», но их было немного. Большинство политиков, не испытывая ни малейших симпатий к большевикам и осознавая угрозу коммунистической пропаганды для самой Японии, тем не менее понимали важность и выгоду двусторонних экономических отношений. Поэтому очень трудно представить себе депутатов, не говоря уже о вице-председателе палаты, которые рискнули бы пойти на подобное соглашение с группой мало кому известных эмигрантов (все-таки это не Сазонов и не Керенский!) и тем более поставить под ним свои подписи.

Авторы настоящей статьи даже допускают, что документ мог быть составлен Чертковым для «внутреннего употребления», т.е. для придания руководству СУОАС и себе лично большего политического веса в эмигрантской среде, притом что

заявленная секретность соглашения исключала любую возможность публичных ссылок на него. В любом случае мы можем отнести договор к сфере «пиара», а не реальной политики, пока не появятся достоверные сведения, опровергающие такую трактовку.

Следует добавить, что договор в полной мере отражал прояпонскую ориентацию Черткова и Моравского, которые в середине 1920-х годов стали ближайшими союзниками в рядах областнического движения. После смерти Сазонова в 1927 г. они на пару возглавили одно из двух крыльев распавшегося СУОАС. Их дальнейшая деятельность выразилась в создании в 1929 г. организации «Хокумэйкай» («Общество северного света»), которая в русскоязычных источниках того времени также именуется «Сибирско-японским обществом». Но это уже тема отдельного исследования.

«Секретно»

ДОГОВОР
Совета Уполномоченных организаций
Автономной Сибири и членов нижней
палаты Японской Империи* о взаимном
содействии

Совет Уполномоченных организаций Автономной Сибири (в дальнейшем именуемый сокращенно – Совет Уполномоченных) с одной стороны, и с другой стороны (так! – *В.М., В.Р.*), обоюдно одушевленных убеждением в гибельности коммунизма для человечества вообще и для Сибири и Японской Империи в частности, по проверке предъявленных представителем Совета Уполномоченных в Японии Г.И. Чертковым полномочий, согласились по следующим статьям:

Статья 1-я.

Обе договаривающиеся стороны, со вступлением в силу настоящего договора, обязуются оказывать всеми мерами и средствами взаимное содействие:

а) в борьбе с коммунистической властью на территории Сибири в целях ее свержения и установления взамен ее правового государственного строя, на основах временной независимости Сибири и восстановления погрязших начал свободы, права и справедливости;

б) в недопущении распространения влияния коммунизма в Японской империи, колеблящего государственные основы страны и

в) в установлении дружеских государственных и экономических отношений освобожденной от коммунистической власти Сибири и Японской империи, на принципах сохранения суверенных и территориальных прав Сибири и Японской империи.

Статья 2-я.

Совет Уполномоченных, при всемерной поддержке японской парламентской и других групп, будет стремиться к скорейшему осуществлению поставленных им задач и при моральной и материальной помощи в кратчайший срок освободит территорию Русского Дальнего Востока и Сибири из-под власти большевиков, создав, до полного освобождения всей территории России от власти коммунистов, Сибирское независимое государственное образование, устраняющее непосредственное политическое, экономическое и территориальное соприкосновение Японии с С.С.С.Р. и препятствующее проникновению в Японию большевизма.

Статья 3-я.

Японская парламентская группа всеми мерами и средствами будет стремиться к незамедлительному признанию Японским Императорским Правительством Сибирского государственного образования на освобожденной от власти коммунистов территории и содействовать таковому, укрепляя с ним политическое содружество путем заключения оборонительно-военно-политического (так! – *В.М., В.Р.*) союза, а экономическое содружество – путем соответствующего интересам обеих сторон торгового договора и предоставления Японии прав наиболее благоприятствуемой державы.

* Так в рукописи.

Статья 4-я.

Обе договаривающиеся стороны вышеуказанными мероприятиями – в возможно скорейшем времени – при широком взаимном содействии будут стремиться к созданию на материке Азии достаточно мощное (так! – *В.М., В.Р.*) в политическом, военном и экономическом отношениях Сибирское Государственное Образование, дружественное к Японии и обеспечивающее ей безопасность тыла и снабжения необходимыми металлами, топливом и пищевыми продуктами в случае развития осложнений в Тихом Океане (так! – *В.М., В.Р.*).

Обе договаривающиеся стороны будут добиваться, чтобы Сибирское государственное образование, самодовлеющее во всех отношениях, – совместно с Японией и Китаем, – являлось прочным мостом для осуществления мощного национального союза в противовес политическим и экономическим союзам западной Европы и Америки, стремящимся достичь мировой гегемонии.

Статья 6-я.

Японская парламентская группа оказывает всемерное содействие в работе Совета Уполномоченных по осуществлению вышеуказанных мероприятий предоставлением ему моральной и всякого рода материальной помощи, содействуя, в первую очередь, в получении Советом Уполномоченных русских ценностей в Японии, в виде денег, военных грузов и прочего, как и в предоставлении ему займов независимо от первого.

Статья 7-я.

Совет Уполномоченных, а впоследствии Сибирское Правительство будет стремиться предоставить Японии возможность использования необходимых для жизни и экономического развития Японии естественных богатств на Сибирской территории – как находящихся на поверхности и в недрах земли, так и в территориальных ее водах, – на концессионных началах.

Статья 8-я.

Настоящий договор подлежит ратификации Совета Уполномоченных в возможно срочном порядке надписью на нем председателя Совета Уполномоченных, после чего таковой вступает в силу.

Договор составлен в двух экземплярах на русском и японском языках, причем руководящим текстом сторонами почитается русский.

Япония, город Токио, 1925 г. марта « » или 14 года Тайсио третьего месяца « »

Представитель Совета Уполномоченных организаций Автономной Сибири в Японии

Подпись

В[ице]-председатель Нижней Палаты

/Печать/ Подпись

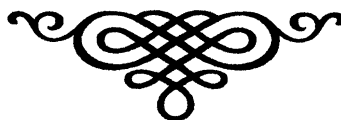
Члены Парламента:

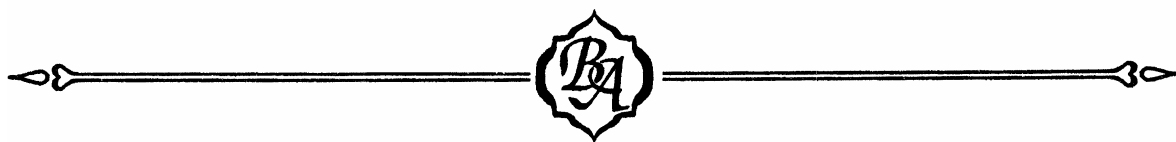
/Печать/ Подпись

/Печать/ Подпись

/Печать/ Подпись».

Hoover Institution on War, Revolution and Peace, Stanford, USA, box 4, folder 58

В.В. Беляков

НА СЛУЖБЕ ЕГИПЕТСКОГО КОРОЛЯ

Из воспоминаний Анатолия Маркова

(Окончание)

В предыдущем номере «Восточного архива» были опубликованы выдержки из воспоминаний русского эмигранта Анатолия Львовича Маркова (9.1.1894, Курская губерния – 10.8.1961, Сан-Франциско)*. Автор воспоминаний относился к тому небольшому числу русских эмигрантов, осевших после Гражданской войны в Египте, кто довольно быстро нашел постоянную и достойную работу и не испытывал материальных затруднений. В течение 30 лет Марков служил в так называемой англо-египетской полиции. Эти годы (1922–1952) в точности совпали со временем существования в Египте монархии. Выйдя в отставку в чине капитана незадолго до июльской революции 1952 года, покончившей с монархическим режимом, Марков занялся написанием мемуаров. Ту их часть, которая касается пребывания автора в Египте, он так и назвал – «На службе египетского короля». Она была опубликована в парижской эмигрантской газете «Русская мысль» в середине 1955 г.

Предлагаем вниманию читателя еще два раздела из мемуаров Анатолия Маркова, представляющих, на наш взгляд, несомненный интерес.

Почтовый голубь

Работа большевиков в Египте началась с 1922 года. Однако ввиду того, что египетское правительство долго не признавало советской власти в России, деятельность эта ограничивалась посылкой из Москвы тайных агентов и организацией коммунистических ячеек в Каире и Александрии, что было из-за дальности расстояния и редкости сообщений весьма затруднительно. Мешали успеху советской пропаганды и чисто местные условия: коммунистов-египтян еще не было¹, иностранные же агенты, в особенности европейцы, были в Египте для Москвы совершенно бесполезны, так как могли работать только в европейской среде, в двух-трех городах. В среду же египетских крестьян или рабочих им доступ был закрыт.

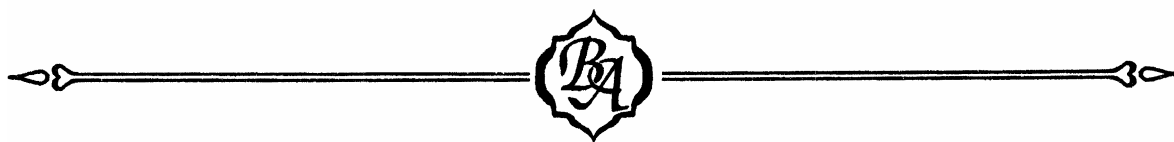
В силу сложившихся в Египте взаимоотношений европейцы и арабы здесь представляли собой две совершенно чуждые

друг другу группы, если не враждебные, то с большим недоверием одна к другой относившиеся. Агитаторы-европейцы были поэтому совершенно немыслимы в туземных кварталах города, уж не говоря о провинции, где иностранцы жили как исключение, и всякое появление нового чужестранца стало бы немедленно известно властям.

Убедившись в этом положении вещей, Москва в 1925 г. поставила себе целью добиться допуска в Египет ее представительства под любым предлогом, дабы начать пропагандную работу с местными людьми, которых можно было купить. Москве помог в этом намерении египетский хлопок.

Этот продукт страны фараонов в двадцатых годах был альфой и омегой египетской торговли и существования, и когда в 1926 г. на рынке был создан хлопковый кризис благодаря увеличению хлопковой культуры в английском Судане, цены на него резко пали. Желая пойти на помощь феллахам, которым угрожала нищета, правительство закупило весь урожай двух лет в свои склады, рассчитывая продать его, когда цены поднимутся. Однако этого не случилось,

* Беляков В.В. На службе египетского короля. Из воспоминаний Анатолия Маркова // Восточный архив, 2011, № 1(23), с. 68–78.

и купленный хлопок тяжело давил на рынок и государственный бюджет.

В этот критический для Египта момент на сцену выступила Москва, предложившая египетскому правительству купить у него весь хлопок, но при обязательном условии допуска в Египет советской «миссии» под видом хлопковых экспертов. В местной прессе на московские деньги была поднята соответствующая кампания. Появился целый ряд статей о том, что Москва намерена закупить астрономическое количество этого товара, но что Англия стоит камнем преткновения на пути египетского экономического благополучия, препятствуя ему в своих собственных интересах. Египетские парламентарии и все египтяне, власть имевшие и сплошь состоявшие из хлопководов, буквально потеряли голову от московских посулов и категорически потребовали от правительства принять советские условия. Кабинет, возглавлявшийся тогда бесталанным и болтливым адвокатом Наххасом-пашой², не мог с этим не согласиться и разрешил Москве прислать в Александрию ее «миссию».

Таковая прибыла в составе полдюжины членов, во главе с неким Алексеем Васильевым. Последний, уже пожилой человек, был лицом с большим партийным стажем, еще дореволюционным эмигрантом проживавшим в Швейцарии, где сошелся с самим Лениным. В партийной иерархии в Москве поэтому он занимал высокое положение, и его, как истинного партийца, постепенно перебрасывали с одного ответственного поста на другой. По принципу великого Ленина, что «всякая кухарка может управлять государством», Васильев побывал и на постах дипломатических, и в качестве директора всевозможных трестов, и на многих других постах. <...>

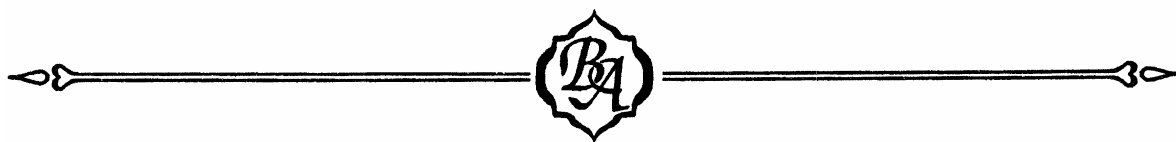
* * *

В феврале 1929 г. в Александрию на пополнение состава советской миссии, которая приняла название отделения «Текстильимпорта», приехал некий Гуго Рудольф, по паспорту латыш – советский подданный, в

качестве «эксперта» по хлопку, а в апреле того же года на имя председателя совета министров поступил рапорт некоего итальянца, специалиста по хлопку, работавшего в «Текстильимпорте» с начала его открытия, следующего содержания:

«Имея тридцатилетний опыт, я был приглашен русской делегацией в качестве эксперта. Они весьма ценили как мою опытность, так и знания. Так продолжалось вплоть до приезда некоего Гуго Рудольфа, не владеющего никаким языком, кроме русского. Этот господин, по приказу Москвы, был назначен на мое место, а я ему в помощники. Оказалось, что г. Рудольф не имеет никакого понятия о хлопке, им не занимается и не интересуется, а прислан в Александрию как политический агент. Должен довести до сведения правительства, что и остальные члены миссии во главе с г. Васильевым хлопком совершенно не занимаются и им не интересуются, предоставив эту заботу исключительно мне. Г. Васильев, директор местного бюро, совершенно не знаком с работой по хлопку и вообще со всякой другой коммерческой работой, а занят лишь приемом посетителей, с которыми ведет тайные переговоры и которым раздает большие суммы денег, как я убедился своими глазами. Эти расходы не имеют ничего общего с операциями “Текстильимпорта”. По моему скромному мнению, – заканчивал итальянец свое письмо, – все эти господа совершенно некомпетентны в том деле, для которого они сюда приехали, и потому, будучи коммунистами, они явились в Египет исключительно с целью пропаганды. Так как это не подлежит для меня никакому сомнению, то я, известив, как лояльный гражданин, правительство о всем вышеизложенном, сегодня же покидаю службу в “Текстильимпорте”».

Подобного свидетельства, как оно ни было интересно, было недостаточно, чтобы принять решительные меры против Васильева и его «Текстильимпорта», так как арест и высылка их из Александрии подняла бы целую бурю протеста со стороны хлопководов, заинтересованных продать свой хлопок

во что бы то ни стало. Поэтому политическая полиция, установив тщательную слежку за персоналом «Текстильимпорта», стала ждать более солидных доказательств политических действий Васильева и его сотрудников. Ждать пришлось недолго: помог случай, как это часто бывает в самых запутанных вопросах.

* * *

В Александрии, [в] центре города, находился один из полицейских участков квартала Лябан. Этот участок представлял собой трехэтажное массивное здание, в нижних этажах которого помещались полицейские учреждения, а в верхнем – школа и общежитие европейских констеблей. Утром однажды слуга, подметавший плоскую террасу общежития, нашел на ней мертвого голубя. Подняв трупик, он обнаружил под крылом целлулоидную трубочку со вложенной в нее бумажкой. Эта последняя при официальном рапорте была представлена в политический отдел губернатора.

На красной восковой бумажке были написаны четыре строки странными кубическими знаками, напоминавшими древнееврейские буквы. Переводчик, однако, заявил, что надпись не еврейская, и все местные специалисты-языковеды не могли установить язык, на котором она была написана.

Много дней подряд власти бились над разрешением этой загадки, пока мне не удалось найти к ней ключ. Я вспомнил, что в детстве отец подарил мне, как курьез, книжечку, в которой была напечатана на всех языках мира, а именно на 576-ти, евангельская фраза: «И Бог Отец так возлюбил мир, что послал в него своего Сына Единородного». Я помнил при этом, что брошюрка была издана Библейским международным обществом, отделение которого имелось в Александрии, как и во всех странах и городах на свете.

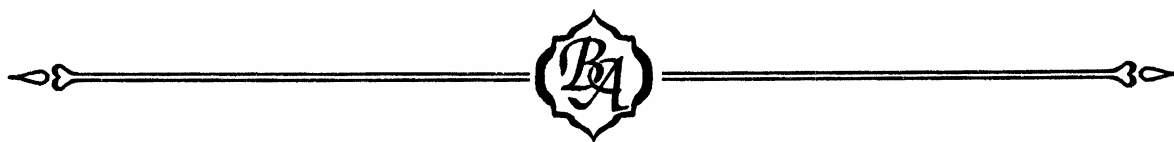
Брошюрка в нем нашлась, и на ней власти без труда установили, что записка была написана на... монгольском языке, а именно на диалекте «копу». Посланная для перевода в Британский музей в Лондон, она была

расшифрована и оказалась политическим заданием, посланным Васильеву с борта советского парохода с почтовым голубем. Голубь, как это часто бывает, умер от разрыва сердца, не долетев всего одного квартала до места назначения.

Таким образом, для властей не осталось сомнения, что Васильев, бывший несколько лет советским консулом в Западной Монголии и знавший монгольский язык, чего он и не скрывал, имеет в Египте не коммерческую, а политическую миссию. Через несколько дней полиция обнаружила и другие секреты деятельности «Текстильимпорта», которые заставили, наконец, египетское правительство принять в отношении советской миссии решительные меры, тем более что закупка хлопка Москвой к этому времени прекратилась³.

Арест советской миссии, не имевшей никаких дипломатических привилегий и потому не пользовавшейся дипломатической неприкосновенностью, произошел для нее совершенно неожиданно, что привело к тому, что власти захватили у членов миссии весьма интересные документы. Из них выяснилось, например, что как сам Васильев, так и Гуго Рудольф Пинес были резиденты иностранного отдела ГПУ. Пинес, кроме того, являлся родным братом Эдуарда Пинеса – резидента ГПУ на всем Ближнем Востоке, имевшего резиденцию в Константинополе.

В инструкциях, найденных у него – и зашифрованных – говорилось, что их роль должна была быть замаскирована торговыми целями, и они должны были приобрести путем взяток и подкупа себе сотрудников в среде египетских парламентариев и политических лидеров через посредство некоего адвоката Антуана Азиза, члена партии «Вафд» и депутата парламента (ныне умершего), который получал от Москвы регулярное жалование, будучи ее адвокатом и сторонником в парламенте, где он вел энергичную кампанию в пользу признания Египтом советского правительства. В документах были сведения и о подкупе министров и высших чиновников египетского пра-

вительства, которым было обещано процентное вознаграждение при покупке Москвой хлопка.

Имелось среди захваченных документов также известие, что Москва перевела в распоряжение советского полпреда в Турции 50000 фунтов для организации в арабской прессе и обществе кампании в пользу признания Египтом СССР.

Русская мысль, Париж, № 763, 18 мая 1955 г.

Жуткие дни

Роммель у ворот Александрии

24 октября 1954 г. маршал Монтгомери, прибывший для этого специально в Египет, в присутствии представителей всех союзных наций и представителей частей, принимавших участие в битве перед Александрией, торжественно открыл в Эль-Аламейне памятник убитым здесь героям.

Как известно, это памятное сражение послужило переломным моментом в истории войны, после которого началось отступление «африканского корпуса» Роммеля, окончившееся победой союзников.

Мне лично пришлось быть свидетелем этих трагических дней в Александрии, когда решалась судьба не только этого города и Египта, но и всей войны. В это время я занимал должность офицера связи между союзным командованием и египетским правительством, что дало мне возможность узнать и увидеть многое, о чем широкая публика до сих пор ничего не знает, и что, по прошествии стольких лет, я могу сообщить ныне читателям.

Помимо обязанностей вышеуказанной связи, я, в качестве полицейского офицера Александрии, ведал одновременно контролем всех увеселительных заведений города, что заставляло меня иметь постоянную связь с британской военной полицией, с помощью и содействием которой я был обязан поддерживать в означенных учреждениях порядок и приличие.

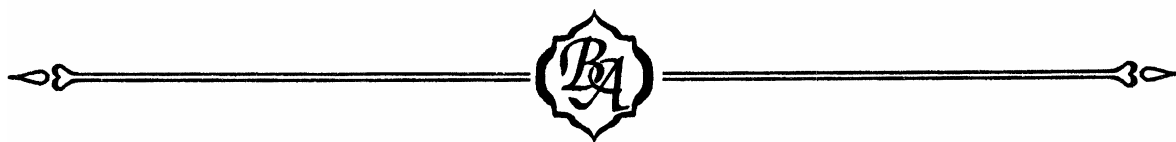
Три первых дня месяца июля 1942 года в военном отношении были наиболее критическими в судьбе Александрии. Английские войска неудержимо отступали под натиском немецких панцирных частей, и ночью 30 июня положение казалось безнадежным⁴. Глухой гул орудий, наполнявший тяжким грохотом бархатные египетские ночи, приблизился настолько, что были уже слышны выстрелы отдельных орудий. 1 июля стало известно, что противник занял Бург эль-Араб⁵, и разведка Роммеля на мотоциклах проникла уже в Икинг-Мариут, в 20 километрах от города.

В тот же день весь британский флот, стоявший в порту, вышел в море, забрав с собой плавучий док и все аппараты, сигнализовавшие появление немецких аэропланов и предупреждавшие население о налетах. К вечеру того же дня все союзные войска, стоявшие в городе и его окрестностях, были эвакуированы, причем на вокзалах английские солдаты вышли из подчинения офицеров и выкидывали из вагонов штатскую публику и союзных чинов, не имевших чести принадлежать к английской нации.

Эвакуация была настолько поспешна, что части беспорядочно побросали свои палатки и бараки со всем их содержимым, которое подверглось немедленному грабежу окрестных бедуинов. Уходя, англичане минировали порт Александрии и все мосты через канал⁶ и Нил, соединяющие Александрию с Каиром. Небольшие группы саперов были оставлены для того, чтобы все это взорвать при появлении противника.

* * *

Весь день 1 июля и следующее утро через город неслись большие и малые грузовики и частные машины с семьями эвакуированных англичан и европейцев. Одновременно начался массовый исход евреев по дороге к Суэцкому каналу. Мне лично английские власти также предложили эвакуироваться, но я решительно от этого отказался, очень хорошо зная английскую эвакуацию из Новороссийска и томительное заключение в беженских лагерях Телль аль-

Кебира среди египетской пустыни в качестве «гостя английского короля»⁷. К тому же я не мог оставить на произвол судьбы семью и полагал, что, будучи на службе нейтральной державы и белым русским, ничем особенным не рисковал, если немцы займут Египет.

Председатель египетского правительства пресловутый Наххас-паша утром 1 июля во время разговора по телефону с губернатором Александрии, неожиданно услышав по проводу гул пушек Роммеля, до того испугался, что тут же прервал разговор, приказав губернатору вместо всяких инструкций, о которых этот последний просил, «действовать по обстоятельствам»...

С этого момента всякая связь с Каиром прекратилась, и губернатор собрал совещание для обсуждения мер на случай занятия города немецкими войсками. Чтобы не вызывать излишней паники среди населения и не привлекать внимания германских агентов, совещание состоялось за городом, в одной из кабинок пляжа⁸. На нем, помимо губернатора, присутствовали: директор муниципалитета Александрии, начальник полиции и командующий египетским гарнизоном генерал Мухаммед Закки-паша. К чести этого последнего надо сказать, что он категорически заявил, что, несмотря на отступление англичан, он считает своим долгом защищать город до последнего своего солдата, хотя у него таковых под командой было всего несколько сотен, входивших в команды противозенитной артиллерии.

В 10 часов вечера, как обычно, я вышел в сопровождении трех констеблей на обход города, погруженного в густой мрак. Александрия, в которой не светилося ни одного окна, имела жуткий вид покинутого города. Стояла мертвая тишина, которую изредка нарушали шаги запоздавшего прохожего, и при свете ручного фонаря из мрака появлялся куда-то спешивший человек с чемоданом в руках.

Время от времени освещая себе путь узким лучом лампочки, мы добрались, наконец, до дверей первого кабаре. В большом зале, обычно заполненном толпой военных,

стоял полумрак. В углу, возле оркестра, толпились музыканты и бледные, под румянами, испуганные артистки, из группы которых слышались всхлипывания. Все эти бледные и донельзя перепуганные девицы были одеты, как всегда, в вечерние платья и, окружив меня, стали умолять разрешить им разойтись по домам, так как публики все равно не было ни одного человека. Сделать этого я, однако, не мог, так как получил приказ «во избежание паники» следить за тем, чтобы все увеселительные учреждения города работали так, как если бы ничего не случилось.

Растерянная администрация кабака, однако, заявила, что «программы» она начать не в состоянии, так как половина музыкантов не явилась, а кроме того многие артистки, будучи британскими подданными, были эвакуированы консульством еще вечером.

Ту же картину тревоги я застал и в других кабаре и мюзик-холлах; повсюду персонал, музыканты и артистки робко жались в кучу, не смея нарушать распоряжения властей и разойтись по домам.

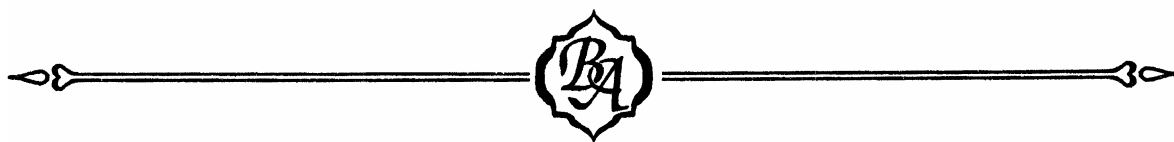
Веселую нотку в мрачное настроение этой ночи внес лишь один из дирижеров оркестра, веселый джаз-бандист Сёма К., одесский еврей по происхождению, которого я нашел, как и всегда, в прекрасном настроении.

— А вы что же, Сёма, — спросил я его с удивлением, — почему остались в Александрии? Ведь у вас же собственный автомобиль есть и вы одиноки, как перст?

— Я? — с удивлением ответил вопросом на вопрос Сёма. — Куда же это я поеду и чего ради?

— Но ведь вы же еврей, да еще из России! Разве вы не опасаетесь немцев?

— Знаете ли, господин капитан, что я вам скажу, — ответил мне этот смелый человек. — Я никогда ни в какие политики не путался, а честно делал мое дело. Что же касается перемены власти, так это не мое дело, пусть себе будут англичане, немцы, египтяне или хоть эфиопы, мне все равно или, как у нас в Одессе говорят: «Кто бы ни спал с моей мамой — он будет мне папа».

* * *

К полуночи вымерший город неожиданно ожил. По улицам закричали картавые английские голоса, кабаре и бары сразу наполнились солдатами какой-то только что прибывшей в город части в лихих ковбойских шляпах. Как оказалось, это была только что высадившаяся в порту прибывшая из Сиднея австралийская бригада – последний ресурс армии Монтгомери⁹, которая через два часа должна была быть брошена в бой¹⁰ как последняя надежда спасти положение, казавшееся совершенно безнадежным. Австралийцы знали, что их ждет, и по этому случаю напоследок развернулись во все тяжкие.

К двум часам утра, когда они погрузились на грузовики, половина баров города была разгромлена дотла, и все кассы их, из которых в ужасе бежали все кассиши, опустошены. Обломки мебели, зеркал и битую посуду наутро выметали добрые два часа. Унимать разошедшихся вояк было некому: военная полиция сбежала еще утром, а австралийские офицеры, засевшие в лучшем кабаке, посылали жалобщиков к черту и ни на что не реагировали.

К рассвету, вернувшись домой, я вышел на балкон, выходивший в сторону пустыни. Над горизонтом стояло сплошное, колеблющееся зарево артиллерийского огня и несся тяжелый гул канонады, от которого звенели стекла и дрожал остов семизэтажного железобетонного дома... Полный тревоги и беспокойства, я прилег одетый, чтобы вскочить через час от грохота взрыва где-то совсем близко. Светало, и над головой нарастал гул пикирующего самолета. Немец, сбросив три бомбы, улетел, но ни одно орудие противозенитной артиллерии не выстрелило и не проводило его выстрелом. Кругом стояло мертвое молчание. К моему удивлению, я вдруг заметил, что больше не было слышно гула пушек, к которому так привыкло ухо, что производило страшное впечатление.

Полный радужных надежд, я бросился в штаб военной полиции, где от серых от утомления дежурных телефонистов узнал, что австралийская бригада, проводившая пья-

ную ночь в городе, прямо с грузовиков пошла в бой в самую критическую минуту сражения, и при ее помощи войска Монтгомери отразили на рассвете немецкую атаку, и Роммель отступил от Эль-Аламейна, заваленного горами трупов.

К вечеру в Александрию стали возвращаться тыловые английские части и штабы, удравшие в Порт-Саид, и город постепенно опять принял свой обычный вид военного лагеря.

Прошло 12 лет, и ныне пустыня вокруг того места, где решалась судьба войны, стала опять безмолвной. Но вокруг Эль-Аламейна вырос город бесконечных кладбищ из белых крестов¹¹, памятников всем тем, кто положил свою душу «за лучшую жизнь». На многие десятки километров в песках еще догнивают и ржавеют остатки танков, самолетов и поломанного, исковерканного оружия. Неосторожного путника в этих местах до сих пор караулят невидимые мины, заложенные во время наступления немцев, которые готовы каждую минуту взорваться и каждый год на них погибают то туристы, то бедуины, то ослы и верблюды¹².

Среди тысяч и тысяч крестов, покрывающих дали ливийской пустыни, немало есть и таких, на которых значатся русские имена¹³. Да будет им земля пухом на далекой чужбине!

Русская мысль, Париж, № 767, 1 июня 1955 г.

¹ Египетская компартия была образована летом 1922 г. и в том же году принята в Коминтерн. Весной 1924 г. были арестованы руководители партии, после чего она действовала уже в подполье.

² Мустафа Наххас (1879–1965) стал председателем буржуазной партии «Аль-Вафд» после смерти в сентябре 1927 г. ее основателя Саада Заглула; в марте 1928 г. впервые возглавил правительство Египта.

³ В 1928 г. СССР закупил в Египте 479 тыс. кантар хлопка (4-е место после Англии, Фран-

ции и США), в 1929 г. – 436 тыс. кантар (6-е место). См.: Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 05, оп. 10, п. 65, д. 90, л. 8.

⁴ Вечером 30 июня 1942 г. Роммель отдал приказ об очередном наступлении, надеясь прорвать оборону союзников у Эль-Аламейна, в 100 км к западу от Александрии. Бои продолжались пять дней, союзники выстояли. Подробнее см.: *Чмур, Стефан*. Эль-Аламейн. 1942. М., 2003, с. 94–98.

⁵ Бург эль-Араб расположен в 40 км к западу от Александрии, сообщение о его захвате было дезинформацией фашистов, рассчитанной на подрыв морального духа союзников.

⁶ Канал Махмудия соединяет Александрию с западным рукавом Нила.

⁷ Об эвакуации беженцев из Новороссийска и «русском лагере» в Телль аль-Кебуре см.: *Беляков В.В.* «К берегам священным Нила...» Русские в Египте. М., 2003, с. 136–152; И.Я. Билибин в Египте. 1920–1925. Письма, документы и материалы. М., 2008, с. 267–270; *Беляков В.В.* Гости английского короля. Воспоминания генерала Ф.П. Рерберга об эвакуации беженцев в Египет // *Восточный архив*, 2009, № 2(20), с. 79–84.

⁸ Площи Александрии оборудованы стоящими стена к стене, как наши гаражи, небольшими семейными помещениями-кабинами, где можно не только переодеться, но и отдохнуть.

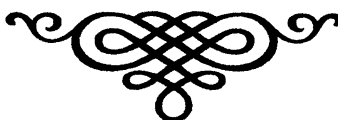
⁹ Неточность. 8-й британской армией командовал в это время генерал Окинлек, Монтгомери сменил его только 8 августа.

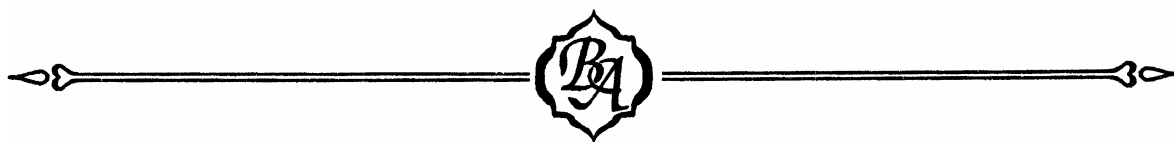
¹⁰ Речь идет, видимо, об австралийской 9-й пехотной дивизии, прибывшей в Египет в первых числах июля. В бой она вступила 10 июля. См.: *Чмур, Стефан*. Указ. соч., с. 99.

¹¹ На английском военном кладбище в Эль-Аламейне похоронены 7367 человек. В колоннаде-кенотафе выбиты еще 11945 имен тех, кто погиб в Северной Африке и чьи могилы не установлены. Недалеко от английского кладбища находится небольшое греческое кладбище, а западнее – мемориалы-кенотафы немецкой и итальянской армий. См.: *Беляков В.В.* Русский Египет. М., 2008, с. 294, 295.

¹² По данным египетской печати, в 2001 г. в районе военных действий времен Второй мировой войны все еще оставались заложеными около 22 млн мин.

¹³ В войсках союзников воевали несколько сот наших соотечественников-эмигрантов. Некоторые из них погибли. Подробнее см.: *Беляков Владимир*. Эль-Аламейн, или Русские солдаты в Северной Африке (1940–1945). М., 2010, с. 57–72, 180–185.

В.Г. Бухерт

У ИСТОКОВ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ АФРИКАНИСТИКИ

Неопубликованная лекция Г.А. Нерсесова

Среди ученых, активно участвовавших в становлении отечественной африканистики, был доктор исторических наук Георгий Александрович Нерсесов (1923–1982), ученик академика Е.В. Тарле¹. Своим коллегам по Институту Африки Академии наук СССР, где Г.А. Нерсесов работал старшим научным сотрудником, он запомнился как «энергичный, яркий и остроумный человек, не знающий компромиссов в науке и неизменно находящийся на наиболее сложных участках работы»². Они отмечали присущую ему «широту исторического кругозора», тщательность анализа исторических фактов, сочетающуюся с «глубиной их осмысления»³. Историкам он известен, прежде всего, как специалист в области внешней политики России на Ближнем Востоке и в Африке, как автор монографии «Дипломатическая история египетского кризиса 1881–1882 гг.» (М., 1979). В ней был рассмотрен «один из ключевых вопросов истории колониального раздела Африки», при этом книга стала одной из первых в отечественной африканистике, «где все исследование проведено по архивным материалам»⁴. Г.А. Нерсесов был соавтором «Новейшей истории Африки»⁵, одного из первых трудов подобного рода в мировой африканистике.

Близко знавшие Г.А. Нерсесова люди отмечали также, что он был «прекрасным пропагандистом научных знаний», увлекал других «своей привязанностью к африканской тематике». Он «умел и любил работать с молодёжью»⁶. Именно эта сторона творческой личности Г.А. Нерсесова ярко раскрывается в лекции «Первые русские африканисты», прочитанной им для комсомольцев Института Африки АН СССР 25 мая 1979 г. по случаю Дня Африки. Текст лекции, ранее не публиковавшийся, обнаружен в личном

фонде Г.А. Нерсесова (ф. 1797), хранящемся в Архиве Российской академии наук.

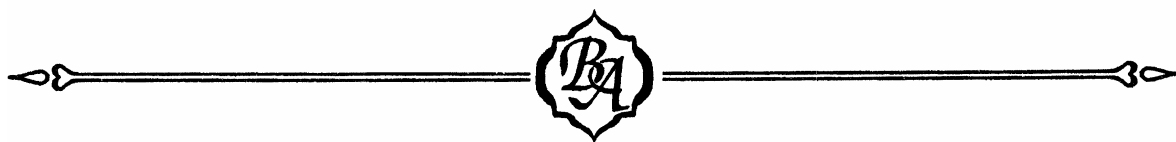
Г.А. Нерсесов

Первые русские африканисты

1. Научное изучение Африки в России началось в основном в XIX веке. Это был век великих географических открытий на «Черном материке» — век Ливингстона⁷, Стэнли⁸ и др[угих] знаменитых путешественников. Напомню, что до XIX в. европейцам были известны преимущественно прибрежные районы Африки. О ее внутренних территориях, об «африканской глубинке» в Европе знали еще очень мало, а то и не знали вовсе. Современная физико-географическая карта Африки, с которой вы познакомились на школьной скамье, составлена сравнительно недавно. Ей нет еще и 100 лет.

2. Итак, внутреннюю Африку европейские путешественники досконально изучили только в XIX в. И немалый вклад в «открытие Африки» внесли российские путешественники. Особенно это относится к северо-восточной части континента, к таким странам, как Судан, Эфиопия и сопредельные с ними районы.

Интерес именно к этому региону легко объясним. Прежде всего, это наиболее близкая к России часть африканского материка. К тому же и наиболее важная с точки зрения развития русского мореплавания и заморской торговли, а также в политическом и военно-стратегическом отношениях. Особенно возросло значение Северо-Вост[очной] Африки для России после открытия в 1869 г. Суэцкого канала, когда через Красное море стал проходить кратчайший морской путь из Европы в Южную Азию и на Дальний Восток (протяженность его сократилась в 3

раза). Но и раньше Россия поддерживала торговые и политические связи с Египтом, под властью которого с начала XIX в. находился Восточный Судан. Через Египет (Александрию и Синайский полуостров) пролегли маршруты русских паломников к святым местам в Палестине. Давние связи были у России и с единой Эфиопией – эфиопская монофизитская церковь, так же, как и коптская в Египте, близка к русской православной церкви.

Во второй половине XIX в., когда Эфиопия стала объектом экспансии западноевропейских держав, особенно Италии и Англии, Россия оказывала политическую поддержку Эфиопии. Не из-за общностей религий, конечно. А с целью помешать захвату этого важного в торговом и стратегическом отношении района могущественными европейскими державами, которые могли бы преградить России путь на Восток*. Учитывались также возможности развития торговли с Эфиопией и насаждения там русского влияния.

3. Вот так, коротко говоря, обстоит дело с причинами особого интереса России к странам Северо-Восточной Африки. Посмотрим теперь, какой вклад внесли русские путешественники в исследование этого региона – таких стран, как Судан и Эфиопия.

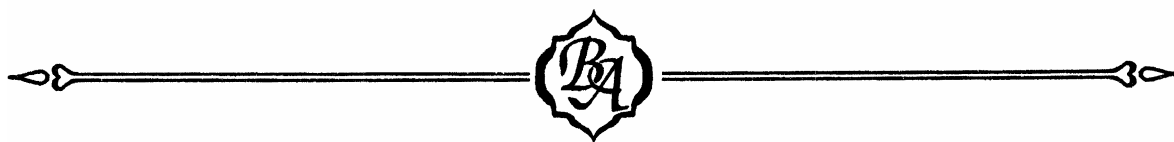
Уже в середине XIX в., в 1847–1848 гг. – в результате экспедиции Егора Петровича Ковалевского (1811–1868)⁹ – были впервые обследованы обширные территории по обе стороны суданско-эфиопской границы в бассейне р. Тумат – левого притока Голубого Нила (35° д[олготы] – 10° ш[ироты] – уровень Аддис-Абебы). «Маршруты русского исследователя, – пишут советские географы-африканисты Горнунг¹⁰ и Олейников¹¹, – позволили снять с карты (Африки) «белое пятно» в верховьях Тумата» (ИАР, с. 45–46¹²). (Но таких пятен осталось много. См. карту Ковалевского). Еще более значительны результаты 11-летнего (1875–1886) пребывания в Африке другого рус-

ского путешественника, Василия Васильевича Юнкера (1840–1892). Юнкер много сделал для изучения бассейна реки Собат (правый приток Белого Нила) и особенно верховьев Уэле. Собат протекает по территории Судана и Эфиопии, а Уэле берет начало в районе границы между Суданом, Угандой и Заиром и течет по северной части Заира. Таким образом, Юнкер вышел за пределы Северо-Восточной Африки и проник в Африку Центральную. Ему принадлежит почетное место среди первооткрывателей территорий, являющихся водоразделом великих африканских рек – Нила и Конго. До Юнкера была известна лишь небольшая часть гидрографической границы бассейнов Нила и Конго (я имею в виду открытия немецкого путешественника Швейнфурта¹³ в начале 70-х годов). После исследований Юнкера положение решительно изменилось. «По существу, – пишет советский географ Дмитриевский¹⁴, – водораздел Нил – Конго как географическое целое был открыт Юнкером»¹⁵.

Исследования еще одного крупного русского путешественника Александра Ксавьерьевича Булатовича (1870–1919) относятся к самому концу XIX в. (1896–1898 гг.). Они охватили преимущественно юго-западную часть Эфиопии – район, пролегающий между южными притоками Голубого Нила и озером Рудольфа. К числу наиболее значительных достижений Булатовича относится исследование течения главной реки Южной Эфиопии – Омо, которую он прошел от истоков до устья и впервые установил, что она впадает в оз. Рудольфа. Западнее р. Омо Булатович открыл огромный – простирающийся на несколько сот к[ило]м[етров] – горный массив. К сожалению, он назвал его не слишком удачно – хребтом имп[ератора] Николая II.

Булатович был также первым из европейцев, детально, как говорится, вдоль и поперек, изучившим территорию эфиопской (южн[ая] граница с Суданом) провинции Каффа (Кэфа). Он сумел картографировать этот район и дать его обстоятельную географическую характеристику.

* Далее зачеркнуто: «через Северо-Восточную Африку».

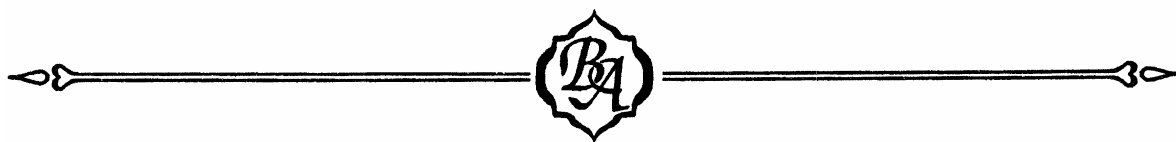
4. Это только наиболее крупные русские географические открытия в Африке. Было много других – средних и мелких. Не только в северо-восточной и центральной, но также в северной и западной частях континента (Шольц-Рогозинский¹⁶ в Камеруне). Однако дело не только в географических результатах исследований наших соотечественников. Очень важны также их этнографические и вообще общественно-научные материалы. В ходе этих и многих других русских путешествий были собраны ценные данные об этническом составе населения африканских стран, их хозяйстве, социальном и политическом строе, быте и нравах, языке, культуре, религии и т.д. Это первоклассный источник для многих поколений ученых – этнографов, социологов, лингвистов, историков. Хочу отметить, что на сведения русских путешественников мы опираемся не только тогда, когда хотим воссоздать жизнь африканских стран в XIX в., но и когда ведем речь о гораздо более раннем времени. Ведь этнографические и другие материалы XIX в. могут быть использованы и действительно используются для реконструкции отдаленных от нас исторических эпох, поскольку сведения о них, которыми мы располагаем, очень и очень ограничены.

5. Теперь несколько слов о том, что же представляли собой великие русские путешественники в Африку, кто они были и чем интересовались. Как вы прекрасно понимаете, экспедиция в Африку даже сейчас, при нынешних средствах сообщения, дело дорогостоящее. Тем более это было так 100–200 лет тому назад. Русские дореволюционные научные учреждения (такие, как Академия наук, Русское географическое об[щест]во, Московский, Петербургский и др. университеты) практически не располагали средствами для африканских экспедиций. Вот почему многие русские путешествия в Африку организовывались не столько по научной, сколько по государственной линии – с военными, дипломатическими и другими целями. В частности, значительный слой русских путешественников в Африку составляют флотские и армейские офицеры.

Так, например, первые русские самостоятельные описания стран Магриба – Туниса и Алжира, опубликованные еще в конце XVIII в.¹⁷, принадлежат морскому офицеру, в то время капитану второго ранга Матвею Григорьевичу Коковцеву (1745–1793). Он посетил Северную Африку по заданию морского ведомства – с целью изучения условий для плавания и стоянок судов в южной части Средиземного моря. Напомню, что это было во второй половине 1770-х годов, когда Россия после победоносной войны с Турцией 1768–1774 гг. стала пробиваться в ряды средиземноморских держав. В нашей литературе за Коковцевым закрепилось звание «первого русского африканиста», которое присвоил ему в своей статье о путешествиях Коковцева известный советский этнограф М.О. Косвен¹⁸. Пользуясь современными понятиями, мы назвали бы Коковцева разведчиком. В Тунис он прибыл в 1776 г. из Ливорно на торговом корабле и под видом коммерсанта. Правителю страны – бею – Коковцев представился как знатный русский путешественник, интересующийся развалинами Карфагена. Спустя год Коковцев появился в Алжире уже в другом качестве – в облике француза.

Но, конечно, не разведывательными данными ценны книги Коковцева и сохранившиеся после него архивные материалы. Они остались в истории науки как записки очевидца, со знанием и, главное, объективно и доброжелательно описавшего арабо-берберское население Алжира и Туниса. Подчеркиваю – объективно и доброжелательно. Ведь Россия не имела колониалистских целей в отношении Северной Африки, да и сам Коковцев был человеком широко образованным*, испытавшим известное влияние гуманистических идей, довольно широко

* Далее зачеркнуто: «лишенным шовинистических предрассудков. Он постоянно, я бы сказал, настойчиво отмечал, что хотя Северную Африку в Европе называют “Варварией”, ее население вовсе не варвары, а народ достаточно развитый, с богатой историей и самобытной культурой».

распространившихся в России в последней трети XVIII в. (вспомните Фонвизина¹⁹, Новикова²⁰ и др.).

Военными были и многие русские путешественники в Эфиопию, ездившие туда в качестве военных советников, с миссией Красного Креста, с дипломатическими и иными заданиями. Это и полковник Л.К. Артамонов²¹, и поручик Н.С. Леонтьев²², и уже знакомый нам корнет А.К. Булатович. Впрочем, Булатович, уже после своих самых знаменитых экспедиций в 1903 г., когда ему было всего 33 года, резко изменил свою судьбу. Ушел в отставку и в 1906 г. принял схиму под именем отца Антония. Это, однако, не помешало ему участвовать в первой мировой войне, но уже не в форме гусарского офицера, а в облачении священника отряда Красного Креста.

Очень интересно, на основе серьезных научных изысканий, описал жизнь и деятельность Булатовича советский востоковед И.С. Канцельсон²³ в книге «По неизведанным землям Эфиопии» (совм[естно] с Г. Тереховой, М., 1975) и во вступительной статье к сравнительно недавно вышедшему переизданию трудов Булатовича²⁴. К сожалению, само это переиздание сильно потеряло в научном отношении, т.к. работы Булатовича помещены в нем со значительными купюрами, а значит, не могут использоваться как источники в научном исследовании.

Другой тип русского путешественника в Африку являл собой Егор Петрович Ковалевский. По образованию горный инженер, он служил в Министерстве иностранных дел. В Судан Ковалевский был послан по просьбе правителя Египта знаменитого Мухаммеда Али (правил в 1805–1849 гг.)²⁵. Египетский паша нуждался в деньгах, и на Ковалевского была возложена задача отыскания золотых россыпей в Судане и организации добычи золота, что он и сделал, причем в довольно короткий срок. Говоря современными терминами, экспедиция во главе с Ковалевским ездила в Африку по линии ГКЭС²⁶.

Вообще же Ковалевский и в Африке и во время других своих путешествий успеш-

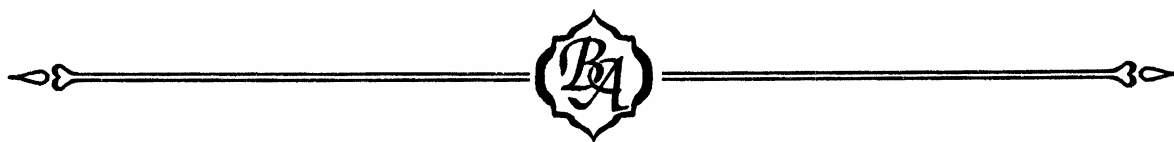
но проявил себя на ученом поприще. Он был избран сначала членом-корреспондентом, а затем почетным членом Академии наук. Человек прогрессивных взглядов, убежденный противник расизма, он заслужил уважение самых передовых людей своего времени, таких, например, как Николай Гаврилович Чернышевский²⁷. Когда готовилась знаменитая книга Ковалевского «Путешествие во внутреннюю Африку» (СПб., 1849) и в журналах стали появляться ее отдельные главы, Чернышевский писал, что Ковалевский понравился ему за то, что «так говорит о неграх; что они ровно ничем не хуже нас...» (ПСС, т. 1, с. 234).

Наконец можно назвать путешественников в Африку с чисто научными целями. Для этого им приходилось путешествовать в основном за свой собственный счёт. Такую возможность имел, в частности, В.В. Юнкер. Говоря о Юнкере, не могу не выразить сожаление, что его капитальный трехтомный труд «Путешествие по Африке», написанный и опубликованный на немецком языке (Doktor W. Junkers. Reisen in Africa. 1875–1886. Wien–Olmütz, 1889–1891), до сих пор не переведен полностью на русский язык. Вышло лишь сокращенное, однотомное издание в 1949 г.²⁸

Кстати, среди русских ученых, ездивших в Африку с сугубо научными целями, было немало естествоиспытателей – геологов, ботаников, зоологов и др. Здесь можно назвать плеяду ученых, некоторые из которых побывали в Африке уже в середине XIX в. – это участник экспедиции Ковалевского в Судан Л.С. Ценковский²⁹, член-корреспондент Академии наук Э.И. Эйхенвальд³⁰ и академик А.А. Штраух³¹ (они работали в Северной Африке), и ряд других видных* ученых.

6. Конечно, первые русские африканисты – это не только путешественники, но и кабинетные ученые, причем самого различного профиля. Оно и понятно. Ведь термин «африканистика», если его широко трактовать, включает в себя ряд по существу само-

* Далее зачеркнуто: «естествоиспытателей».

стоятельных наук, таких как арабистика (изучение арабского мира), египтология (изучение Древнего Египта) и др. И все же, прекрасно понимая, что речь идет об особых науках, имеющих свои научные задачи, развивающихся своим собственным путем, мы не можем упускать их из вида, когда говорим об изучении Африки. Тем более что русская дореволюционная египтология и арабистика достигли такого уровня, который снискал им подлинно мировое признание. Достаточно назвать, например, имя Владимира Семеновича Голенищева (1856–1847)³² – ученого универсально широких интересов, крупнейшего знатока египетского языка и древнеегипетской литературы, а также археолога и эпиграфиста. На счету Голенищева 60 научных экспедиций и поездок в Египет. Он собрал и привез на родину обширную коллекцию египетских древностей, которую вы можете теперь видеть в Музее изобразительных искусств на Волхонке. Особенно хочется отметить, что Голенищев вошел не только в историю отечественной, но и египетской науки. Он положил начало преподаванию египтологии в Каире, способствовал созданию местной египтологической школы. Об этом помнят ученые Египта, называющие Голенищева «пионером египтологии в Каирском университете»³³.

Интересно, что некоторые специалисты-египтологи внесли лепту в другие сферы изучения Африки. Возьмите, например, такого крупного учёного, как Оскар Эдуардович Лемм (1856–1918)³⁴. От египтологии он перешел к изучению коптов – древнего христианского населения Египта, точнее – к исследованию коптского языка и литературы. Он стал, по сути дела, создателем отечественной коптологии.

Или Борис Александрович Тураев (1868–1920)³⁵ – знаменитый историк-египтолог, академик, автор классического труда «История Древнего Востока»³⁶. Тураев принадлежал к числу лучших в мире знатоков религии и культуры Древнего Египта. Но он же плодотворно занимался и проблемами Эфиопии, завоевав себе репутацию очень

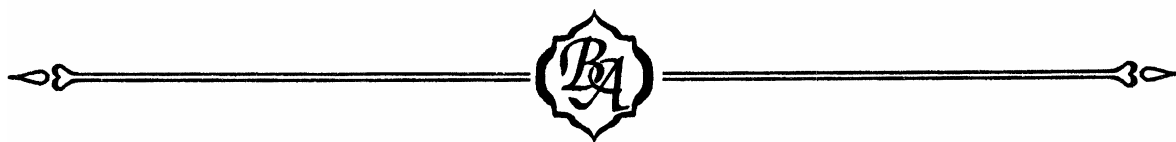
крупного эфиописта. Вот интересная деталь: магистерская диссертация Тураева касалась Древнего Египта. Она называлась «Бог Тот. Опыт исследования в области истории древнеегипетской культуры» (1898). А вот докторскую диссертацию он писал уже на эфиопскую тему, назвав ее «Исследования в области агиологических источников истории Эфиопии» (1902).

Вообще эфиопистика в России имеет давние традиции. Об этом стоит напомнить в связи с предстоящей вскоре Всесоюзной конференцией африканистов³⁷. Помимо материалов русских путешественников в Эфиопию и работ Тураева можно было бы назвать еще ряд трудов, относящихся к изучению языков и культуры Эфиопии, ее истории, особенно религиозной, что опять-таки связано с близостью двух церквей – монофизитской и русской православной. Известный русский ученый академик Б.А. Дорн³⁸ еще в 1829 г. ввел в Харьковском университете преподавание древнеефиопского языка – геэз. Вопросами церковной истории Эфиопии занимались епископ Порфирий (Успенский, 1804–1885)³⁹, которого Крачковский⁴⁰ назвал «знатоком христианского Востока» (Очерки по истории русской арабистики. М.–Л., 1950, с. 154)⁴¹, также член-корреспондент Академии наук Василий Васильевич Болотов (1853–1900)⁴² – выпускник, затем профессор Петербургской духовной академии⁴³. Как видите, и русское духовенство было причастно к африканистике.

Если Вы еще не забыли, то, говоря о научной деятельности Б.А. Тураева, я отмечал связи эфиопистики с египтологией⁴⁴. Личная персональная уния, если можно так сказать, и с арабистикой. Это особенно ярко видно, когда обращаешься к биографии корифея отечественной арабистики академика Игнатия Юлиановича Крачковского (1883–1951). Большая часть научной деятельности Крачковского относится к советскому времени. Но как ученый он начал формироваться еще до революции, причем сочетал араб-

* Далее зачеркнуто: «немало».

** Далее зачеркнуто: «Оказывается, что».

ские штудии с занятиями Эфиопией. На прище эфиопистики Крачковский был учеником Тураева. И занятия с ним не прошли для молодого ученого бесследно. Он занимался, например, изучением эфиопской географической литературы, а также арабо-эфиопских связей. Позднее, уже в советское время, Крачковский написал большую работу «Введение в эфиопскую филологию»⁴⁴.

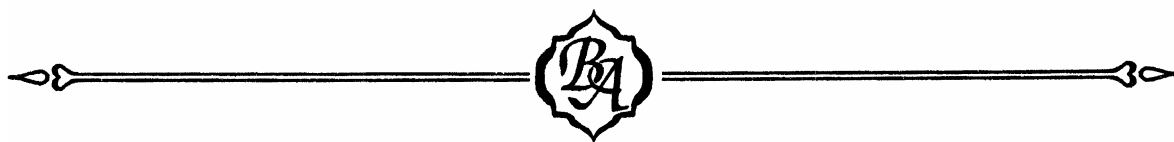
Коль скоро речь зашла о Крачковском, то надо заметить, что для истории русской африканистики далеко не безразличны и труды ученых-арабистов. Как правило, никто из них не занимался арабскими странами Африки, хотя отдельные работы такого рода вы найдете в библиографиях трудов О.И. Сенковского (барона Брамбеуса)⁴⁵, П.С. Савельева⁴⁶ и некоторых других арабистов. Но не менее важны для изучающих историю, литературу, культуру арабских стран Африки работы русских дореволюционных арабистов по общим проблемам арабского мира. Тем, кто заинтересуется этими сюжетами, рекомендую монографию Крачковского по истории русской арабистики, а также книгу Б.М. Данцига⁴⁷ «Ближний Восток в русской науке и литературе» (М., 1973).

7. Рассматривая тематику русских дореволюционных исследований по проблемам Африки, не трудно заметить, что в большинстве случаев мы имеем дело с географическими и этнографическими, языковыми, литературоведческими и религиоведческими исследованиями. Изучение текущей истории (current history, как говорят англичане), не говоря уже о современных экономических, социальных и других подобного рода проблемах, ограничивалось в основном наблюдениями и записками путешественников. Говорю «в основном» потому, что еще до революции некоторые русские ученые стали обращаться к злободневным проблемам африканского континента – таким, как проблемы колониализма и антиколониальной борьбы.

В этой связи надо вновь назвать фамилию Ковалевского, но уже не Егора Петровича – исследователя Судана, а его однофамильца, знаменитого историка, социолога и

правоведа академика Максима Максимовича Ковалевского (1851–1916)⁴⁸. Максим Ковалевский, как вы, конечно, знаете, был близко знаком с Марксом и Энгельсом, переписывался с ними и, несомненно, испытал определенное влияние их взглядов, хотя марксистом так и не стал. Думаю, знаете вы и о том, что основоположники марксизма ценили труды Ковалевского о сельской общине. Так вот в одном из них – книге «Общинное землевладение», изданной в 1879 г.⁴⁹, большой раздел был посвящен положению в Алжире. Ковалевский дал здесь очень глубокий для своего времени анализ аграрной политики французских колонизаторов и воздействия колониального режима на судьбы алжирской общины.

К африканской тематике обращались в дореволюционное время и исследователи марксистской школы, среди них Михаил Лазаревич Вельтман (Павлович) (1871–1927)⁵⁰. Это один из первых русских специалистов по проблеме империализма и колониальным вопросам. Впоследствии – крупный советский и общественный деятель. Он был в числе главных организаторов 1-го съезда народов Востока в Баку (1920 г.), а затем возглавил созданную в 1921 г. Всероссийскую научную ассоциацию востоковедения. Тема колониальной экспансии империализма, в частности на африканском материке, рассматривается в ряде работ Павловича, написанных еще в дореволюционное время. Но чтобы окончательно не утомлять вас, назову лишь одну – брошюру об англо-бурской войне 1899–1902 гг., изданную непосредственно в период войны⁵¹. Что характерно для этой работы Павловича. Я бы сказал, диалектичность подхода к оценке характера войны. Павлович разоблачал империалистическую политику Англии в Южной Африке и показывал, что бургские республики – Трансвааль и Оранжевая – отстаивают свою национальную независимость. Но он показал также и то, что, борясь с британским колониализмом, буры в то же время выступают сами в роли колонизаторов – по отношению к коренному, африканскому населению Южной Африки. И в этом Павлович спра-

ведливо видел ахиллесову пяту антиколониального сопротивления в Трансваале и Оранжевой.

Плодотворность марксистского подхода к актуальным проблемам Африки продемонстрировал и Федор Аронович Ротштейн (1871–1953)⁵². Известный революционер, впоследствии видный советский дипломат и ученый, академик, специалист по новой и новейшей истории Западной Европы, особенно истории международных отношений. Молодость Ротштейна прошла в эмиграции, в Англии. Он активно участвовал в британском рабочем движении, был одним из создателей британской коммунистической партии, а в 1920 г. вернулся на Родину*. Живя в Англии, Ротштейн обратился к истории Египта, находившегося в то время под британским владычеством. В ответ на книгу британского протектора Египта лорда Кромера⁵³, идеализировавшего колониальный режим как политику «цивилизации и прогресса», Ротштейн написал свою книгу – глубоко научное и документально обоснованное исследование «Egypt's ruin» («Разорение Египта»). Она была опубликована в Лондоне в 1910 г. Уже само название этой работы показывает ее антиколониальную направленность. Книга имела большой резонанс, современники назвали ее «Анти-Кромером». В советское время она дважды издавалась (в значительно дополненном виде) под названием «Захват и закабаление Египта»⁵⁴. В самом Египте она переведена на араб[ский] язык. До сих пор работа Ротштейна остается одним из лучших в мировой науке исследований истории Египта под британским игом. На нее постоянно ссылались и ссылаются прогрессивные авторы, пишущие о Египте, начиная с Розы Люксембург⁵⁵ и кончая современными арабскими учеными. По словам одного из них, Ибрахи́ма Амира, Ротштейн принадлежит к числу

«наиболее выдающихся не английских историков, разоблачавших империализм в Египте»⁵⁶.

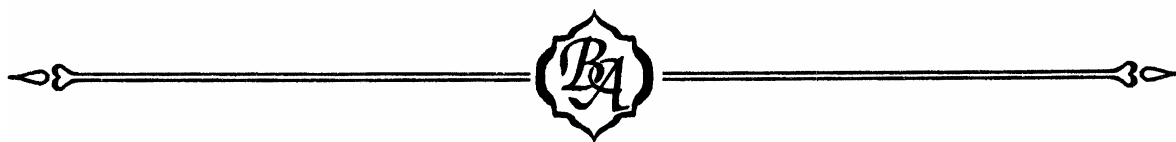
Конечно, и Максим Ковалевский, и М.Л. Павлович, и Ф.А. Ротштейн не были профессиональными африканистами. Но именно они сделали первые шаги по пути научного осмысления современных проблем Африки – т.е. первые шаги в том направлении, которое стало главным, определяющим в развитии африканских исследований в СССР.

8. Прежде чем кончить свой доклад, хотел бы напомнить еще об одной группе россиян, побывавших в Африке или писавших о ней. Я имею в виду представителей так называемых свободных профессий – врачей, журналистов, писателей, художников. Их было немало, причем встречались среди них и знаменитости. В 1853 г., во время своего всем известного плавания на фрегате «Паллада», побывал на Мысе Доброй Надежды классик нашей литературы И.А. Гончаров⁵⁷. О Гончарове, да и о других русских, побывавших в Южной Африке, очень интересно рассказывают в своей книге «Облик “Далёкой страны”» (1975) проф[ессор] А.Б. Давидсон⁵⁸ и В.А. Макрушин⁵⁹. Настоятельно советую тем, кто еще не читал ее**, достать и прочесть.

Можно было бы назвать еще много имен, но скажу лишь об одном – художнике и искусствоведо Владимире Ивановиче Матвее (1877–1914)⁶⁰. В Африке он не был, но сделал для ее изучения не меньше многих путешественников. Наряду с известным немецким искусствоведом Карлом Эйнштейном⁶¹ Матвей принадлежит к числу первых в мире исследователей африканской пластики – традиционной африканской скульптуры. К сожалению, сам Матвей никогда не видел своей книги. Она была опубликована спустя 5 лет после его смерти, в 1919 г., под псевдонимом В. Марков и называлась «Искусство негров». Обратите внимание на дату – 1919 г. В трудную пору гражданской войны и иностранной интервенции молодая Со-

* Далее зачеркнуто: «Многие из вас, вероятно, слышали о сыне Федора Ароновича – современном английском историке-коммунисте Эндриу Ротштейне, который проявляет постоянный интерес к колониальной проблематике».

** Далее зачеркнуто: «найти».

ветская Россия изыскала средства и возможности для публикации исследования по такой, казалось бы, мало актуальной в то время тематике, как африканское искусство.

Подводя итог, можно без всяких преувеличений сказать, что современная советская африканистика имеет славных предшественников и давние традиции. И мы вправе гордиться ими.

* * *

Дорогие друзья. Мы вспоминали сегодня, в день Африки, первых русских ученых, занимавшихся изучением этого континента. Их дело продолжают и развивают уже несколько поколений советских ученых. Среди них видное место занимает крупный историк-африканист, один из создателей нашего института, первый заведующий Сектором истории, доктор исторических наук Сергей Руфович Смирнов⁶². Осенью нынешнего года исполняется 70 лет со дня рождения С.Р. Смирнова, и к этой дате будет приурочено специальное научное заседание.

Но я не случайно вспоминаю о Смирнове на этом заседании. Сегодня, 25 мая, исполнилось ровно 10 лет со дня его смерти*. Разрешите просить вас почтить вставанием память нашего старшего товарища, а вместе с ним память всех российских и советских ученых, которые занимались проблемами африканского континента и способствовали своими трудами взаимопониманию, сближению и дружбе между нашей страной и народами Африки.

Архив РАН. Ф. 1797 (Г.А. Нерсесов). Оп. 1. Д. 34. Л. 2–26. Машинопись с правкой.

* Далее зачеркнуто: «Вот почему»

Примечания

¹ Тарле Евгений Викторович (1874–1955) – историк, академик АН (с 1927 г.).

² Памяти Георгия Александровича Нерсесова // Народы Азии и Африки, 1982, № 6, с. 209.

³ Там же. С. 208.

⁴ Давидсон А.Б. Георгий Александрович Нерсесов – историк-африканист // Африка. Проблемы истории. М., 1986, с. 221.

⁵ См.: Новейшая история Африки. М., 1964; изд. 2-е. М., 1968.

⁶ Памяти Георгия Александровича Нерсесова, с. 209.

⁷ Ливингстон Давид (1813–1873) – английский исследователь Африки.

⁸ Стэнли Генри Мортон (настоящие имя и фамилия Джон Роулэндс) (1841–1904) – журналист, исследователь Африки.

⁹ Ковалевский Егор Петрович (1809–1868) – путешественник и писатель, генерал-лейтенант, директор Азиатского департамента МИД (1856–1861), чл.-корр. (с 1856 г.), почетный член (с 1857 г.) АН.

¹⁰ Горнунг Михаил Борисович (род. в 1926 г.) – географ, ст. научный сотрудник Института географии АН (с 1962 г.).

¹¹ Олейников Игорь Николаевич (1933–1975) – географ.

¹² См.: Горнунг М.Б., Олейников И.Н. Географическое изучение Африки в России // Изучение Африки в России. М., 1977, с. 30–71.

¹³ Швейнфурт Георг Август (1836–1925) – естествоиспытатель и ботаник, исследователь Африки.

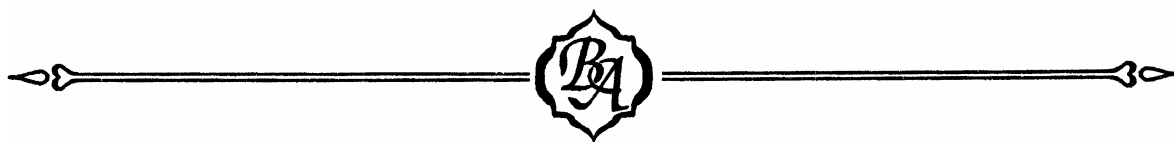
¹⁴ Дмитриевский Юрий Дмитриевич (1920–2001) – географ.

¹⁵ Дмитриевский Ю.Д. Русские исследователи природы Восточного Судана // Ученые записки Вологодского педагогического института. Вологда, 1952, т. 10, с. 58.

¹⁶ Шольц-Рогозинский Стефан Людвигович (1860–1896) – мичман, инициатор и руководитель научной экспедиции в Камерун в 1883–1884 гг.

¹⁷ См.: Коковцев М.Г. Описание Архипелага и Варварийского берега. СПб., 1786; он же. Достоверные известия о Алжире. СПб., 1787.

¹⁸ Косвен Марк Осипович (1885–1967) – этнограф, историк, профессор МГУ (1934–1954), ст. научный сотрудник Института этнографии АН (1935–1937, 1943–1965). (См.: Косвен М.О. Первый русский африканист М.Г. Коковцев //

Советское востоковедение, 1956, № 2, с. 91–95).

¹⁹ Фонвизин Денис Иванович (1744 или 1745–1792) – писатель, просветитель.

²⁰ Новиков Николай Иванович (1744–1818) – просветитель, писатель, журналист, издатель.

²¹ Артамонов Леонид Константинович (1859–1932) – генерал от инфантерии, командир 1-го армейского корпуса (1911–1914), начальник 18-й Сибирской пехотной дивизии (1917), военный советник негуса Менелика II (1898).

²² Леонтьев Николай Степанович (1862–?) – гвардии поручик, военный советник негуса Менелика II (1895–1896).

²³ Кацнельсон Исидор Саввич (1910–1981) – египтолог, ст. научный сотрудник Института востоковедения АН СССР.

²⁴ См.: *Кацнельсон И.С.* А.К. Булатович – гусар, землепроходец, схимник // Булатович А.К. С войсками Менелика II. М., 1971, с. 3–31.

²⁵ Мухаммед Али-паша (1769–1849) – правитель Египта.

²⁶ Имеется в виду Государственный комитет Совета министров СССР по внешнеэкономическим связям.

²⁷ Чернышевский Николай Гаврилович (1828–1889) – революционер-демократ, ученый, писатель, литературный критик.

²⁸ См.: *Юнкер В.В.* Путешествия по Африке. М., 1949.

²⁹ Ценковский Лев Семенович (1822–1887) – ботаник, протистолог и бактериолог, чл.-корр. АН (с 1881 г.).

³⁰ Эйхенвальд Эдуард Иванович (Карл Эдуард) – естествоиспытатель и палеонтолог, чл.-корр. АН (с 1826 г.).

³¹ Штраух Александр Александрович (1832–1893) – зоолог, директор Зоологического музея АН (1879–1890), академик АН (с 1870 г.).

³² Голенищев Владимир Семенович (1856–1947) – египтолог.

³³ Голенищев основал кафедру египтологии в Университете короля Фуада в Каире.

³⁴ Лемм Оскар Эдуардович (1856–1918) – египтолог.

³⁵ Тураев Борис Александрович (1868–1920) – востоковед, академик АН (с 1918 г.).

³⁶ См.: *Тураев Б.А.* История Древнего Востока. СПб., 1913.

³⁷ III Всесоюзная конференция африканистов состоялась в Москве 15–17 октября 1979 г.

³⁸ Дорн Борис Андреевич (Иоганн Альбрехт Бернгард) (1805–1881) – востоковед-историк,

иранист, профессор Харьковского университета (1827–1835), академик АН (с 1842 г.).

³⁹ Порфирий (Константин Александрович Успенский, 1804–1885) – востоковед, византолог, археолог, епископ Чигиринский, викарий Киевской епархии (1865–1878).

⁴⁰ Крачковский Игнатий Юлианович (1883–1951) – востоковед-арабист, академик АН (с 1921 г.).

⁴¹ См.: *Порфирий (Успенский).* Восток христианский. Абиссиния. Церковное и политическое состояние Абиссинии с древнейших времен до наших дней // Труды Киевской духовной академии. Киев, 1866, № 3–6; *он же.* Восток христианский. Участие России в судьбе Абиссинии // Там же. 1866, № 8, с. 420–421.

⁴² Болотов Василий Васильевич (1853–1900) – историк православной церкви, чл.-корр. АН (с 1893 г.).

⁴³ См.: *Болотов В.В.* Несколько страниц из церковной истории Эфиопии // Христианское чтение, 1888, № 3–4, с. 450–469; № 7–8, с. 30–62; № 11–12, с. 775–832.

⁴⁴ *Крачковский И.Ю.* Введение в эфиопскую филологию. Л., 1955.

⁴⁵ Сенковский Осип (Юлиан) Иванович (1800–1858) – писатель, журналист, востоковед, редактор и издатель журнала «Библиотека для чтения», чл.-корр. АН (с 1828 г.).

⁴⁶ Савельев Павел Степанович (1814–1859) – археолог, востоковед-арабист, нумизмат.

⁴⁷ Данциг Борис Моисеевич (1896–1973) – историк, научный сотрудник Института востоковедения АН (с 1955 г.).

⁴⁸ Ковалевский Максим Максимович (1851–1916) – историк, юрист, социолог, академик АН (с 1914 г.).

⁴⁹ См.: *Ковалевский М.М.* Общинное землевание, причины, ход и последствия его разложения. М., 1879, ч. 1.

⁵⁰ Павлович Михаил Павлович (настоящие имя и фамилия Михаил Лазаревич Вельтман, 1871–1927) – деятель революционного движения, востоковед, ректор Московского института востоковедения (с 1921 г.).

⁵¹ *Вельтман М.Л.* Что доказала англо-бурская война? Одесса, 1901.

⁵² Ротштейн Федор Аронович (1871–1953) – историк, дипломат, полпред в Персии (1921–1922), директор Института мирового хозяйства и мировой политики (1924–1925), ответственный редактор журнала «Международная жизнь», академик АН (с 1934 г.).

⁵³ Кромер Эвелин Баринг (1841–1917) – английский государственный деятель и дипломат, лорд, резидент в Египте (1882–1907).

⁵⁴ См.: *Ротштейн Ф.А.* Захват и закабаление Египта. М.–Л., 1925; изд. 2-е, М.–Л., 1951.

⁵⁵ Роза Люксембург (настоящие имя и фамилия Розалия Люксембург, 1871–1919) – деятель немецкого, польского и международного рабочего движения, философ, экономист, публицист.

⁵⁶ См.: *Ротштейн Ф.А.* Указ. соч., изд. 2-е, с. 12.

⁵⁷ Гончаров Иван Александрович (1812–1891) – писатель, чл.-корр. АН (с 1860 г.).

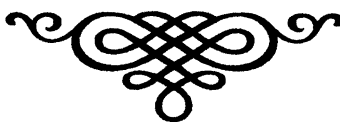
⁵⁸ Давидсон Апполон Борисович (род. в 1929 г.) – историк-африканист, директор Центра африканских исследований Института всеобщей истории РАН.

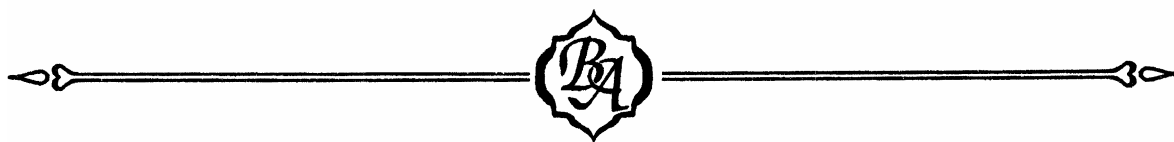
⁵⁹ Макрушин Валентин Александрович (1902–1987) – африканист.

⁶⁰ Матвей Владимир Иванович (настоящие имя и фамилия Вольдемар Матвейс, 1877–1914) – искусствовед.

⁶¹ Эйнштейн Карл (1885–1940) – немецкий поэт и прозаик, теоретик искусства, художественный критик.

⁶² Смирнов Сергей Руфович (1909–1969) – историк, зав. сектором истории Института Африки АН (с 1959 г.). Подробнее о нем см.: *[Нерсесов Г.А.] Памяти Сергея Руфовича Смирнова // История Африки. Сб. статей. М., 1971, с. 4–20.*

П.Э. Подалко

«КИТАЙСКИЙ ФАКТОР» В СИСТЕМЕ ОБУЧЕНИЯ РОССИЙСКИХ УЧЕНЫХ-ВОСТОКОВЕДОВ И ДИПЛОМАТОВ

Особенностью становления и развития российско-китайских отношений было отсутствие «военного прецедента». В отличие от подавляющего большинства современных государственных границ, граница между Россией и Китаем сложилась не в результате войн, а путем переговоров, благодаря дипломатическим усилиям обеих сторон¹. В этой ситуации чрезвычайно важную роль играл и продолжает играть пресловутый «человеческий фактор». В данном случае – кадровая политика, на основе которой и происходит формирование эшелона непосредственных исполнителей государственных интересов, а также осуществление подготовки всесторонних специалистов, могущих при необходимости превращаться из ученых в дипломатов, из дипломатов – в педагогов, журналистов и т.д., а иной раз и совмещать несколько названных функций в своей профессиональной деятельности. В предлагаемой статье автор намерен рассмотреть некоторые особенности истории формирования рядов российских востоковедов – специалистов по Китаю и Японии в дореволюционный период, а также привести примеры из современности.

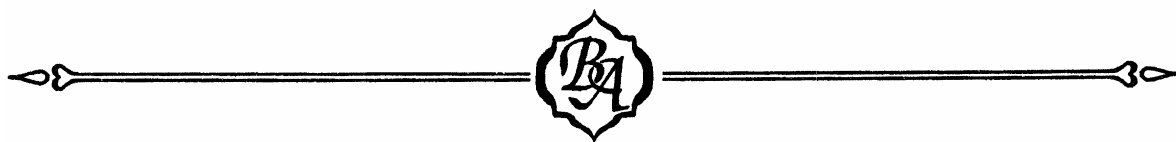
Россия и Китай: первые контакты и первые специалисты

Первая известная попытка русских проникнуть в Китай относится к 1608 г., когда томский воевода В.В. Волынский послал отряд казаков под командой Ивана Белоголова для исследования путей в страну, о которой ходили легенды. Однако вследствие отсутствия проводников и недостаточной подготовки поход сорвался на самом раннем этапе. Вторая попытка была предпринята семь лет спустя (август 1615 г.), уже при новой династии Романовых, но тоже самовольно – то-

больский воевода Куракин направил отряд томских казаков (атаман В. Тюменец) в Монгольскую землю и Китай. На сей раз казаки дошли до верховьев реки Абакан (современная Республика Хакасия) и далее, где в районе озера Убсу-Нур (ныне – пограничье Монгольской Народной Республики и Республики Тыва в составе Российской Федерации) они приняли присягу на верность русскому царю у местного монгольского хана, попутно собрав некоторые сведения о Китае.

Подобные «региональные инициативы» сибирских властей не нравились центральному правительству в Москве. Специальным приговором Боярская Дума запретила 31 декабря 1616 г. сибирякам самовольно отправлять посольства в Монголию и Китай². Желанием взять этот процесс под государственный контроль стало решение об отправке 9 мая 1618 г. из Томска новой миссии (глава – И. Петелин, по другим источникам – И. Петлин), на этот раз – непосредственно в Китай.

1 сентября 1618 г. русские дипломатические представители впервые в истории вступили на территорию Пекина, в котором они пробыли в общей сложности почти два месяца (до 24 октября 1618 г.). Возвращаясь на родину, они везли с собой письмо императора Чжу Ицзюня (династия Мин), которое, однако, не было прочитано в Москве вплоть до 1675 г. (!) из-за отсутствия там переводчиков с китайского языка. Так впервые обозначилась проблема отсутствия переводчиков, знакомых с языком Поднебесной империи. Дорожные записи, которые И. Петелин вел в течение всей экспедиции, были впервые изданы в Англии, в 1625 г.³ В России же их напечатали только в 1818 г.⁴ В 1689 г. был заключен Нерчинский договор – первый договор Китая с западной державой (каковой, без сомнения, являлась для Поднебесной даже до-

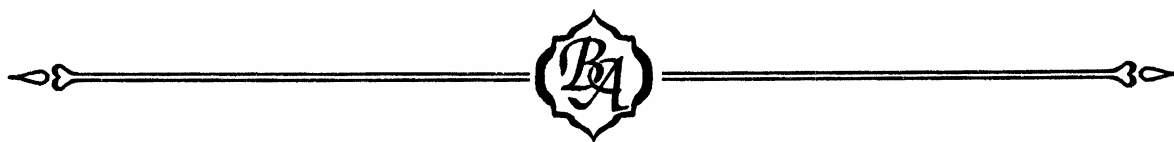
петровская Россия). Это произошло почти на двести лет раньше, чем были заключены подобные договоры Китая с основными европейскими государствами. Его очевидная невыгодность для России, приведшая к территориальным уступкам в Приамурье, во многом была обусловлена отсутствием по-прежнему у русской стороны знатоков китайского языка и обряда. Таким образом, потребность в обученных кадрах была слишком остра, чтобы и далее ее игнорировать. 18 июня 1700 г. Петр I выпустил указ митрополиту Киевскому Варлааму Ясинскому о наборе молодых людей для изучения китайского и монгольского языков при Православной миссии в Пекине и подготовки будущих драгманов (переводчиков). Первая официальная православная миссия в составе 10 человек, включая семерых причетников (будущих первых русских обученных «китаистов») прибыла в Пекин в январе 1716 г.⁵ Впоследствии статус русской миссии был закреплен Кяхтинским договором (1728 г.). Согласно этому договору правительство Китая разрешило присылать каждые десять лет в Пекин миссию в составе все тех же десяти человек: архимандрита, двух иеромонахов, иеродиакона, двух причетников и четырех семинаристов, в обязанности которых, помимо официальных православных функций, входило также изучение китайского языка. Этим, в частности, объясняется тот факт, что первыми специалистами-китаеводами в России стали лица духовного звания (ими же созданы первые наши двуязычные словари⁶). Впоследствии китайский язык и вообще все китайское стало рассматриваться как базовые знания для изучения любой страны и культуры Дальнего Востока, что вызвало появление «двусоставных» отделений восточной специализации в тогдашних российских университетах, как-то: китайско-монгольское, китайско-маньчжурское и т.д.

«Китайский акцент» российского японоведения

Официальная история преподавания в России японского языка и основ японской

культуры почти столь же длинна, как и в случае с Китаем. Однако действительные результаты изучения Японии в течение длительного времени были более чем скромными. 8 января 1702 г. в селе Преображенском произошла известная встреча Петра Великого с потерпевшим кораблекрушение у берегов Камчатки японцем Дэмбэем. Принято считать, что эта встреча положила начало правительственному интересу к перспективе установления торговых и дипломатических отношений с Японией и заложила основы преподавания в России японского языка. Причем, в отличие от китайского языка, японский уже на первых порах преподавали носители этого языка, каковыми являлись и Дэмбэй, и все последующие японцы, попадавшие в Россию аналогичным путем, что и он. Однако эти «преподаватели» были в основном полуграмотными рыбаками. Политическая же закрытость и географическая удаленность Японии, а главное – отсутствие реальной потребности в установлении сколько-нибудь серьезных двусторонних отношений привели к тому, что Школа японского языка, открытая в Петербурге в соответствии с приказом Петра⁷, просуществовав более ста лет, в 1816 г. закрылась⁸, как не оправдавшая надежд. Положение начало меняться только в канун XX века, и не в столице, а на далекой периферии.

Перед открывшимся 21 октября 1899 г. во Владивостоке Восточным институтом стояла задача «подготавливать учащихся в нем лиц к службе в административных и торгово-промышленных учреждениях Восточно-азиатской России и прилегающих к ней государств». Для этого наряду с преподаванием живых языков стран Дальнего Востока там впервые ставилась задача подготовки всесторонних специалистов по этим странам⁹, т.е. язык как таковой не являлся единственным приоритетом. Например, в Петербургском университете японский язык к тому времени уже преподавался (с 1888 г.¹⁰), но – факультативно, т.е. по желанию студентов, и без должного усердия (а главное – без достаточной квалификации) преподавателей. Обязательным же предме-

том он стал только в 1908 г.¹¹ В то же время в Петербурге существовала давняя и хорошая традиция изучения других восточных языков, в частности китайского и монгольского. Первыми российскими японоведами (в свою очередь подготовившими несколько лет спустя первый «дипломированный» выпуск Восточного института) были фактические китаеведы, окончившие Восточный факультет Петербургского университета по китайско-маньчжурско-монгольскому разряду, такие, как Е.Г. Спальвин и Д.М. Позднеев.

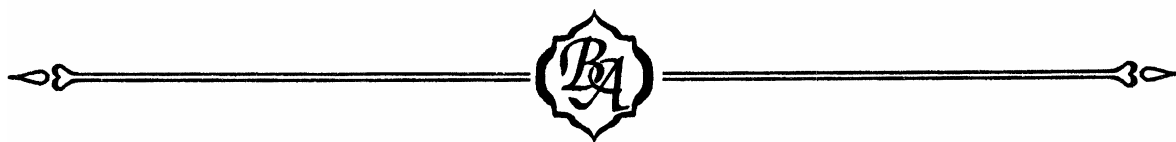
Очевидно, что подобное «многочленное» строение отделений Восточного факультета в Петербурге оказало определенное влияние на новый Восточный институт. Уже после первого (общеобразовательного) курса там существовало разделение на самостоятельные китайско-японское, китайско-корейское, китайско-маньчжурское и китайско-монгольское отделения. Три последующих года шла фактическая специализация, при сохранении китайского элемента в качестве базового, с точки зрения происхождения языков и культур региона.

Китайский язык играл в Институте роль своеобразной «латыни Дальнего Востока», и детальное ознакомление с Китаем и китайскими реалиями являлось обязательным условием для всех студентов, независимо от языка дальнейшей специализации. Общие для всех отделений предметы включали также английский язык (а по желанию – еще и французский), богословие, курсы общей и коммерческой географии, этнографии, политической и новейшей истории стран Восточной Азии, государственное устройство России и ведущих стран Европы, международное гражданское и торговое право, историю Дальнего Востока, политэкономия, счетоводство, товароведение. Среди специальных предметов японоведы, к примеру, изучали обзор политического устройства и торгово-промышленной деятельности Японии. Для совершенствования изучаемых языков студенты в период летних каникул направлялись в соответствующие страны, причем если преподаватель должен был посещать изучаемую им страну не реже одного раза в три

года, то для студентов такая стажировка была предусмотрена уже после первого курса¹². Это было логично, поскольку срок обучения составлял всего четыре года. Дальнейшее прохождение карьеры зависело от множества факторов, далеко не всегда благоприятных к бывшим студентам. Интересно, что уже на втором курсе студенты и слушатели японского отделения должны были уметь читать японские газеты и журналы, разбираться в скорописи, вести разговор на общебытовые темы. Ко времени же окончания последнего, 4-го курса им полагалось владеть иероглификой в объеме до 3000 знаков, переводить военно-политические статьи, составлять деловые бумаги, знать основы частной и официальной переписки¹³.

Даже беглый взгляд на перечень предметов и, в особенности, на требования, предъявлявшиеся к объему знаний выпускников-японоведов, заставляет, с одной стороны, усомниться в реальном усвоении ими всего перечисленного (ибо указанные выше нормы существенно превышают те, которые практикуются в настоящее время для выпускников востоковедческих факультетов российских университетов), а с другой стороны – заставляет задуматься о возможных способах достижения этих знаний. Думается, что не последнюю роль в этом играло изучение китайского языка и культуры, особенно если речь идет об усвоении иероглифики, скорописи, работе с текстом и т.д.

Стоит отметить и еще один важный момент: необходимость в специалистах по Японии и Корее во многом возникла в связи с внезапной (как для большинства современников, так во многом и для самой русской администрации) активизацией российской внешней политики в дальневосточном регионе. Потребность же в маньчжуро-, и даже монголоведах, была, скорее всего, на деле не столь велика, да и сами эти языки не представлялись в то время чрезмерно важными и трудными для усвоения. Но никто не сомневался в важности для России китайского соседства, как экономической, так и политической, и последовательная подготовка специалистов по «меньшим» язы-

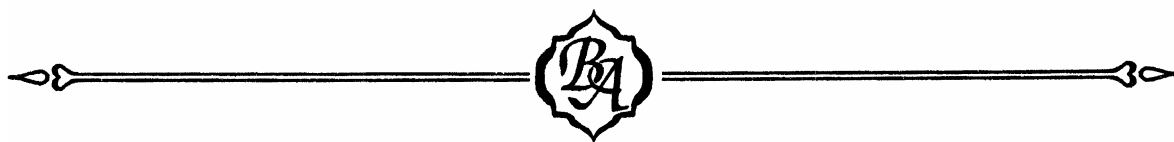
кам/странам позволяла в случае необходимости быстро перепрофилировать нужное количество монголо-, маньчжуро-, японо-, и корееведов на китайскую тематику. Эта гипотеза автора статьи отчасти подтверждается как местами последующей службы офицеров-слушателей Восточного института (вне зависимости от отделения основной специализации), так и беглым обзором опубликованных ими научных и популярных работ¹⁴. Однако вызывает удивление отсутствие в Восточном институте собственно китайской специализации, т.е. подготовки узкопрофессиональных китаистов, без последующего перехода на какой-либо другой язык¹⁵. Очевидно, это было вызвано как сомнениями в отношении политической будущности самого китайского государства в тот период, так и сугубо утилитарными задачами, стоявшими перед российской администрацией на Дальнем Востоке. Взаимодействие с маньчжурской верхушкой континентального Китая, стремление проникнуть вглубь Корейского полуострова, зарождающиеся контакты с Японией и транзит через монгольскую территорию обуславливали повышенный интерес к соответствующим языкам и культурам. Таким образом, отказывая Китаю в рассмотрении его как равноправного партнера, российская сторона признавала важность изучения Китая и китайского языка для освоения восточных окраин и закрепления на берегах Тихого океана.

В то же время процесс обучения двум восточным языкам был крайне сложен как из-за чисто языковых трудностей (по сути, объединяющим моментом у всех названных выше языков была только китайская иероглифика, к тому же не столь обязательная для практического применения у монголо- и маньчжуроведов), так и за отсутствием должного опыта у преподавателей и недостаточным уровнем общей подготовленности большинства студентов и слушателей. Результатом накопившихся противоречий стало обращение директора Восточного института А.В. Рудакова в марте 1911 г. к приамурскому генерал-губернатору Н.Л. Гондатти по вопросу о необходимых изменени-

ях в учебных планах института, составленное на основании восьми докладных записок, представленных его тогдашними преподавателями, считавшими подобный метод нерациональным. В качестве главной причины необходимости изменения системы обучения указывалось, что студенты не успевают усваивать учебный материал, так что в получаемых ими знаниях образуются существенные пробелы¹⁶. В итоге в учебные программы института были внесены изменения. Однако по ряду причин планы введения новой, японо-корейской специализации (взамен китайско-корейской и китайско-японской) и постепенного изъятия «китайского компонента» из процесса обучения другим языкам не были полностью осуществлены¹⁷. Процесс этот завершился лишь в 1920-х годах. С тех пор вузы России избегают вводить в свои учебные программы преподавание двух и более дальневосточных языков в рамках профессиональной специализации студентов¹⁸.

Дипломаты и военные

Царская Россия в начале XX в., в период наибольшей активизации своей дипломатической деятельности на Дальнем Востоке, имела, помимо миссий в Пекине (с 1861 г.), Токио (с 1908 г. – в ранге посольства) и Сеуле (с 1885 г.), также множество консульств и консульских пунктов. 24 из них находились на территории Циньского Китая¹⁹ (в том числе 5 – в провинции Синьцзян и 8 – в Маньчжурии), 4 – в Монголии, также бывшей тогда в формальном подчинении Циньской империи²⁰, 5 – в Корее и 5 – в Японии. При этом консульства в Корее оказались переподчинены посольству России в Токио с момента включения Кореи в состав Японской империи согласно Акту о присоединении Кореи от 1910 г. Согласно подсчетам американского исследователя Дж. Ленсена, всего на Дальнем Востоке в период с 1858 (заключение Айгуньского договора с Китаем, установившего границу по р. Амур) по 1924 год (последний год работы «старого» посольства в Токио с последующим признанием Со-

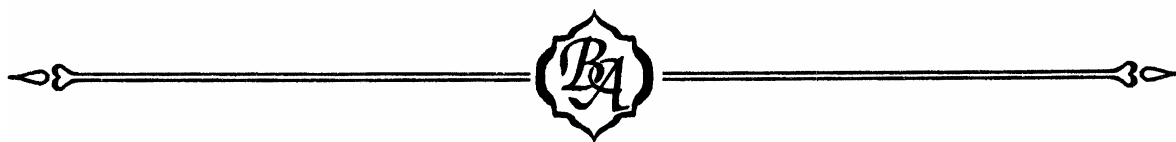

ветского правительства всеми странами региона) в странах Дальнего Востока прослужил 331 русский дипломат (включая гражданских и военных представителей). Из них более половины работало в различных районах Китая и Монголии, около 20 процентов – в Японии, и около 15 процентов – в двух и более странах²¹. Из 331 дипломата 85 человек (т.е. почти каждый четвертый) прослужили на Дальнем Востоке десять и более лет. Применительно к Китаю, из 15 полномочных представителей, посланников и чрезвычайных посланников России (включая адмирала графа Е.В. Путятина, заключившего Пекинский договор 1860 г.) только шестеро до назначения в эту страну не имели опыта работы в Восточной Азии; прочие же либо знакомы с этой страной в качестве языковых стажеров, либо успели побыть какое-то время на низших должностях в Китае, Японии или Корее и тем самым подготовиться в достаточно широком историко-культурном плане к занятию новой должности. В противоположность этому, из десятка русских посланников и послов в Японии за тот же период только двое – Р.Р. Розен и В.Н. Крупенский – имели опыт предшествующей работы на Востоке (в Японии и Китае, соответственно²²). Именно они оказались в итоге наиболее признаны с точки зрения профессионального авторитета как своим начальством, так и японскими властями. Розен участвовал в Портсмутской мирной конференции 1905 г. в качестве второго официального представителя России (первым был будущий граф С.Ю. Витте), а Крупенский (назначен послом в Японию в 1916 г.), по некоторым данным, даже успел побыть какое-то время дуайеном всего дипломатического корпуса в Токио (он покинул страну в 1921 г.). Следует также отметить, что многие российские дипломаты, служившие в Японии, попадали туда через Китай, пройдя там стажировку либо прослужив некоторое время в одном из российских представительств. Благодаря такой «обработке» китайской средой, они осваивались в Азии²³. Стоит привести слова одного из таких дипломатов, знакомых с жизнью и работой в обеих странах, Д.И. Абрикосова²⁴. Он

стал последним представителем «старой России» в Японии, признаваемым местными властями (после отъезда В.Н. Крупенского осенью 1921 г.), и провел на Востоке в общей сложности свыше тридцати лет (1912–1913, 1916–1946 гг.). По оригинальному определению Абрикосова, «русские отчего-то чувствуют себя в Китае более по-свойски», чем в Японии²⁵.

Нужен ли сейчас китайский язык японоведам?

В процессе работы над статьей автор провел опрос ряда своих коллег-востоковедов, живущих и работающих в Японии (девять человек, включая самого автора), а также в России (три человека), чтобы узнать их отношение к китайскому языку с точки зрения его теоретической важности и практической необходимости для профессиональных японоведов. Опрошенные являются выпускниками пяти университетов России – Петербурга, Москвы, Екатеринбурга, Новосибирска и Владивостока – и, таким образом, представляют разные школы преподавания восточных языков. Среди них наблюдается как определенная преемственность традиций (Петербург – Владивосток), так и совершенная самостоятельность подхода к преподаванию японского языка (Новосибирск и Екатеринбург, причем последний представляет самую молодую школу подготовки востоковедов из принявших участие в опросе). В состав респондентов вошли десять японоведов (из которых девять человек в настоящее время живут и работают в Японии) и два китаеведа (оба живут и работают в России). Период обучения респондентов охватывает 45 лет (1953–1997 гг.), срок обучения каждого – 5 лет, срок обучения профилирующему языку – 5 лет, помимо этого изучали: китаеведы – японский язык как 2-й восточный (2 человека, срок обучения 2 года); японоведы – китайский язык как 2-й восточный (3 человека, срок обучения 2 года), «бунго» как замена китайскому языку в качестве 2-го восточного (3 человека, срок обучения 1 год, включая занятия по предме-

ту «камбун»); не имели 2-го восточного языка – 4 человека. Относительно необходимости/важности преподавания китайского языка студентам-японоведам получены ответы (включая ответы китаеведов): «нужен» – 6, «не нужен» – 1, «нужен с оговорками» – 5. Интересно, что большинство оговорок относится к категории: «может быть, всем этот язык и не обязательно изучать, но лично мне он в дальнейшем оказался нужен» (3 ответа), либо как вариант: «нужен тем, кто собирается заниматься наукой, а не практической деятельностью» (1 ответ). Один из полученных ответов оставляет открытым вопрос о необходимости изучения второго восточного языка («не знаю, нужен ли он»), но одновременно содержит утверждение, что «культура и философия Китая – нужны». При этом полностью отрицательный ответ получен от японоведа, не изучавшего в прошлом китайский язык ни в какой форме, включая «бунго»/«камбун». Не претендуя на абсолютный характер полученных результатов (к слову, сам автор с большим недоверием относится к различного рода опросам, стараясь по возможности реже прибегать в своей работе к этому способу получения информации, так что здесь мы имеем своего рода исключение из личного правила), можно констатировать определенную тенденцию осознания японоведами важности изучения китайского языка и культуры по мере вхождения в свою профессиональную деятельность. К сожалению, существующая в настоящее время в России система преподавания восточных языков не предполагает сколько-нибудь серьезного изучения японоведами китайского языка как «второго восточного» («вторым иностранным языком» обычно является английский, кроме случаев, когда второго языка вообще не предусмотрено учебной программой, как это было у самого автора).

Вместо заключения

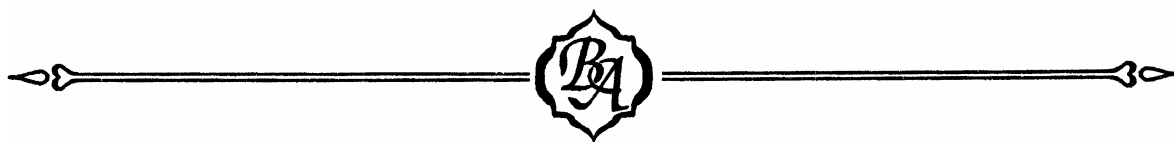
4 ноября 2008 г. в Шанхае прошел международный симпозиум «Триста лет преподавания русского языка в Китае». Более 200

специалистов в этой области рассмотрели итоги развития процесса обучения русскому языку в Китае, оценили его ближайшие перспективы с точки зрения потребностей сегодняшнего и завтрашнего дня. При этом участники симпозиума отметили, что в китайских вузах постоянно расширяются масштабы приема абитуриентов на русские отделения, что чрезвычайно показательно с точки зрения реального спроса и предложения. Особенным вниманием были отмечены на симпозиуме методы подготовки квалифицированных русистов с целью удовлетворения потребностей дипломатии, внешнеторговых контактов и различного рода программ в сфере международных обменов²⁶.

В тот же день (4 ноября 2008 г.) в Японии, в г. Хакодате, на территории местного филиала Дальневосточного государственного университета (Россия), открылся «Русский центр» – первый в Японии и одиннадцатый по счету среди подобных центров, создаваемых в рамках международного культурного проекта под эгидой фонда «Русский мир» на территории России и в зарубежных странах²⁷.

Думается, что несоизмеримость двух вышеназванных мероприятий (несмотря на совпадение дат и некоторое внешнее сходство тематики – распространение русского языка и культуры) является достаточно типичным примером разности масштабов явления и событий, которая возникает почти всегда, если речь заходит о России, с одной стороны, и Китае и Японии (как объектах взаимосравнений) – с другой.

Приведем еще несколько примеров. В 1977 г. Министерство высшего и среднего специального образования СССР в честь 10-летия Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы учредила Медаль имени А.С. Пушкина. Ей награждаются российские и зарубежные общественные и государственные деятели, ученые, педагоги, внесшие значительный вклад в распространение русского языка, литературы и – как результат последнего – русской культуры в зарубежных странах. Ежегодно присуждается не более 10 медалей (первое

награждение состоялось в Берлине летом 1979 г.). В последние годы все большее количество этой и подобных наград уезжают в КНР. Так, в 2008 г. Медаль имени А.С. Пушкина получили 4 китайских русиста, в том числе директор Института русского языка Пекинского университета иностранных языков Ши Тэцян и директор Института русского языка университета Хэйлунцзян Ван Минъюй. Все это является подтверждением возрастания интереса к изучению русского языка, истории и культуры России, начавшегося в Китае с середины 1980-х годов, одним из результатов чего стало появление большого числа новых учебных пособий, создаваемых с учетом изменений, происходящих в мире и России. Так, в 1986 г. был выпущен учебник «Страноведение Советского Союза» (редактор – Ли Миньбинь, профессор Пекинского университета), а в 1996 г. – «Курс лингвострановедения» (редактор – Тань Линь, профессор университета Цзилин). Готовятся и другие пособия и учебники. Думается, что настало время и России откликнуться на этот интерес южного соседа соответствующим вниманием к его языку и культуре, тем паче что этому есть неплохие прецеденты, в том числе – и в недавнем прошлом. Надежду на это вселяют официально объявленные в наших странах «лингвистическими» два последних года: в 2009 г. прошел Год русского языка в Китае, а в 2010 г. – Год китайского языка в России.

Примечания

¹ Автор намеренно исключает упоминание о таких инцидентах из давнего и сравнительно недавнего прошлого, как осада маньчжурами и китайцами крепости Албазин в XVII веке, военное обострение на советско-китайской границе в конце 1960-х – начале 1970-х годов, и т.д., ибо хотя во всех названных случаях обе стороны и прибегали к оружию, имелись жертвы, складывавшаяся ситуация скорее подпадает под определение вооруженного конфликта местного зна-

чения, но никак не полномасштабной войны. Правительства до последнего момента воздерживались от политических заявлений, официально войны не объявлялись, мирные договоры не заключались и т.д.

² Родина, №10, 2004, с. 9. Повторный запрет на официальные переговоры с Китаем был наложен в 1620 г. // Там же, с.11.

³ Purchas S. Hakluytes Posthumus or Purchas his pilgrims, containing a history of the World in sea voyagers and land travels by Englishmen and others. London, 1625. Vol. 3, p. 797.

⁴ Сибирский вестник, 1818, ч. 2, с. 1–36.

⁵ Фактически в Пекине уже с середины 1680-х годов существовала небольшая русская колония, при которой был построен и в 1695 г. освящен храм св. Софии.

⁶ Показательно, что и в начале XX в. тогдашний ведущий японовед Восточного института Е.Г. Спальвин, в прошлом – выпускник Петербургского университета по китайско-маньчжурско-монгольскому разряду, составляя списки книг, необходимых для приобретения в институтскую библиотеку, специально указал словари и другие издания Пекинской духовной миссии в числе важнейших учебных пособий. См.: Еланцева О.П. Е.Г. Спальвин как библиотечкарь Восточного института // Первый профессиональный японовед России. Владивосток, 2007, с. 107.

⁷ Если быть точным, то приказ Петра касался одного Дэмбэя, от которого ожидали, что он сможет обучить своему языку «пять-шесть робят»; собственно школа была открыта уже в эпоху Анны Иоанновны, в 1736 г.

⁸ В Иркутске, куда школа была переведена уже по распоряжению Елизаветы Петровны, в 1754 г.

⁹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3, т. 9, СПб, 1902, с. 518; Известия Восточного института. 1994, с. 14–36, 37–47.

¹⁰ По другим данным – с 1870 г. японский язык преподавался студентам 3–4 курсов китайско-маньчжурско-монгольского разряда Петербургского университета. Петербург стал третьим местом в Европе, где ввели обучение японскому языку (после Парижа и Вены). // Первый профессиональный японовед России, с. 61.

¹¹ Этим, в частности, объясняется тот факт, что во время Русско-японской войны 1904–1905 годов Петербургский университет не смог дать армии ни одного (!) переводчика-япониста, не-

смотря на наличие там кафедры японской словесности уже в 1898 г.

¹² Дальневосточный государственный университет. История и современность. 1899–1999. Владивосток, 1999. С. 15, 20, 24.

¹³ Там же, с. 28.

¹⁴ Русские военные востоковеды до 1917 года. Библиографический словарь. М., 2005.

¹⁵ Следует отметить, что именно введением преподавания китайского языка в местной мужской гимназии в 1895 г. началось изучение восточных языков во Владивостоке. // Первый профессиональный японовед России, с. 132.

¹⁶ Там же, с. 25.

¹⁷ Там же, с. 26.

¹⁸ Исключения касаются факультативного либо «ознакомительного» введения второго восточного языка, который в любом случае не становится обязательным предметом с дифференцированной итоговой оценкой. Как вариант, в ряде университетов в рамках изучения японского языка существует курс «камбун» либо «бунго», знакомящий студентов со старыми письменными формами, историей китайской иероглифики и т.д. Но малое количество отводимых на эти предметы учебных часов и достаточно формальное преподавание (почти всегда – не носителями языка, а русскими лекторами) не приводят в итоге к существенным результатам.

¹⁹ Консульство в Дайрене, находясь формально на китайской территории, подчинялось посольству в Токио.

²⁰ Территория тогдашней Монголии не в полной мере совпадает с современными границами Монгольской Народной Республики, частично включая земли автономной Внутренней Монголии в составе Китая.

²¹ *Lensen G.A.* Russian Diplomatic and Consular Officials in East Asia. Tokyo, 1968, p. 3–8.

²² При этом Розен в перерывах между тремя своими назначениями в Японию успел послужить несколько лет в различных странах Запада, включая Мексику (где он оказался первым русским дипломатом), став к концу службы одним из наиболее опытных дипломатов дореволюционной России.

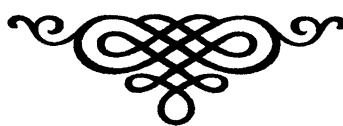
²³ Русские военные востоковеды до 1917 года.

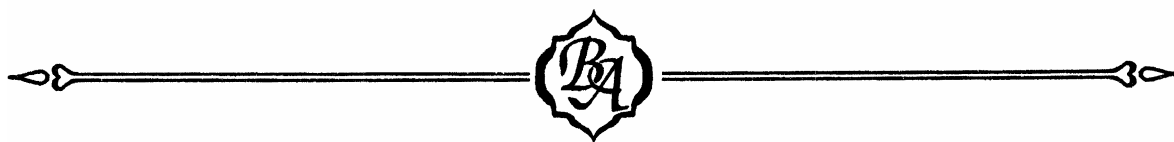
²⁴ О нем см.: *Подалко П.Э.* Япония в судьбах россиян. Очерки истории царской дипломатии и российской диаспоры в Японии. М., 2004, с. 170–200.

²⁵ Дословно: «...Russians generally feel more at home in China». Цитировано по манускрипту мемуаров Абрикосова, копия которого получена автором статьи от В.Ф. Морозова.

²⁶ Русский язык за рубежом, №6, 2008, с. 17.

²⁷ В ноябре 2008 г. Русские центры были организованы также в Армении, Бельгии, США // Русский язык за рубежом № 6, 2008, с. 17.

СВЯТОСЛАВ ИГОРЕВИЧ ПОТАБЕНКО (1923–2011)

С нынешнего номера на обложках «Восточного архива» будет один и тот же рисунок: 13 мая не стало Святослава Игоревича Потабенко. Это он в свое время придумал художественное оформление для нашего журнала и к обложке каждого его номера рисовал картинку, отражающую тему одной из статей.

Долгая жизнь Святослава Игоревича вообще была теснейшим образом связана с искусством – не только как занятием для души, но и как профессией. Кандидат искусствоведения, он был крупнейшим знатоком индийского искусства. Потабенко опубликовал пять монографических исследований и десятки статей. Его альбом-монография «Тема Индии в работах русских и советских художников» опубликован в Индии. Последний крупный труд – вышедшее в свет в 2003 г. исследование «Искусство независимой Индии».

В годы войны С.И. Потабенко направили учиться в Военный институт иностранных языков. Там он не только освоил урду и хинди, но и встретил будущую спутницу всей его жизни, Наталью Романовну Гусеву, преподававшую курсантам этнографию и культуру Индии. Потом была служба в Ташкенте, а после демобилизации из армии – работа в Институте востоковедения. Прерывали ее ненадолго командировки. Самая памятная – в Индию, где в 1962–1964 гг. Святослав Игоревич работал директором Дома советской культуры в Дели. Именно там он впервые публично выставлял свои картины, именно там познакомился с ведущими индийскими художниками. С некоторыми из них Потабенко потом много лет переписывался, их работы легли в основу его научных трудов. Творчество «русского директора» заметили индийцы, полдюжины местных газет заказывали ему рисунки и с удовольствием печатали их.

«У меня есть своя задача – следить за развитием индийского искусства, наблюдать за тем, как оно (активно либо порой пассивно) противостоит западной антиэстетике», – говорил Святослав Игоревич накануне своего 85-летия (см. «Восточный архив», № 18, 2008). Эта задача была делом всей его жизни.

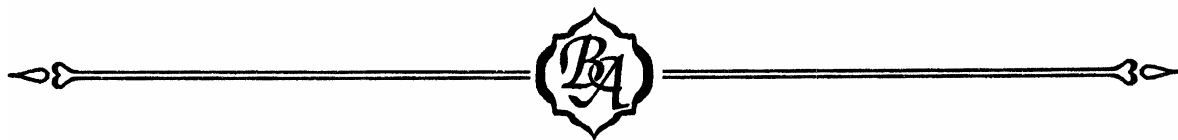
Но у С.И. Потабенко были и другие, тоже важные, задачи. На протяжении многих лет он активно участвовал в реализации программ ЮНЕСКО по изучению культур Центральной Азии. Святослав Игоревич входил в состав Совета Международной ассоциации по изучению цивилизаций Центральной Азии, занимал должность ученого секретаря Российского национального комитета этой организации. Совсем недавно благодаря его инициативе и трудам был опубликован первый выпуск альманаха «Центральная Азия и Южная Сибирь».

Святослав Игоревич щедро делился своими знаниями и умениями с другими. По просьбе дирекции ИВ РАН он разработал и осуществил ориентальное оформление помещений института, а затем и его официального сайта. Почти два десятилетия читал лекции по искусству Индии в Восточном университете. У некоторых из нас остались на память о С.И. Потабенко его дружеские шаржи, подаренные им к нашим юбилеям и нарисованные с выдумкой и мягким юмором.

Вообще Святослав Игоревич был человеком светлым, добрым, жизнелюбивым. Возможно, он и сейчас бы здоровствовал и рисовал очередную картинку на обложку «Восточного архива», если бы в апреле 2010 г. не получил от жизни жестокий удар: скончалась его жена и учительница Наталья Романовна. Без нее Святослав Игоревич прожил недолго...

Человек, ушедший из жизни, остается в памяти знавших его людей. Но и они не вечны... Человек же, имевший в жизни СВОЕ ДЕЛО, как Святослав Игоревич Потабенко, остается в памяти поколений плодами своих трудов – книг, статей, картин. К ним не раз еще будут возвращаться те, кого не оставляет равнодушным великая культура Индии.

Редколлегия

Письмо соболезнования Посольства Индии в России

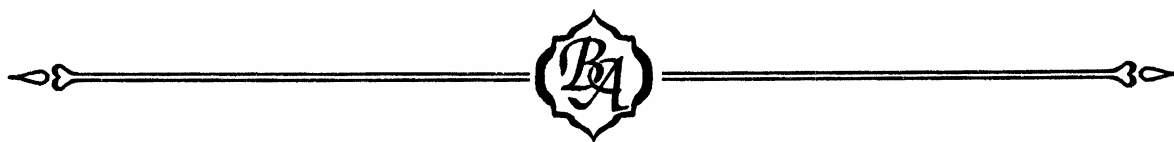
Доктору Виталию В. Наумкину,
директору Института востоковедения
Российской академии наук

Уважаемый д-р Наумкин,

Мы с глубоким прискорбием узнали о кончине Святослава Игоревича Потабенко. Его жизнь и работа отражали его бесконечную любовь и преданность Индии и ее народу. Его всегда будут помнить как великого ученого и художника, который внес огромный вклад в культурное сотрудничество между Индией и Россией.

Мы присоединяемся к Вам в этот горестный час и молимся, чтобы Всемогуший дал Вам силы перенести боль этой невосполнимой утраты. Мы также просим Вас передать наши искренние соболезнования его семье.

С уважением,
Нутан К. Махавир,
советник (отдел информации)
и директор Культурного центра
им. Джавахарлала Неру.
16 мая 2011.

НАШИ АВТОРЫ

БЕЛЯКОВ Владимир Владимирович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: beliakov2007@yandex.ru; www.belyakovv.com

БУХЕРТ Владимир Генрихович – старший научный сотрудник Архива Российской академии наук. E-mail: buhert-1955@mail.ru

ВАЛЕЕВ Рамиль Миргасимович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой Института востоковедения Казанского государственного университета. E-mail: east.inst@ksu.ru

МОЛОДЯКОВ Василий Элинархович – доктор политических наук, приглашенный профессор университета Такусёку (Токио). E-mail: dottore68@mail.ru, <http://molodiakov.livejournal.com>

ПОДАЛКО Петр Эдуардович – профессор университета Аояма Гакуин (Токио). E-mail: podalko@sipeb.aoyama.ac.jp

РОСОВ Владимир Андреевич – доктор исторических наук, заведующий отделом наследия Рерихов Музея Востока (Москва). E-mail: rosov@yandex.ru

ТИМОХИН Дмитрий Михайлович – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: horezm83@mail.ru

ТИХОНОВ Юрий Николаевич – доктор исторических наук, профессор Липецкого государственного педагогического университета. E-mail: alfokdo@mail.ru

ФИЛИППОВА Татьяна Александровна – кандидат исторических наук, заместитель главного редактора – шеф-редактор журнала «Родина». E-mail: filipova2006@yandex.ru

ФРУМИН Митя – кандидат географических наук, докторант кафедры географии Еврейского университета в Иерусалиме. E-mail: mitiaf@gmail.com

ЭМИНОВ Рустем Русланович – заведующий этнографическим отделом Музея истории и культуры крымских татар (филиал Крымского республиканского учреждения Бахчисарайский историко-культурный заповедник). E-mail: rustem.eminov@gmail.com